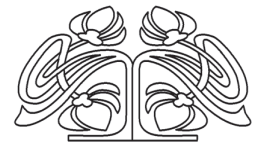

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16

ISSN 1814-733X
ISSN 1819-4907

Издается с 2001 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Макеева Е. Д.** Становление и развитие природоохранной политики Российского государства (XVII – начало XX в.) 5
- Шуваев Д. А.** Рационализация землепользования в имениях тамбовских дворян Давыдовых в конце XVIII – начале XX столетия 11
- Жиров Н. А.** Микродемографический анализ крестьянской смертности в орловской деревне в начале XX века 16
- Поздняков А. Н.** Российские учебники по истории в оценках «Журнала Министерства народного просвещения» (конец XIX – начало XX в.) 22
- Герман А. А.** СССР в 1930-е годы: «Борьба с немецким национализмом» 28
- Антимонов М. Ю.** На грани выживания: молодежь в условиях социально-экономического кризиса 1930-х годов 34

Всеобщая история и международные отношения

- Иващенко М. В.** Место магистрата Клеитос в системе клеймения керамической тары острова Фасос 39
- Ахиев С. Н.** Основные направления пропаганды Гая Юлия Цезаря 43
- Кирюшкина В. В.** Торквато Тассо: образ безумного поэта в интерпретации романтиков 49
- Сабитова Л. Р.** Восточная политика Британии: от Карловицкого конгресса до начала Французской революции 54
- Костина А. К.** Джон Генри Ньюмен и Оксфордское движение 61
- Коренев Е. С.** Начальный этап разработки региональной стратегии НАТО в контексте геополитических изменений первой половины 1990-х годов 65
- Лапенко М. В.** Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия 71
- Редченко Д. В.** РПР-ПАРНАС и сирийский кризис 76

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** История первоначального Саратова 1590–1604 годов: характеристика источников и хронология событий (до начала Смутного времени) 80
- Лукоянова М. А.** Социально-экономическое развитие уездных городов Саратовского наместничества в 1780-е – начале 1800-х годов 87
- Кочуков С. А.** Национально-освободительное движение на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах газеты «Саратовский справочный листок» 93
- Яковлева Ж. В.** Борьба с церковью на местах в 1930-е годы: к вопросу о поведении партийно-советских функционеров низового звена и рядовых верующих 99
- Гуменюк А. А.** Повседневный мир учреждений родовспоможения Нижнего Поволжья во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х годов 103
- Кабытов П. С.** Региональное преломление современных подходов к изучению истории народного просвещения в России 109

Критика и библиография

Представляем книгу

- Биткинова В. В.** Рецензия на книгу: Мезин С. А. Пётр I во Франции 114
- Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н.** Новые грани англосаксонской истории: Рецензия на книгу: Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе конца IX – середины XI веков: социальный статус и художественный образ 116

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес учредителя и редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.03.16.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ 31-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Makeeva E. D.** The Formation and Development of Environmental Policy of the Russian State (XVII – the beginning of the XX century) 5
- Shuvaev D. A.** Land use Rationalization in Estates of the Tambov Gentry Davydovs at the End of the XVIII – the Beginning of the XX Century 11
- Zhirov N. A.** The Microdemography Analysis of Peasant Morality in Oryol Village at the Beginning of XX Century 16
- Pozdnyakov A. N.** Russian History Textbooks in Evaluations of the «Journal of the Ministry of National Education» (End of XIX – Beginning of XX Century) 22
- German A. A.** USSR in 1930: «The Fight Against German Nationalism» 28
- Antimonov M. Yu.** On the Verge of the Survival: Youth in Conditions Social and Economic Crisis of the 1930th 34

World History and International Relations

- Ivashchenko M. V.** Magistrate Κλεῖτος Place in the Stamping System of the Ceramic Tare of Thasos 39
- Akhiev S. N.** Main Directions of Propaganda Gaius Julius Caesar 43
- Kiryushkina V. V.** Torquato Tasso: mad Poet Image in the Interpretations of Romanticists 49
- Sabitova L. R.** British Eastern Policy: from the Carlowitz Congress to the Beginning of the French Revolution 54
- Kostina A. K.** John Henry Newman and the Oxford Movement 61
- Korenev E. S.** The First Stage of NATO's Regional Strategy Elaboration in the Context of Geopolitical Changes in the First Half of 1990s 65
- Lapenko M. V.** The External Contour of the EAEU: the Potential for Enlargement and the Search for Optimal Mechanisms of Interaction 71
- Redchenko D. V.** RPR-PARNAS and the Syrian Crisis 76

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** The History of the Original Saratov in 1590–1604 Years: the Characteristics of Sources and the Chronology of Events (Before the Time of Troubles) 80
- Lukyanova M. A.** Social-economic Development of District Towns of Saratov Region in 1780-s – Early 1800-s 87
- Kochukov S. A.** The National Liberation Movement in the Balkans and Russian-Turkish War of 1877–1878 the Newspaper «Saratov Data Sheet» 93
- Jakovleva Z. V.** Fighting Church on the Site in 1930: on the Behavior of the Party and Soviet Functionaries of the Grass-roots Level Managers and Ordinary Believers 99
- Gumenyuk A. A.** Daily World of the Obstetric Institution in Lower Volga Region in Second Half 1950 – First Half 1980th Years 103
- Kabytov P. S.** Regional Refraction of Modern Approaches to the Study of the History of Public Education in Russia 109

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Bitkinova V. V.** Book Review: Mezin S. A. Peter I in France 114
- Mosolkina T. V., Chernova L. N.** New Aspects of the Anglo-Saxon History. Book Review: Boldyreva I. I. A Woman in Anglo-Saxon Society in the End of IX – the Middle of XI Centuries: Social Status and Literary Image 116

Information about the Authors

119

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

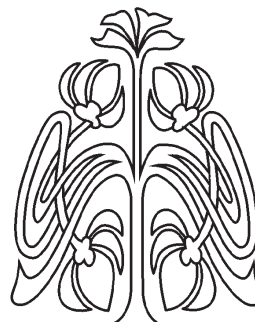
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

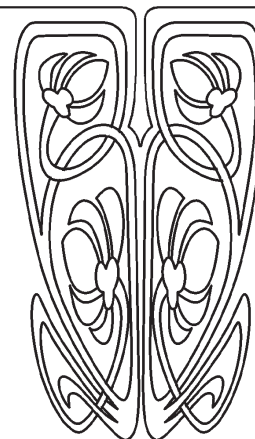
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

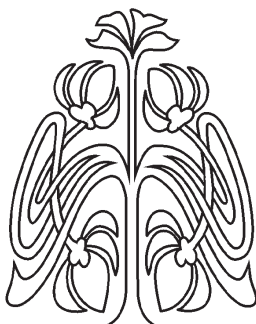
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

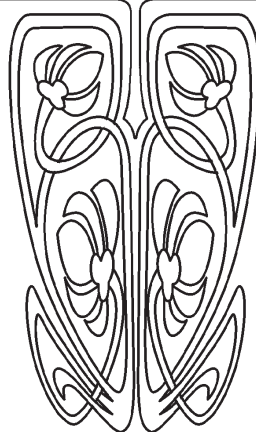
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVII – начало XX в.)

Е. Д. Макеева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: makeeva.ed@mail.ru

В статье рассматривается процесс становления и развития природоохранного законодательства, системы управления охраной природы и экологической политики Российского государства. Особое внимание уделяется эволюции лесоохранного законодательства, возникновению и развитию первых государственных органов, занимающихся организацией лесопользования и лесоразведения.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, природоохранное законодательство, природоохранная политика, природные ресурсы, охрана леса, Лесной устав.

The Formation and Development of Environmental Policy of the Russian State (XVII – the beginning of the XX century)

E. D. Makeeva

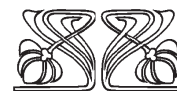
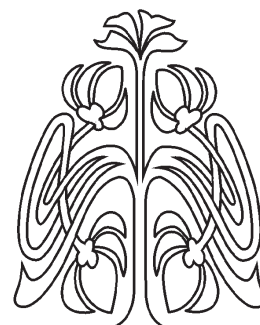
This article discusses the process of formation and development of environmental legislation, management conservation and environmental policy of the Russian state. Special attention is paid to the evolution of environmental legislation, the emergence and development of the first state agencies involved in the organization of forest management and a forestation.

Key words: environmental protection, environmental legislation, environmental policy, natural resources, protection of forests, forest Charter.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-5-11

Человеческое общество на протяжении столетий развивалось во взаимодействии с природной средой, под ее непосредственным влиянием. В далеком прошлом единение человека с природой было следствием его естественной адаптации к внешним условиям. Затем он начал изменять окружающую среду, приспособлявая ее под свои потребности и постепенно усиливая свое влияние на нее. Природа долгое время справлялась с нарастающей антропогенной нагрузкой, но так не могло продолжаться бесконечно: во второй половине XX века разразился глобальный экологический кризис, который наблюдается и сегодня. Именно с этого времени особую актуальность приобретают вопросы охраны природы и сбережения ее богатств. Однако природоохранная деятельность как таковая начала осуществляться гораздо раньше, еще в эпоху средневековья, хотя и в основном из практических соображений. Возникновение природоохранного законодательства, зарождение экологической политики государств и формирование органов государственного управления охраной окружающей среды явились закономерным этапом в истории общества и его взаимоотношений с природой.

Первоначально охрана природных ресурсов осуществлялась через защиту прав собственности, экономических, военных и налоговых интересов государства. Так, еще в «Русской правде» предусматривалась охрана общинной собственности, объектом которой, к примеру, был лес или собственность князя¹. Устанавливался высокий штраф за кражу (браконьерство) бобра, уничтожение или повреждение борти,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

т. е. дупла, наполненного сотами с медом, охоту в чужих владениях². Статья 69 «Пространной правды» за покражу бобра предусматривала штраф в 12 гривен, т. е. такое же наказание, как и за убийство холопа³. Оговаривалось в ней и наказание за самовольную рубку леса⁴.

Охрана леса осуществлялась также и по военным соображениям. Был установлен заповедный характер оборонительных лесных засек, служивших средством защиты от вражеских набегов. Законодательством строго запрещалась вырубка деревьев в засечной черте. Такие леса охранялись специальными сторожами и время от времени «подновлялись»⁵.

Поскольку определенные природные ресурсы представляли собой ценный товар или выступали в роли денежного эквивалента, то принимались меры не только по их сохранению, но и по созданию условий для их воспроизводства. Объектами такой строжайшей охраны были кречет и соболь, охота на которых строго ограничивалась специальными разрешениями. В XVI–XVII вв., когда соболиный промысел стал хищническим, в Сибири были объявлены заповедными целые районы. Так, Судебник Федора Ивановича 1589 г., а затем Соборное Уложение 1649 г. брали под охрану леса как места обитания охотничьих животных, в частности, соболя⁶. А в 1681 г. был принят царский указ по Якутии, в котором было дано указание: «чтобы в ясачных местах лесов не секли и не жгли и оттого бы зверь вдале не бежал и... ясачному сбору порухи и недоброму не было»⁷. Появились также специальные уголья, охранявшиеся законом – «тетеревники», «ловища соболиные», «бобровые гоны» и т. п.⁸

В 1635 г. правительством были приняты меры по сохранению численности бобров и выдр, так как ловля этих животных капканами грозила их полным истреблением. 28 августа 1635 г. в Пермь Великую была направлена царская грамота «О воспрещении ловить капканами бобров и выдр». Нарушители этого постановления «в первый раз подвергались помимо двухрублевого штрафа торговой казни»; во второй раз – «торговой казни и штрафу в пять рублей», а в третий раз – «нешадной торговой казни и тюремному заключению до государева указа»⁹.

Регламентировались способы добычи и количество промысловых видов рыбы¹⁰. Места рыбной ловли облагались специальным налогом (тяглом)¹¹. Сохранились тексты нескольких царских указов о порядке ловли рыбы в Плещеевом озере в Переяславле-Залесском¹², на Белоозере¹³, которые были направлены на сохранение популяций сельди, стерляди и щуки.

В целом же изучение древних письменных источников позволяет сделать вывод о том, что специальных законодательных актов, касающихся защиты окружающей среды и сохранения природных ресурсов, долгое время не существовало, а в природоохранительных мероприятиях просто не было

необходимости в силу ряда причин. Основным занятием населения страны было земледелие, но вырубка лесов под посевные площади производилась еще в незначительных масштабах. Дополнительные промыслы – собирательство, охота, рыбная ловля – обеспечивали лишь нужды натурального хозяйства и ввиду слабой развитости торгового обмена еще не являлись хищническими. Таким образом, люди брали от природы лишь необходимый для жизни минимум, и антропогенное воздействие на биосферу было незначительным.

В дальнейшем увеличение плотности населения, развитие науки, усовершенствование техники освоения природных ресурсов, повышение общего уровня культуры населения и все более ощутимые последствия эксплуатации природы привели к пересмотру взглядов на ее неисчерпаемость. Постепенно государственные структуры и общественность начинают проявлять озабоченность сокращением количества природных богатств.

Целый комплекс мер по охране природы был принят при Петре I. Особое внимание уделялось охране леса, который в то время стал не только опорой государственной экономики, но и основой военного могущества России на море. Создавая флот, Петр запретил уничтожать леса вдоль рек, удобных для лесосплава¹⁴. Некоторые особо ценные леса и породы деревьев объявлялись заповедными, т. е. неприкосновенными, запретными¹⁵. В 1720 г. такие леса вокруг Петербурга были разбиты на квадраты, описаны и переданы в ведение Адмиралтейской коллегии. Кроме солдат и дворянских комиссаров, их охраняли специальные надзиратели.

Таким образом, в эпоху Петра I было проведено общее лесоустройство и создана вальдмейстерская (лесная) канцелярия при Адмиралтействе¹⁶. Для заведования заповедными лесами на местах выделялись вальдмейстеры (управляющие лесами). В их ведении находились леса, расположенные по берегам Волги, Суры, Оки, Камы, водным системам Днепра, Западной Двины, Дона, Ладожского озера и озера Ильмень. Для охраны лесов избирались лесные надзиратели, в участок которых входило не менее 50 крестьянских дворов. Инструкцией 1719 г. лесной службе предписывалась повсеместная забота об охране и посадке новых лесов. Штраф за вырубку деревьев составлял 300 % от их себестоимости¹⁷.

В 1696 г. по инициативе Петра I началось организованное лесоразведение. Была посажена дубовая роща в урочище «Большая черепаха» около Таганрога, Шипов лес в Воронежской области. Петр сам засадил дубками участок Петергофской дороги 200 м длиной и 50 м шириной. Весной 1712 г. высевались желуди в окрестностях Санкт-Петербурга¹⁸.

Обращалось внимание и на охрану водоемов от загрязнения и засорения, разрабатывались рациональные подходы к охране и использованию рыбных ресурсов. Оговаривалось право на рыбо-

ловство, порядок облова водоемов, вовлекались в хозяйственный оборот водоемы окраин¹⁹.

Активно развивалось природоохранное законодательство и в послепетровскую эпоху. В 1730–1732 гг. было сделано первое описание заповедных лесов. Умышленный их поджог карался смертной казнью²⁰. Государство стало обращать внимание на обеспечение правильного порядка лесопользования. Указом императрицы Екатерины II в 1765 г. Адмиралтейством коллегии было поручено «иметь подробные сведения о возрасте, состоянии лесов, карты посадок, следить за их охраной, расчисткой и разведением по правилам науки»²¹.

Однако вскоре состояние дел с охраной природы в России ухудшилось в связи с выходом указов 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащихся» и «О распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущие». В последнем говорилось: «Позволяем каждому как внутри государства ... всякие деревья продавать, так и вне государства оные выпускать». В связи с этим объем вырубki леса значительно увеличился. С. В. Ведров писал, что «1782-м годом кончается в России история лесоохранения и начинается, с одной стороны, история управления казенными лесами, а с другой – печальная летопись истребления частных лесов их собственными хозяевами»²².

Повсеместное уничтожение лесов стало причиной реформы системы лесного управления в стране: в 1789 г. была издана Лесохозяйственная (Форстмейстерская) инструкция, согласно которой ответственность за леса в губерниях страны возлагалась на обер-форстмейстеров и форстмейстеров, выполняющих обязанности по охране, сбережению и отпуску леса, *посадке лесных культур*.

Во времена царствования императора Павла I ведение лесного хозяйства государством было упорядочено. В определенной степени это было связано с итогами «экспедиций» императора 1797–1798 гг., в ходе которых он ознакомился со страной, объезжая ее европейскую часть, в том числе лесные регионы. Указом от 26 мая 1798 г. «Об обращении в ведение Адмиралтейской коллегии всех казенных лесов и всех Форстмейстеров и Вальдмейстеров» были впервые закреплены право собственности государства на все леса России и ответственность государства за них. Этим же указом был создан специальный орган под названием «Лесной департамент», *основной функцией которого стала борьба с расхищением и бездумным уничтожением лесов*. Так было положено начало новому периоду истории государственного управления лесами страны.

В течение первых четырех лет деятельности Лесным департаментом было издано более 70 указов и повелений по лесоохранным вопросам. После передачи в 1802 г. Лесного департамента из

Адмиралтейств-коллегии в ведение Министерства финансов был принят первый «Устав о лесах», который юридически обеспечивал соблюдение правил лесопользования. Этот документ преследовал три цели: во-первых, организовать «с хозяйственной бережливостью... лесоуправление для сбережения и употребления лесов»; во-вторых, предотвратить недостаток в лесе «не только для продовольствия жителей, но и... нужд казенных и благосостояния флота»; в-третьих, в многолесных районах страны получить «прибыль казне без отягощения народа и без потери пользы Государству»²³.

Вхождение Лесного департамента в состав Министерства финансов позволило в течение 10 лет (1802–1811 гг.) решить ряд практических вопросов, связанных с укреплением лесоуправления. Были созданы учреждения лесного образования и Лесная инспекция, усовершенствовано природоохранное законодательство, введена единая во всем государстве система штрафов с самовольных порубщиков лесов, общие правила для продажи казенного леса. Начались и первые опыты по лесоустройству наиболее ценных казенных дач.

А в 1832 г. все лесные постановления были собраны, систематизированы и включены в Свод законов Российской империи под названием «Свод Устава Лесного». В том же году было принято «Положение о постоянной лесной страже по ведомству министерства финансов», регулировавшее порядок охраны леса. Лесное ведомство получило военное устройство, лесная стража освобождалась от государственных податей, земских и рекрутских повинностей, а также от военного постоя. Срок службы в ней составлял 20 лет. Губернское лесное управление, академические лесные заведения, обучавшие лесничих, и постоянная лесная стража впоследствии были объединены в единый Корпус лесничих. «Положение о Корпусе лесничих» (1839 г.) определили профессиональные требования к руководящим работникам и закрепило взаимосвязь лесного хозяйства, лесных наук и лесного образования.

Усилия государства, направленные на охрану леса, не прошли бесследно: с середины XIX века наметилось увеличение площади возобновившихся лесосек и прогалин. Положительную роль в этом сыграл Сенатский указ от 28 марта 1850 г. «О поощрении государственных крестьян к разведению лесов», а также множество постановлений, связанных с упорядочиванием в различных губерниях страны многих видов лесопользования: рубки леса, очистки лесосек, платежей пошлин, льготного и безденежного отпуска леса, сплава леса и выдачи сплавных билетов, продажи леса за рубеж и т. д.

Однако крестьянская реформа 1861 г. негативно повлияла на систему лесопользования. В 1864 г. вводится новая должность ревизора лесоустройства, а затем произведены коренные

изменения в самой системе лесопользования: в 1867 г. Корпус лесничих преобразован из военного в гражданское ведомство, а в 1869 г. отменена унаследованная от крепостного права повинность государственных крестьян по «охранению казенных лесов». Система полесовщиков и пожарных старост была заменена вольнонаемной стражей.

В конце XIX – начале XX века резко увеличились объемы вырубki лесов в связи с ростом спроса на лесоматериалы для постройки заводов, фабрик и железных дорог. Ежегодно на шпалы вырубали около миллиона самых лучших деревьев. Лесные ресурсы катастрофически убывали, что привело к ухудшению экологической обстановки: изменению микроклимата, учащению суховея и засух²⁴. В 1872 г. специальная правительственная комиссия констатировала истощение многих водных источников, обмеление рек и общие изменения климата в сторону иссушения. И только в 1888 г., когда нехватка леса стала ощущаться даже на Урале, был принят закон «О сбережении леса», в котором впервые признавалась природоохранная роль лесов. Этот закон предписывал каждой губернии создать губернский лесоохранительный комитет²⁵. Таким образом, под охрану были взяты все леса, независимо от их принадлежности (государственные, частные и общественные)²⁶. Однако процесс обезлесения остановить было уже невозможно: с 1888 г. по 1914 г. было вырублено 26 млн га только частных лесов²⁷.

Помимо лесного законодательства в России постоянно развивалось и совершенствовалось охотничье законодательство (устанавливались сроки охоты, запрет на определенные орудия охоты²⁸, порядок охраны птиц²⁹). Во второй половине XVIII века большинство природоохранительных постановлений касалось охотничьих животных: мест, сроков и способов охоты на них. Запретные для охоты зоны вокруг Москвы расширились до 50 верст, вокруг Петербурга – до 100 верст. Была ограничена охота на лосей: в 1737 г. запретили стрелять и ловить лосей в Петербургской и Новгородской губерниях, а в 1773 г. – по всей территории европейской части России. В 1763 г. Екатерина II запретила охоту с 1 марта по 29 июня на всех зверей, кроме хищных, а в 1773 г. – на птиц. Охота на дичь устанавливалась с Петрова дня, то есть с 30 июня по старому стилю.

В 1831 г. за нарушение правил охоты была определена строгая мера наказания – с виновного взимался штраф в размере 500 рублей ассигнациями, а тот, кто не мог его заплатить, подвергался месячному аресту³⁰. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 1864 г. также предусматривал взимание штрафа за браконьерство: «За охоту, а также рыбную или иную ловлю в запрещенное время, в недозволенных местах, запрещенными способами или без соблюдения предписанных правил, ровно как за разорение птичьих гнезд или продажу дичи, добытой в недозволенное время виновные подвергаются денежному

взысканию до 25 рублей»³¹. Денежный штраф (до 10 рублей) взимался также за «раскладывание огня или неосторожное обращение с огнем в близком расстоянии от лесов, кустарников, стоящего на корне или сжатого хлеба... за курение в хвойных лесах табаку или сигар и т. п. в жаркую или сухую погоду»³². Так законом защищались леса от пожаров.

И наконец, в 1892 г. были введены «Правила об охоте», которыми были предусмотрены запрет охоты в период размножения животных, запрет добычи зубров и самок оленей. В то же время «Правилами» разрешалась круглогодичная охота на медведя, лисицу, песца, куницу, норку, выдру и других хищников, а также почти не ограничивалась охота владельца в его угодьях³³.

Функции контроля исполнения правил охоты были возложены на полицию, чинов лесного ведомства, лесную стражу, лесных, полевых и охотничьих сторожей. Право на обнаружение охотничьих правонарушений предоставлялось также лицам, специально на то уполномоченным начальниками губерний и областей, а также членам охотничьих и сельскохозяйственных обществ. Возбуждением судебного преследования и обличением виновных в охотничьих правонарушениях перед судом занималась полиция.

Уделялось внимание и охране водоемов. В 1835 г., например, были установлены районы заповедных вод с целью охраны нерестящихся рыб. К таким районам были отнесены: мелководный залив Азовского моря при впадении в него реки Дона, все рукава (гирла) Дона и «войсковые воды» выше по реке³⁴.

Антропогенное воздействие на природную среду усиливалось с каждым десятилетием. Строительство новых фабрик, плотин, шахт и других объектов, развитие производства и расширение сельскохозяйственных площадей, рост количества городов – все это вносило свои специфические изменения в естественные ландшафты, биогеоценозы и стимулировало принятие природоохранительных мер.

В XVIII веке в России впервые появилось законодательство, регламентирующее охрану воздуха, воды и общественных мест от загрязнения, которое позже стало называться санитарным. В соответствии с правовым актом «Учреждения для управления губерний» 1775 г. земский исправник обязан был наблюдать, чтобы везде на местах и дорогах была чистота³⁵. Кроме того, исправнику вменялась в обязанность борьба с пожарами, в том числе с лесными, поскольку лес в то время уже стал считаться немалой ценностью³⁶. Устав благочиния, или полицейский, 1782 г. возлагал обязанности «смотрения о чищении, мощении и поправлении улиц» на частного пристава³⁷.

В 1833 г. были изданы правила «О размещении и устройстве частных заводов, мануфактурных, фабричных и иных заведений в С.-Петербурге», которые предусматривали, что

«все вредные газы, могущие отделяться при производстве работ, должны быть непременно поглощаемы или сжигаемы»³⁸. В этом же документе промышленные предприятия в зависимости от вредности воздействия на атмосферный воздух делились на три категории, причем предприятия третьей категории не должны были размещаться в городе³⁹.

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «если кто-либо построит признанные по закону вредными для чистоты воздуха или воды фабрику или завод в городе или хотя и вне города, но выше онаго по течению реки или протоки, то сии заведения уничтожаются за счет виновного и он подвергается аресту на время от семи дней до трех месяцев или денежному взысканию не свыше трехсот рублей»⁴⁰. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 1864 г., облагал штрафом до 200 рублей «засаривание рек, каналов, источников» различными отходами – бытовыми и производственными⁴¹.

С 1837 г. основная забота об охране природной среды на государственном уровне входила в функции Министерства государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ, в 1905 г. преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия, в 1915 г. – в Министерство земледелия). Его задачами являлись: организация лесного хозяйства, развитие и совершенствование рыболовства и охоты, организация землепользования⁴². К данному министерству с 1894 г. стал относиться и Лесной департамент (вместе с Корпусом лесничих, ставшим в 1869 г. частью департамента), который рассматривал жалобы или спорные дела лесовладельцев и губернских лесоохранительных комитетов, касающиеся вырубок лесов, выдавал разрешения на расчистку лесных участков в частных дачах⁴³. В некоторых случаях лесной департамент поручал произвести исследования по поступившей жалобе местным лесничествам⁴⁴. Все решения выносились на основании действующего в то время законодательства – Лесного устава 1802 г.⁴⁵

Второй Лесной устав, принятый в 1905 г., имел большое значение для развития как лесного, так и в целом природоохранного законодательства России. Однако некоторые из его статей были громоздкими и имели устаревшую формулировку, поэтому в дальнейшем Устав был дополнен и переработан. А в 1913 г. был издан третий Лесной устав, который укрепил всю систему взаимоотношений между государственными органами управления лесным хозяйством, частными лесовладельцами и лесопромышленниками.

Лесной устав 1913 г. предусматривал вмешательство государства в права частного собственника, запрещение бесконтрольного использования леса, право государства на экспроприацию лесов у тех лесовладельцев, которые нарушают законодательство. Хозяин леса, признанного защитным,

оказывался под надзором государства, его права урезывались настолько, что лес переставал быть источником прибыли. В созданные лесоохранительные комитеты включались представители местных администраций и губернатора, что определяло социальную значимость лесов.

После Февральской революции 1917 г. Временным правительством были установлены «Правила об охране лесов и их рубке», согласно которым губернские и уездные земельные комитеты приобрели право в отношении лесов: «... а) заявлять Министру Земледелия о необходимости признания лесных площадей защитными или водоохранными в порядке ст. 741 Устава Лесного; б) наблюдать за исполнением лесовладельцами правил о сбережении лесов в порядке ст. 758 того же Устава и в) выдавать удостоверения на рубку лесов»⁴⁶. Кроме того, рубка в лесах частновладельческих или общественных могла производиться только по удостоверениям, выдаваемым Уездными Земельными комитетами⁴⁷. А в случае обнаружения опустошительной или несогласной с планом хозяйства рубки, или незаконной расчистки леса возбуждалось судебное преследование против виновных в нарушении правил о сбережении лесов⁴⁸.

Таким образом, российское природоохранное законодательство со временем совершенствовалось, становилось более жестким, а государственная система управления охраной природы укреплялась, постоянно со стороны правительства предпринимались попытки ее преобразования в лучшую сторону. Однако конечной целью всей природоохранительной политики государства было сохранение и повышение эффективности использования природных богатств страны для того, чтобы запасы ресурсов, необходимых человеку, не заканчивались и не истощались со временем, т. е. основана была эта политика на антропоцентрической парадигме.

Известный историк Д. Вайнер выделил три подхода к природоохранной деятельности, существовавших в России во второй половине XIX – начале XX в.: 1) утилитарный, 2) культурно-эстетико-этический и 3) научный⁴⁹. Государство в деле охраны природы неизменно придерживалось утилитарного подхода, который предполагал разделение живых организмов на «полезные» и «вредные». Наибольшую ценность в природе с этой точки зрения представляют животные, которые могут использоваться в качестве объектов охоты или промыслового разведения. Все остальные считались либо менее ценными, либо вовсе «вредными» для человека. Ярким примером проявления данного подхода может служить закон об охоте 1892 г., упоминавшийся выше, который разрешал неограниченное уничтожение «вредных» диких животных – тигров, леопардов, волков и др.⁵⁰

Не менее наглядным примером действия утилитарного подхода к охране природы стало

принятие Государственной Думой в 1916 г. первого закона об охраняемых территориях, предоставившего Министерству сельского хозяйства право учреждать охотничьи заповедники и управлять ими «для сбережения и размножения» дичи на государственных землях⁵¹. Этот закон послужил основанием для создания 29 декабря 1916 г. Баргузинского охотничьего заповедника. Термин «заповедник» в данном случае означал «угодя для разведения дичи», а в дальнейшем он стал обозначать охраняемую территорию, предназначенную для научного изучения природы, а не для разведения конкретных видов животных. Фактически Баргузинский заповедник был единственным заповедником, учрежденным правительством Российской империи⁵².

Итак, в дореволюционный период в России сложилась определенная государственная природоохранительная политика, были сформированы лесное и охотничье законодательство, создана система лесоуправления, начала развиваться сеть особо охраняемых природных территорий. Однако несмотря на принимаемые меры, вклад руководства страны в дело охраны природы был недостаточным. Об этом в 1911 г. писал известный ученый Г. А. Кожевников: «К сожалению, в настоящее время мы не видим со стороны Главного управления государственными имуществами никаких шагов к тому, чтобы охранять памятники природы; наоборот, мы видим яркие примеры уничтожения их»⁵³.

Примечания

- 1 См.: Русская правда. Краткая редакция. Ст. 34 // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 62.
- 2 Там же.
- 3 См.: Русская правда. Пространная редакция. Ст. 72, 73, 84 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 108, 112.
- 4 Там же. С. 108–109.
- 5 Там же. С. 109.
- 6 См.: Соборное Уложение 1649 г. Гл. VII. Ст. 23 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 96.
- 7 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб., 1842. Т. 5, № 199. С. 346–347.
- 8 См.: Судебник 1589 г. Ст. 176 // Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 436.
- 9 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук : в 4 т. (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 3, № 256. С. 393–394.
- 10 См.: Соборное Уложение. Гл. XXI. Ст. 90 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 245.
- 11 См.: Соборное Уложение. Гл. XVI. Ст. 36. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 170.
- 12 См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 4, № 210. С. 282–284.
- 13 ААЭ. № 310. С. 318.
- 14 См.: Указ «О воспрещении рубки лесов от Санкт-Петербурга до реки Славянки, по обе стороны Невыреки» от 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. (далее – ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 5, № 3329. С. 680.
- 15 См.: Указ «О воспрещении рубки годного на кораблестроение леса, об охранении оногo и о наказаниях за недозволенную порубку лесов» // ПСЗ-1. Т. 5, № 3391. С. 716–717.
- 16 См.: Указ «О бытии всем заповедным лесам в полном ведении Адмиралтейской коллегии, об описании и обмежевании оных и о предостережении от порубки» // ПСЗ-1. Т. 6, № 3548. С. 169–172.
- 17 См.: Инструкция или Наказ Воеводам от 1719 г. // ПСЗ-1. Т. 5, № 3294. С. 630.
- 18 См.: *Гаранин В. И.* Охрана природы : прошлое и настоящее. Казань, 1975. С. 9.
- 19 См.: Указ «Об отдаче китовых и рыбных промыслов на Белом море в компанию, гостиной сотни Евреинову и детям его, на тридцать лет» (1721 г.) // ПСЗ-1. Т. 6, № 3841. С. 447–449.
- 20 См.: Указ «Об описи заповедных лесов, о сочинении ландкарт и о позволении рубить леса на предметы, означенные в Вальдмейстерской инструкции» от 13 мая 1731 г. // ПСЗ-1. Т. 8, № 5755. С. 462–464.
- 21 Регламент о управлении Адмиралтейств и флотов, с приложением должностей Интендантского и Экипажного Департаментов и Счетной Экспедиции. Гл. III // ПСЗ-1. Т. 17, № 12459. С. 271–272.
- 22 *Ведров С. В.* О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878. С. 58.
- 23 Высочайше утвержденный проект Устава о лесах // ПСЗ-1. Т. 27, № 20506. С. 350–356.
- 24 См.: *Лосев А. В., Провадкин Г. Г.* Социальная экология. М., 1998. С. 32.
- 25 См.: Указ «Об изменении и дополнении узаконений о взысканиях за похищение и самовольную порубку чужого леса, а также о преследовании виновных в сих проступках» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 т. (далее – ПСЗ-3). СПб., 1890. Т. 8, № 5078. С. 105–107.
- 26 См.: Указ «О передаче в ведение Министерства государственных имуществ лесов и земель Сестрорецкого оружейного завода» // ПСЗ-3. СПб., 1891. Т. 9, № 5765. С. 56.
- 27 См.: *Гаранин В. И.* Охрана природы : прошлое и настоящее. Казань, 1975. С. 18.
- 28 См.: Устав первого Военного Общества охоты // ПСЗ-3. Т. 9, № 5854. С. 99–103.
- 29 См.: Указ «О неловлении и нестрелянии никому зверей и птиц марта с 1 до 29 июня» от 17 июля 1763 г. // ПСЗ-1. Т. 16, № 11876. С. 310–311.
- 30 См.: Указ «О мере наказания за выезды со псового охотою в непозволенное законом время» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. (далее – ПСЗ-2). СПб., 1831. Т. 6, № 4452. С. 266.
- 31 Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Ст. 57 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1991. Т. 8, С. 402.

- ³² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Ст. 95 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 407.
- ³³ См.: Правила об охоте // ПСЗ-3. СПб., 1895. Т. 12, № 8301. С. 81–85.
- ³⁴ См.: Васильковский П. Е. Охрана природы и краеведы. М.; Л., 1935. С. 34.
- ³⁵ См.: Учреждения для управления губерний. Ст. 245 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5. С. 223.
- ³⁶ Там же. Ст. 249 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5. С. 224–225.
- ³⁷ См.: Устав благочиния. Ст. 118 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5. С. 351.
- ³⁸ Указ «О размещении и устройстве частных заводов, мануфактурных, фабричных и иных заведений в С.-Петербурге» // ПСЗ-2. СПб., 1834. Т. 8, № 6431. С. 516.
- ³⁹ Там же. С. 515.
- ⁴⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // ПСЗ-2. СПб., 1846. Т. 20, № 19283. С. 796.
- ⁴¹ См.: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Ст. 52–53 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 402.
- ⁴² См.: ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–5.
- ⁴³ Там же. Д. 94. Л. 14–17, 22, 24, 25.
- ⁴⁴ Там же. Л. 21.
- ⁴⁵ Там же. Л. 15, 17, 21.
- ⁴⁶ Там же. Д. 143. Л. 4.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Л. 6.
- ⁴⁹ См.: Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991. С. 24.
- ⁵⁰ См.: Правила об охоте // ПСЗ-3. Т. 12. № 8301. С. 81–85.
- ⁵¹ См.: Закон «Об установлении правил об охотничьих заповедниках» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства от 30 октября 1916 г. № 304. Отд. 1. Ст. 2396.
- ⁵² См.: Вайнер Д. Указ. соч. С. 25.
- ⁵³ Кожевников Г. А. О заповедных участках. М., 1911. С. 377.

УДК 502/504+631/635+9(с)1

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ИМЕНИЯХ ТАМБОВСКИХ ДВОРЯН ДАВЫДОВЫХ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Д. А. Шуваев

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

Статья посвящена известному Тамбовскому дворянскому роду Давыдовых. Автором исследованы мероприятия по рационализации землепользования в экономах дворян Давыдовых в конце XVIII – начале XX столетия.

Ключевые слова: модернизация, аграрное общество, тамбовское дворянство.

Land use Rationalization in Estates of the Tambov Gentry Davydovs at the End of the XVIII – the Beginning of the XX Century

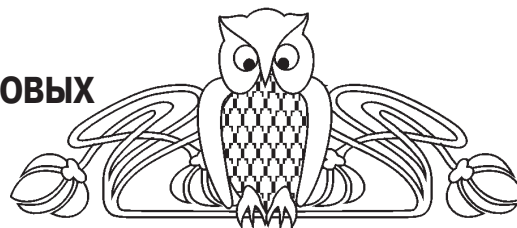
D. A. Shuvaev

The paper is devoted to the famous of the Tambov noble family of Davydovs. The author is studied actions for rationalization of land use in estates of gentry Davydovs at the end of the XVIII – the beginning of the XX century.

Key words: modernization, agrarian society, Tambov nobility.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-11-15

Экономика крупных дворянских имений исследована широко. Значительно меньше изучена рационализация природопользования в хозяйствах дворян¹. Наша цель – на примере экономий тамбовских помещиков Давыдовых рассмотреть рационализацию землепользования в имениях

крупных земельных собственников конца XVIII – начала XX в.

Источниками для написания данной работы послужили справочно-статистические материалы и делопроизводственная документация государственных и земских учреждений, проводивших обследование имений, а также мемуары самих помещиков Давыдовых.

В конце XVIII – первой половине XIX в. господствующей формой обработки земли в имениях Давыдовых являлась трёхпольная система земледелия. Возделывание земли происходило при помощи традиционных орудий (сохи и бороны) и крепостного труда. Дворяне Давыдовы наделяли своих крепостных крестьян землёй, за что последние были обязаны выполнять определенные повинности, в том числе и барщину. Основными производившимися культурами являлись характерные для северных уездов Тамбовской губернии рожь, овёс и просо, значительное место занимали посевы конопли и гороха². Кроме того, в Вирятинской экономии большое распространение получил сначала озимый, а позже яровой ячмень³. Однако уже в крепостническую эпоху Давыдовы начали внедрять в севооборот такие культуры, как гречиха и лён. «За селом, – вспоминал Н. В. Давыдов о Спасском поместье 1850 – 1860-х гг., – весело выглядывающие поля ржи, овса и проса с узкими полосами гречихи и льна»⁴.

Помещики Давыдовы благодаря крепостному праву довольно легко справлялись с полевыми работами, даже несмотря на хозяйственные невзгоды. «В летние месяцы встречались и в сороковых, и пятидесятых годах, – писал Н. В. Давыдов, – те же хозяйственные невзгоды, что и теперь: жестокие весенние засухи (в мае и начале июня), длительные дожди в июле и августе, мешавшие уборке хлебов и приводившие помещиков в отчаяние, хотя им в то время, при крепостном праве и даровом труде находившихся в их распоряжении крестьян, сравнительно легко было справляться с полевыми работами»⁵.

В пореформенный период Давыдовы, как и другие крупные землевладельцы Тамбовской губернии, занялись поиском оптимальных форм ведения земледелия в своих экономиях⁶. Так, вплоть до середины 1880-х гг. владельцы Спасского поместья, используя труд своих бывших крепостных крестьян, осуществляли экономическую запашку, иногда сдавая имение в полном составе в аренду⁷. С 1885 г. по 1889 г. все пахотные угодья экономии находились в долгосрочной аренде у товарищества крестьян с. Кулеватова, одним из условий которой было ежегодное удобрение арендаторами «своим навозом 40 д. арендованной земли»⁸.

Начиная с 1890 г. у владельца Спасской экономии Василия Васильевича вновь возник интерес к земледелию. Благодаря деятельности В. В. Давыдова, а после его смерти (1896 г.) вдовы и детей в имении произошла модернизация орудий обработки земли, в частности, сохи заменились на плужки, заводились «сакковские плуги, сеялки, жатки», привлекался наёмный труд, продолжалось ежегодное удобрение 40 дес. земли («около 2400 пуд. на десятину») ⁹. Наряду с традиционными культурами (рожь, просо, овёс, горох, картофель и др.) стали производить подсолнух, чечевицу и кормовую свёклу. Причём картофель и свёкла хранились в «хороших подвалах»¹⁰. В итоге проведённые в экономии рационализаторские мероприятия, несмотря на сохранение трёхпольной системы севооборота, довели пахотные угодья «до высокой культуры» и позволили местному сельскохозяйственному совету уже в 1895 г. рекомендовать министерству земледелия хозяйство Давыдовых как образцовое¹¹.

В образцовом хозяйстве Черкино, принадлежавшем сестре В. В. Давыдова Екатерине Васильевне и её мужу князю Николаю Николаевичу Чолокаеву, также применялась экономическая запашка с трёхпольным севооборотом. Причём около 1/4 пашни сдавалось в краткосрочную аренду¹². Экономия была оснащена передовыми для своего времени орудиями возделывания земли: «плуги Сакка однолемешные и трёхлемешные, 2 конные молотилки и веялки, сеялки Эккерта, деревянные зубчатые катки, жатвенные машины и др.»¹³. Кроме того, в имении использовалась зерносушилка, изобретённая мужем Екатерины Васильевны¹⁴. Производилось ежегодное удобре-

ние пахотных угодий, привлекался наёмный труд, вёл учёт доходности полеводства¹⁵. Благодаря рациональному ведению хозяйства и хорошему качеству почвы, по утверждению члена-оценщика Н. М. Волкова (1887 г.), в экономии получали значительные урожаи как озимых, так и яровых¹⁶.

Хозяйство выращивало вместе с культурами, широко распространенными по северным уездам губернии (рожью, овсом разных сортов, просом, полевым горохом, картофелем и др.), озимую пшеницу красный клевер и кукурузу конский зуб, а также, вероятно, позаимствованные Екатериной Васильевной из практики родового Спасского поместья гречиху и лён¹⁷. Имело место семенное производство льна, сахарного гороха, сурепки, рыжика¹⁸.

В другом хозяйстве Е. В. Чолокаевой Арбат более половины пахотной земли сдавалось в краткосрочную аренду. Остальная часть находилась в экономической запашке¹⁹. Также применялись трёхпольная система земледелия и наёмный труд, однако мероприятия по рационализации производства практически не предпринимались²⁰. Единственными культурами, произрастающими в имении, были традиционный горох и требующая тщательной обработки гречиха²¹.

Имение её брата Николая Васильевича Николаев хутор и Осочный куст полностью сдавалось в аренду²². Причём во всех договорах, заключённых Н. В. Давыдовым, прописывалось обязательство арендаторов уваживать пахотную землю и вести на снятом участке «большую плодотворность»²³.

В елатомских экономиях Давыдовых, обладавших худшими по качеству пахотными угодьями, получил распространение многопольный севооборот. Так, благодаря деятельности Николая Андреевича в 1899 г. на смену практиковавшейся в имении его жены при с. Мокрое традиционной системе земледелия пришёл 8-польный севооборот. Более того, во входившем в состав экономии хуторе Екатерининском стала применяться 11-польная система земледелия²⁴. В дальнейшем как в самом имении, так и в ведшем с ним совместное хозяйство хуторе Петровском утвердился 9-польный севооборот²⁵. Восьмипольная система земледелия «с травосеянием, посевами картофеля и свекловицы» практиковалась и в крупной экономии матери Н. А. Давыдова Елизаветы Александровны при с. Подостровное²⁶.

Введение в хозяйствах многопольного севооборота потребовало обновления орудий труда. В частности, владельцами имения при с. Мокрое приобретались усовершенствованные плуги, рала, бороны, сеялки, молотилки, веялки и сортировки, а также свекольный распашник и жатвенная машина «Ласточка»²⁷. Широко применялись удобрения. Так, в Мокринской экономии с хутором Екатерининским удобрялось более половины парового поля навозом от собственного скота («на 1 дес. 100–120 возов»), а в хуторе Петровском ежегодно уваживали 12 дес. «с вывозом по 2400 п. на

каждую десятину»²⁸. Причём обработка пахотной земли и уборка урожая осуществлялась в этих хозяйствах как постоянными рабочими, так и нанятыми местными крестьянами, труд которых оплачивался по дням (поденно) или по объёму выполненных работ (подесятинно)²⁹.

Мокринская экономия с хутором Екатерининским производила вместе с культурами, характерными для северных уездов Тамбовской губернии конца XIX – начала XX столетия (рожью, просом, овсом, картофелем и др.), лён, кормовые травы (клевер и тимофеевку), свёклу, яровую и даже озимую пшеницу³⁰.

В хозяйстве Н. А. Давыдова (хутор Петровский) наряду с традиционными рожью, овсом и картофелем выращивался клевер³¹.

Начиная с конца XIX в. дворяне Давыдовы занялись поиском оптимальных форм использования лугов. В частности, в Кулеватовском имении эксплуатировалась лишь 1/5 сенокосных владений, остальные же луговые земли сдавались в долго- или краткосрочную аренду³².

Владельцы экономии заботились об улучшении качества обрабатываемых сенокосных земель. «Берётся 2 хлеба, – писал о луговодстве имения губернский зоотехник Карл Карлович Вебер, – а затем засеивается смесью травы, состоящей из красного клевера, шведского клевера, тимофеевки, лисохвоста, овсяницы, ежи сборной и колоса душистого в различной пропорции сообразно с положением луга»³³. Рационально поставленное луговодство полностью удовлетворяло, а иногда даже с избытком потребности хозяйства в сене³⁴.

Мероприятия по улучшению качества сенокосных угодий в экономиях Екатерины Васильевны Черкино и Арбат не предпринимались³⁵.

Её младший брат Николай Васильевич в ряде случаев разрешал арендаторам своего имения Николаев хутор и Осочный куст распахать под посев хлебов новь и сенокосные земли при условии, что после снятия нескольких урожаев или окончания аренды эти угодья будут залужены, т. е. засеяны «овсом с тимофеевской травой»³⁶.

В Мокринской экономии с хутором Екатерининским для улучшения лугов практиковались посевы клевера и тимофеевки³⁷. Применялись луговая борона, сенокосилки и конные грабли «Тигр»³⁸. Это позволяло получать с лугов сено хорошего качества³⁹. Однако только введенный многопольный севооборот с систематическими посевами клевера обеспечил с избытком сеном как само имение, так и ведший с ним совместное хозяйство хутор Петровский⁴⁰.

Дворяне Давыдовы в пореформенный период не отводили большого количества земли под пастбища, что объяснялось использованием в качестве выгонов других угодий. В частности, в Кулеватовской экономии выгоном являлись 30 десятин «по ольшняку и дубняку»⁴¹. Пастбищами в хозяйстве Николаев хутор и Осочный куст выступали порубки и лесосеки⁴². Владельцы имения

Черкино использовали под пастбища отавы, пары и жнивья⁴³. Выгонами в Мокринской экономии с хутором Екатерининским наряду с парами, жнивьями и отавами служили лесные порубки, клеверные поля и луга после уборки. Кроме того, экономия вплоть до начала XX в. снимала «у соседей» землю под пастбища⁴⁴.

Необходимость рационального использования лесов и их сохранения начала осознаваться Давыдовыми с конца XIX столетия. В частности, в Кулеватовском хозяйстве практиковались «новые посадки» деревьев, лес практически не вырубался, исключение же лишь касалось лиственного леса с «господством осины», а большей частью (85%) сдавался в долгосрочную аренду для выпаса скота⁴⁵.

Лесоводство экономии Екатерины Васильевны Черкино было «небольшое, но правильное»⁴⁶.

В имении Н. В. Давыдова Николаев хутор и Осочный куст, несмотря на масштабную вырубку, производилось прореживание лесных угодий, а арендаторам запрещалось косить и пускать скот «по порубкам и лесосекам, где пошли или пойдут молодые побеги» в течение 9–10 лет⁴⁷. Вместе с тем арендаторам предоставлялось право засеивать лесные поляны «хлебом или луговой» травой⁴⁸.

Хозяйство Подостровное, принадлежавшее Елизавете Александровне, ежегодно сводило по 0,75 десятин леса. Рубка производилась выборочная: «берёза и дуб остаются на корню, а вырубается только осина, которая разрабатывается на дрова»⁴⁹. Практиковалась посадка сосны. Имело место сенокосение на лесных полянах⁵⁰.

С 1896 г. по 1901 г. лес в Мокринской экономии с хутором Екатерининским не эксплуатировался, очень берегся, вырубался лишь сухостой⁵¹. В дальнейшем стали ежегодно сводить по 3 десятины «спелого» леса, который разрабатывался на дрова⁵². С одной десятины в среднем получали «30 кв. саж. швырка и 60 возов сучьев»⁵³. Все дрова расходовались на нужды собственного хозяйства⁵⁴. Практиковалось сенокосение на лесных полянах⁵⁵. Однако по лесным порубкам имел место приведший к порче поросли выпас скота (в том числе и крестьянского за отработки)⁵⁶. В то время как лесные угодья ведшего совместное хозяйство с имением хутора Петровского не эксплуатировались⁵⁷.

Дворяне Давыдовы уделяли особое внимание садоводству и огородничеству. Так, начало садоводства в Спасском поместье было положено ещё во времена крепостного права родоначальником Фёдором Андреевичем. Его внук Василий Васильевич вместе со своей супругой Софьей Андреевной продолжил дело деда, доведя садовую часть «до совершенства»⁵⁸. В. В. Давыдов, несмотря на «сравнительную затруднительность почтовых сношений со столицами и с “заграницей”... постоянно выписывал из первых рук всевозможные новости по части садовой и плодовой культуры... книги и журналы»⁵⁹. Помещиками Давыдовыми были возведены грунтовые сараи для «шпанских»

вишен и груш, оранжереи и теплица⁶⁰. Практиковалась посадка апельсиновых и лимонных деревьев⁶¹. Развивалось цветоводство. На усадьбе выращивались сирень, шиповник, жасмин и жёлтая акация⁶².

Благодаря рационально построенному хозяйству урожаи, получаемые с садов и огорода, вполне удовлетворяли потребности имения. «Огород и сад с оранжереями и грунтовыми сараями, – вспоминал о детских и юношеских годах Н. В. Давыдов, – давали настолько овощей и плодов, сохранявшихся в сыром, консервированном и сушеном виде, что их хватало на целый год»⁶³. Садоводство продолжало оставаться доходной частью Кулеватовской экономии и в пореформенный период. «Сад... раз в два года, – писал о своём детстве Степан Александрович Давыдов, – давал богатейший урожай отличных яблок»⁶⁴.

Екатерина Васильевна, благодаря знаниям, полученным в Спасском поместье, стала соратницей своего мужа кн. Н. Н. Чолокаева в деле развития садоводства и огородничества в имении Черкино. Хозяйство было оснащено примерно 20 оранжереями для выведения наряду с персиками, абрикосами, виноградом и арбузами декоративных растений⁶⁵. Племянник Е. В. Чолокаевой Александр Васильевич Давыдов вспоминал: «какое бывало наслаждение в октябре, или в ноябре, когда кругом всё голо и мёртво, зайти в эти теплицы, где по стенам стоят сплошной массой подобранные по оттенкам цветущие камелии, хризантемы, а в марте месяце азалии»⁶⁶. При оранжереях содержался внушительный штат садовников (20 человек и один старший садовник)⁶⁷. Имелись большие грунтовые сараи, в которых росли «более высокие сорта» яблок, груш, слив и вишен⁶⁸. Огородничество велось исключительно для удовлетворения потребностей экономии. Хозяйство занималось выведением цветочных и огородных семян⁶⁹. Более того, в имении была открыта небольшая школа садоводства и огородничества⁷⁰.

Развитием садоводства в экономии при с. Мокрое с хутором Екатерининским занимался Николай Андреевич Давыдов. Благодаря его деятельности был разбит новый «промышленный плодовый» сад на 21 десятину⁷¹. Старый фруктовый сад и огороды сдавались в аренду. В новом саду находились оранжереи и теплицы. Выращивались персики. Для осуществления тщательного ухода за садом содержался садовник с двумя помощниками⁷².

Вся усадебная земля хутора Петровского, за исключением занятой постройками и винокуренным заводом, сдавалась в аренду под огороды⁷³.

Итак, землепользование в имениях дворян Давыдовых в конце XVIII – первой половине XIX в. было преимущественно традиционным. Рационализация проявилась главным образом в садоводстве и огородничестве, частично в земледелии. В пореформенный период в экономиях начался процесс поиска оптимальных форм

землепользования, приведший большинство давыдовских хозяйств к широкому внедрению рациональных технологий в земледелии, луговодстве, лесном хозяйстве, садоводстве и огородничестве.

Рационализация в имениях Давыдовых нашла выражение в освоении многопольных севооборотов и травосеяния, использовании улучшенных орудий труда и применении удобрений, выращивании новых культур и развитии семенного производства, выборочной рубке лесов и посадке ценных пород деревьев.

Примечания

- 1 См.: Бунеева Е. Н. Крупное помещичье хозяйство России в конце XVIII – начале XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002 ; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982 ; Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969 ; Хмель Е. В. Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004.
- 2 См.: Давыдов А. В. Надписи к Кулеватовским фотографиям // Земство. 1994. № 4. С. 106, 107 ; Давыдов Н. В. Из помещичьей жизни прошлого столетия // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 195 ; Его же. Из прошлого. М., 1913. Ч. 1. С. 331.
- 3 См.: Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1958. Т. 41. Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни / отв. ред. П. И. Кушнер [и др.]. С. 20.
- 4 Давыдов Н. В. Из прошлого... Ч. 1. С. 331.
- 5 Давыдов Н. В. Из помещичьей жизни... С. 197, 198.
- 6 См.: Хмель Е. В. Указ. соч.
- 7 См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1882. Т. 3. Моршанский уезд / под ред. Н. Романова. С. 108.
- 8 ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 168. Оп. 1. Д. 2952. Л. 5 об., 6 ; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1890. Т. 15. Частное землевладение Моршанского уезда / сост. П. М. Дубровский. С. 138, 139.
- 9 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 2952. Л. 5 об. ; Давыдов А. В. Указ. соч. С. 106, 107 ; Отчёт по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств Тамбовской губернии летом 1916 года, произведённый губернским зоотехником К. К. Вебером. Тамбов, 1916. С. 171, 172.
- 10 Давыдов А. В. Указ. соч. С. 106 ; Давыдов С. А. Записки старого взрывника. М., 1998. С. 5 ; Отчёт по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств... С. 173.
- 11 См.: ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 2952. Л. 5 об. ; Отчёт по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств... С. 171.
- 12 См.: Описания отдельных русских хозяйств. СПб., 1898.

- Вып. 6. Тамбовская губерния. С. 13, 14 ; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 98, 100, 101 ; Вся Россия : русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный календарь Российской империи. М., 1895 ; СПб., 1899. Т. 2 ; СПб., 1900. Т. 1, 2.
- 13 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 881. Л. 9 об.; Д. 5843. Л. 4 об.; Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 13; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 104, 105.
- 14 См.: Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 13.
- 15 Там же. С. 13, 14 ; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 101.
- 16 См.: ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 880. Л. 7, 7 об.
- 17 См.: Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 14 ; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 103, 104, 212, 215, 217–220.
- 18 См.: Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 14.
- 19 См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 98, 100, 101.
- 20 Там же. С. 101, 103.
- 21 Там же. С. 103.
- 22 Там же. С. 122–125 ; ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 862. Л. 11.
- 23 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 862. Л. 12 ; Д. 863. Л. 7, 7 об., 9, 9 об. ; Д. 2301. Л. 8, 10 об.
- 24 Там же. Д. 3933. Л. 15, 20, 20 об. ; Д. 3934. Л. 17; Д. 4857. Л. 6, 16, 16 об., 21.
- 25 Там же. Д. 7090. Л. 4, 11, 15.
- 26 См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1902. Т. 2. Среднерусская чернозёмная область / под ред. П. П. Семёнова и В. И. Ламанского. С. 336.
- 27 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 14 об., 19 об.; Д. 3934. Л. 17; Д. 4857. Л. 5 об., 15 об., 21; Д. 7090. Л. 10 об.
- 28 Там же. Д. 3933. Л. 20 об.; Д. 3934. Л. 17; Д. 4857. Л. 16 об.; Д. 7090. Л. 11 об.
- 29 Там же. Д. 3933. Л. 20 об., 21; Д. 3934. Л. 17; Д. 4857. Л. 16, 16 об.; Д. 7090. Л. 11, 11 об.
- 30 Там же. Д. 3933. Л. 20 об., 25; Д. 4857. Л. 16 об., 17.
- 31 Там же. Д. 7090. Л. 11, 12.
- 32 См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 138; Отчёт по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств... С. 171, 172.
- 33 Отчёт по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств... С. 171, 172.
- 34 Там же. С. 173.
- 35 См.: Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 14; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 100, 103.
- 36 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 863. Л. 7 об. ; Д. 2301. Л. 11.
- 37 Там же. Д. 3933. Л. 21 ; Д. 4857. Л. 18.
- 38 Там же. Д. 3933. Л. 19 об. ; Д. 4857. Л. 15 об., 18.
- 39 Там же. Д. 3933. Л. 21 ; Д. 4857. Л. 18.
- 40 Там же. Д. 4857. Л. 18 ; Д. 7090. Л. 12.
- 41 Отчёт по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств... С. 172.
- 42 См.: ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 863. Л. 7 об., 10 ; Д. 2301. Л. 8 об., 10 об.
- 43 См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 104, 105.
- 44 См.: ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 21 об. ; Д. 4857. Л. 18 об.
- 45 См.: Давыдов А. В. Указ. соч. С. 106 ; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии... Т. 15. С. 138, 139 ; Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии по закону 8-го июня 1893 года. Тамбов, 1907. Вып. 12. Моршанский уезд / под ред. Н. Романова. С. 193.
- 46 Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 14.
- 47 См.: ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 863. Л. 7 об., 10, 11, 11 об. ; Д. 2301. Л. 8 об., 10 об., 11.
- 48 Там же. Д. 863. Л. 10 об.
- 49 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии по закону 8-го июня 1893 года. Тамбов, 1903. Вып. 8. Елатомский уезд / под ред. Н. Романова. С. 127.
- 50 Там же. С. 126, 127.
- 51 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 22 ; Д. 4857. Л. 18 об.
- 52 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии... Вып. 8. С. 127.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 См.: ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 22.
- 56 Там же. Д. 4857. Л. 18 об. ; Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии... Вып. 8. С. 128.
- 57 См.: ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 7090. Л. 12 об.
- 58 Давыдов Н. В. Из помещицкой жизни... С. 192.
- 59 Там же. С. 192, 193.
- 60 Там же. С. 192; Давыдов Н. В. Из прошлого... Ч. 1. С. 212 ; Давыдов С. А. Указ. соч. С. 5.
- 61 См.: Давыдов А. В. Указ. соч. С. 136 ; Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1917. Ч. 2. С. 24.
- 62 См.: Давыдов Н. В. Из прошлого... Ч. 1. С. 208, 331; Ч. 2. С. 32 ; Давыдов С. А. Указ. соч. С. 4.
- 63 Давыдов Н. В. Из прошлого... Ч. 1. С. 212.
- 64 Давыдов С. А. Указ. соч. С. 5.
- 65 См.: Вся Россия... 1899. Т. 2. Стлб. 395 ; Вся Россия... 1900. Т. 2. Стлб. 91 ; Давыдов А. В. Указ. соч. С. 116, 119, 120 ; Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 14.
- 66 Давыдов А. В. Указ. соч. С. 116.
- 67 См.: Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 14.
- 68 Там же ; Вся Россия... 1899. Т. 2. Стлб. 395 ; Вся Россия... 1900. Т. 2. Стлб. 91.
- 69 См.: Описания отдельных русских хозяйств... Вып. 6. С. 14.
- 70 Там же ; Россия. Полное географическое описание нашего отечества... Т. 2. С. 367.
- 71 ГАТО. Д. 3933. Л. 20 ; Д. 4857. Л. 6, 16, 22.
- 72 Там же. Д. 3933. Л. 14 об., 20, 26 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 10 об., 15 об., 16 ; Д. 5165. Л. 106 об.
- 73 Там же. Д. 7090. Л. 11.

УДК 930:314

МИКРОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕСТЬЯНСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ОРЛОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н. А. Жиров

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Статья посвящена изучению уровня и причин смертности в крестьянской среде Орловской губернии на микродемографическом уровне. В основе работы лежат статистические сведения метрических книг населенных пунктов Орловской губернии, хранящихся в Государственном архиве Орловской области. Для изучения были взяты типичные населенные пункты Болховского, Кромского и Ливенского уездов Орловской губернии. Исследование крестьянской смертности имеет важное значение для изучения исторических и географических различий между крупными регионами России.

Ключевые слова: историческая демография, крестьянство, смертность, возрастные группы, заболевания, инфекции, Орловская губерния.

The Microdemography Analysis of Peasant Mortality in Oryol Village at the Beginning of XX Century

N. A. Zhirov

The article is devoted to the study of level and reasons of mortality in peasant environment of the Oryol province on microdemography level. Based on statistics registers of births settlements Oryol province, kept in the State archive of Oryol region. For the study Bolhov typical localities, and Kromsk and Livensk counties of Oryol province were taken. The study of peasantry mortality is important for the study of historical and geographical differences between large regions of Russia.

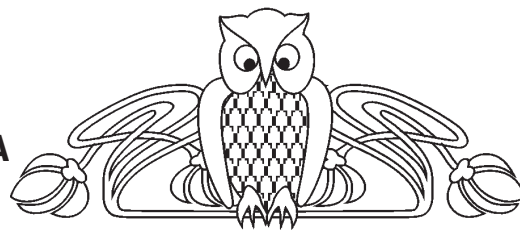
Key words: historical demography, peasantry, mortality, age related groups, diseases, infections, Oryol province.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-16-21

В начале XX в. Россия переживала демографический бум, связанный с бурным ростом населения страны. Причин этого явления было много, но одной из основных стало снижение смертности среди жителей империи.

Микродемографический подход в изучении одного из основных демографических показателей – смертности – населения позволяет детально исследовать все аспекты данного явления. Анализ смертности, выполненный на региональном микроуровне, позволяет рассмотреть общую количественную динамику показателя в абсолютном и относительном измерении, а также исследовать такие важные значения, как сезонность смертей, половозрастной состав умерших и т. д.

Детальному изучению характера движения и причин смертности сельского, в основном кре-

стьянского, населения и микродемографическому анализу были подвергнуты населенные пункты некоторых приходов Болховского, Кромского и Ливенского уездов Орловской губернии.

Основным источником по изучению демографических процессов рассматриваемых приходов являются метрические книги, которые велись приходским духовенством.

В Пятницком приходе с. Старые Турьи Кромского уезда в первые два десятилетия XX в. наблюдалось постепенное снижение уровня смертности, в целом свойственное Кромскому уезду. Число умерших за период с 1903 г. по 1918 г. сократилось в относительных цифрах на 19,4 %¹. Снижение числа умерших шло пропорционально сокращению количества новорожденных.

Коэффициент смертности в приходе на 1903 г. составлял 31,3 ‰, что соответствовало данному показателю для европейской части России. За период с 1913 г. по 1916 г. коэффициент смертности изменялся в такой динамике: 1913 г. – 29,4 ‰, 1914 г. – 51,9 ‰, 1915 г. – 23,3 ‰, 1916 г. – 12,6 ‰.

Наибольший взлет смертности был зафиксирован в 1910 г. Его главной причиной стала вспышка тифозной инфекции в первой половине года (21,6 % всех умерших были записаны с причиной смерти «тиф»). Другой пик смертности, зарегистрированный в 1914 г., был связан с увеличением детской, в том числе младенческой, смертности, вследствие превышения в приходе инфекционного порога заболеваемости корью, дизентерией и скарлатиной.

Снижение смертности в 1916–1917 гг. имело связь как с резким сокращением умерших детей в возрасте до 5 лет, так и общим уменьшением числа новорожденных в приходе, на долю которых, как правило, приходилось в среднем не менее 1/3 умерших. Кроме того, не было отмечено вспышек инфекции.

Календарное распределение числа умерших в Пятницком приходе демонстрировало неравномерное распределение усопших в отдельные месяцы. Наименьшее количество смертей приходилось на зимний период и сентябрь. Наибольшее число выпадало на летние месяцы. Причины весеннего роста смертности были связаны со вспышками инфекционных заболеваний, характерных для этого периода времени, например корь и тиф. Рост смертности в летний период был связан с повышенной смертностью новорожденных детей. В сентябре, как правило, не наблюдалось вспышек

инфекционных и простудных заболеваний, вследствие чего на этот месяц приходился минимум смертности приходского населения.

Возрастной состав умершего населения можно условно поделить на 6 групп – три детские и подростковые и три взрослые. Причины смерти можно рассмотреть в двух плоскостях: первая – по возрастным группам, вторая – по причинам смерти.

Фиксация причин смерти сельского населения медицинскими работниками проводилась редко. Чаще всего сами крестьяне или священнослужители в силу своих знаний ставили причину летального исхода. В таком случае нельзя говорить о высокой точности поставленного диагноза, зафиксированного в метрической книге. Но из-за отсутствия медицинских сведений о причинах смертности крестьянского населения, умершего, как правило, вне стен учреждений здравоохранения, приходится полагаться на информацию метрических книг.

Первая группа, в которую входили дети в возрасте до 1 года, являлась самой многочисленной категорией умерших. На нее в среднем пришлось за все годы наблюдения 39 % всех летальных случаев в приходе. При этом доля умерших младенцев от общей массы покойных в разные годы сильно колебалась в интервале от 28,7 % до 48,5 %.

Младенческая смертность оставалась высокой, и на первом году жизни умирало не менее 10 % родившихся детей. Снижение доли умерших младенцев в своей возрастной группе было отмечено в годы Первой мировой войны: 1915 г. – 24,6 %, 1916 г. – 15,7 %, 1917 г. – 10,4 %. В 1918 г. смертность среди новорожденных возросла до 18,3 %, а в целом за период процент не доживавших до 1 года детей достиг ¼.

Самыми распространенными причинами младенческой смертности были слабость и простуда. По причине «слабости» умирало 42,8 % (от общего числа умерших в возрастной группе). От простудных заболеваний уходило из жизни 46,4 %. Среди иных причин фигурировали инфекционные болезни: корь – 5,8 % и понос (в том числе дизентерия) – 5 %.

В группе детей от 1 до 4 лет уровень смертности находился на высоком уровне, и доля умерших составляла 20,8 % от всех умерших. В среднем за изученный период общая детская смертность (в обеих возрастных группах) составляла почти 60 % случаев летальности в приходе.

В данной возрастной группе преобладали те же причины смертности, что и у младенцев до 1 года: простуда – 79,1 %, слабость – 3,6 %, инфекционные заболевания (корь – 6,6 %, оспа – 1,4 %, дизентерия – 1,4 %, скарлатина – 1,4 %). Фигурировала и весьма обобщенная причина смерти – «внутренняя болезнь» (6,5 % от числа умерших в данной возрастной категории). Нередко священник записывал симптомы болезней, а не сами причины смертности, например жар, кашель, озноб и т. д.

В возрастной группе детей и подростков от 5 до 15 лет уровень смертности находился в пределах от 2 % до 9,8 % в 1906 г., а в среднем составлял 4,6 % умерших. В абсолютных числах в год умирало в среднем не более 3 детей и подростков этого возраста, а в отдельные годы, например 1907 г., не было зарегистрировано ни одного летального случая в данной категории жителей прихода.

В подростковой возрастной группе умерших, судя по записям, основной причиной смерти была простуда – 69,2 %. «Внутренние болезни» занимали 15,4 %, головная боль и понос – по 3,8 %. Среди подростков фигурировали такие причины гибели, как травмы и ушибы, насчитывавшие 7,6 %.

Смертность в категории лиц фертильного возраста (16–44 года) находилась в пределах от 4,9 % до 15,3 %. В 1917–1918 гг. произошло резкое увеличение доли умершего населения трудоспособного возраста в общей структуре количества умерших прихожан: 1917–19,2 %, 1918–17,2 %. Этот факт был связан не из-за увеличения числа умерших представителей данной возрастной категории, а благодаря сокращению детской смертности в общей структуре летальности.

Структура смертности среди населения фертильного возраста имела свои отличия. Во-первых, среди женщин существовала доля умерших при родах или от родовой горячки – 7,5 %. Это было связано с почти полным отсутствием медицинского родовспоможения в сельской местности, на что, к примеру, указывало кромское земство². Второй особенностью стало увеличение числа умерших прихожан от «внутренних болезней» – 26,4 %. В общем, на первом месте располагалась простуда, на которую приходилось до 39,6 % умерших в возрастной группе. Кроме того, были зарегистрированы диагнозы болезней, которые характерны для взрослого населения: тиф – 17 %, чахотка – 3,8 %, горячка – 3,8 %. Несчастные случаи составляли 1,9 % смертей.

Доля умершего населения 45–59 лет в среднем за период составила 10,2 % от общего количества приходских смертей, что сопоставимо с предыдущей возрастной группой. Динамика смертности имела в данной категории населения свои особенности. Например, число умерших из этой группы прихожан не было постоянным и колебалось в пределах 2,9 %–24 %.

В возрастной группе лиц 45–59 лет простуда продолжала оставаться на первом месте (47,6 % от всех умерших). На втором месте находились случаи смерти без уточнения диагноза (внутренняя болезнь) – 23 %, на третьем – тиф – 19,7 %. Мужчины часто умирали «от удара», под которым понимался инсульт (3,3 %), что вполне характерно для этого возраста. Такие причины смерти, как старость или преклонный возраст не были зафиксированы. В литературе по демографии это явление объясняется повышением медицинской грамотности священников, которые к началу XX в.

стали более точно определять конкретные причины смерти людей пожилого возраста³.

Среди лиц старшей возрастной группы (старше 60 лет) динамика смертности демонстрировала стабильность внутри хронологических отрезков 1903–1914 гг. и 1915–1918 гг. Для первого характерно стабильное количество умерших, находившихся в основном в пределах от 14 % до 16 % от всей летальности в приходе. В период военного времени произошел рост доли старческой группы среди всего количества умирающих в приходе, но это не было связано с увеличением смертности среди людей преклонного возраста, а с сокращением детской, в том числе и младенческой, смертности.

В старшей возрастной категории (старше 60 лет) старость и простудные заболевания занимали первое место в общей массе умерших – по 36,6 %. От «внутренних болезней» умирало около 20,7 %. Смертность от иных причин составляла менее 10 %: тиф – 3,7 %, удар и головные боли – 2,4 %.

Подводя итоги причин смертности во всех возрастных категориях, стоит отметить, что простудные заболевания занимали первое место (53,5 % всех смертельных случаев в приходе). Этот диагноз лидировал почти во всех группах возрастов, кроме самой старшей от 60 лет. На втором месте находились умершие от «слабости», являвшейся типичной причиной детской смертности (18 %). На третьем месте были «внутренние болезни», присутствовавшие во всех возрастных группах, кроме младенцев, – 9,6 %. Далее располагались инфекционные болезни, например понос (дизентерия), – 9,3 %. На все остальные причины смерти оставалось менее 5 %. Сюда относились летальные исходы во время родов, головные боли и удары у мужчин, чахотка, несчастные случаи. Стоит отметить сохранность неопределенных диагнозов – «слабость», «внутренние болезни», «старость».

Болховский уезд представлен двумя приходами – Успенским (с. Хотетово) и Николаевским (с. Григорово). Их главное отличие заключается в том, что с. Хотетово вместе с приходом располагались в непосредственной близости от уездного центра – г. Болхова, а григоровский приход находился в удалении от него (около 20 верст).

За период с 1900 г. по 1917 г. в с. Хотетово среднее число умерших сократилось с 75 в 1900 г. до 43 человек в 1917 г. (на 42,6 %)⁴. Данный факт не был связан со снижением рождаемости, так как число родившихся уменьшилось за период только на 18,7 %.

Приходской коэффициент смертности в 1903 г. составлял 47,1 ‰, а на хронологическом отрезке 1913–1916 гг. он снизился: 1913 г. – 30,5 ‰, 1914 г. – 36 ‰, 1915 г. – 26,6 ‰, 1916 г. – 18 ‰. Причина, как и в приходе с. Старые Турьи, крылась в снижении младенческой смертности, связанной с падением рождаемости в приходе.

Помесячные колебания числа смертей схожи с данными предыдущего прихода – летом наблюдался рост летальных случаев. Зимний и весенний (март, апрель) традиционный подъем был аналогичен предыдущему приходу.

Данные о возрасте умерших и причинах их смерти достаточно информативны и полны. Доля младенцев в общей массе умерших колебалась от 31,4 % до 51,2 %. В период с 1914 г. процент смертей среди этой категории умерших стал падать: 1914 г. – 33,9 %, 1915 г. – 17,8 %, 1916 г. – 25,8 % и 1917 г. – 18,8 %.

Самой распространенной причиной смерти являлась младенческая слабость. Местные священники отличали простую слабость организма ребенка от опасного повышения температуры и появления судорог. В народе этот симптом называли «младенческое», «младенческой болезнью», «родимчиком». Простая слабость была причиной смерти у 54 % умерших детей этого возраста, а «младенческое» – 16 % (вместе 70 % летальных исходов). На втором месте стоял простой понос – 15,3 %. Далее располагались инфекционные заболевания: «кروавый понос» (дизентерия), натуральная оспа, корь, скарлатина, коклюш (вместе 12,9 %). Наименьшее количество смертей было по причинам простудных болезней – 1,8 %.

В целом на первом году жизни умирало 24,3 % новорожденных. В 1915 г. их доля снизилась до 10,8 %. В последующие 1916 и 1917 гг. наблюдался рост числа умерших новорожденных, но он так и не поднялся выше 17,1 %. Снижение младенческой смертности в годы войны стало результатом падения уровня рождаемости в приходе и следствием профилактики детских заболеваний.

Количество умерших детей в возрасте 1–4 лет на протяжении 1900–1917 гг. в среднем за период составило 28,7 %, а в обеих младших возрастных категориях прихожан – 68,6 %.

У детей данного возраста инфекционные болезни стояли на первом месте в причинах смерти: корь – 14,5 %, скарлатина – 11,4 %, дизентерия – 7 %, дифтерия – 1,3 %, оспа и коклюш по 0,6 % (всего 35,4 %). На втором месте была слабость – 21 %, а «младенческое» составляло всего 13,3 %. На простудные заболевания выходило 14,5 %, понос – 13,9 %.

В подростковой группе 5–15 лет наблюдался традиционно низкий уровень смертности – 4,1 %. В количественном выражении число умерших по сравнению с другими возрастными группами было невелико. Инфекционные болезни продолжали лидировать: скарлатина – 34,8 %, корь – 21,8 %, оспа и коклюш по 4,3 %, а всего – 65,2 % всех летальных случаев. На втором месте находилась простуда – 13 %. Далее шли слабость – 8,7 %, рахит – 4,3 %, водянка – 4,3 %.

Средний уровень смертности в категории прихожан фертильного возраста в 1900–1913 гг. не превышал 8 %, а в 1916 и 1917 гг. поднялся до 19,4 % и 12,5 % соответственно. В большей сте-

пени это было связано с сокращением умерших в младших возрастных группах, а не с ростом смертности в своей.

В данной группе прихожан на первом месте находились простудные заболевания, на долю которых приходилось до 35,9 % умерших. Чахотка составляла ¼ всей летальности в группе. Третье место оставалось за женской причиной смертности – неблагополучными родами и связанными с ними осложнениями (10,3 %). Остальные причины смерти не превышали 10 %: удушье и водянка по 7,7 % каждая, «внутренняя болезнь» – 5,1 %, «удар» – 2,5 %. Важны случаи регистрации умерших в городской больнице, что указывало на относительную доступность крестьянам медицинских услуг и общую просвещенность их в данном вопросе. Возможно, это служило и источником грамотности приходских священнослужителей, ставящих относительно достоверные диагнозы.

В возрасте 45–59 лет за период с 1900 г. по 1914 г. включительно доля умерших находилась в пределах от 2,2 % до 12,3 %. Чахотка и внутренние болезни делили лидирующие позиции в причинах смерти и занимали по ¼ от их общего количества. Удушье, простуда, головные боли и т. д. составляли 15 %.

Смертность в старческой группе 60 лет и старше располагалась в рамках 8,5–15,4 %. Рост наблюдался с 1914 г. по 1917 г. (19,4–21,8 %). В этой возрастной группе традиционное первое место причин смерти было у «старости» – 64,8 %. Второе место принадлежало удушью – 10,8 %, внутренним болезням, водянке, простуде и т. д. (менее 10 % каждый).

Уровень смертности в Николаевском приходе с. Григорово в первые десятилетия XX в. приобрел тенденцию сокращения количества смертей на 13,7 %⁵.

Коэффициент смертности в приходе в 1903 г. составлял 46,9‰, что было выше, чем в Болховском уезде в данном году. В 1913–1916 гг. наблюдалась следующая динамика изменения смертности в приходе: 1913 г. – 24,4‰, 1914 г. – 45‰, 1915 г. – 46,1‰, 1916 г. – 21,1‰. В общем, коэффициент смертности в приходе был очень высок, что указывало на проблемы в профилактике болезней.

Младенческая смертность в приходе в среднем за период равнялась 45,3% от общего количества умерших. В среднем за период с 1900 г. по 1917 г. умирало до 30% новорожденных, что указывало на низкую выживаемость детей, а соответственно проблемы здравоохранения сельской перемии (в отличие от с. Хотетово).

Основной причиной смертности среди новорожденных была слабость – 56,9%, «младенческое» – 10,7% и группа инфекционных болезней: коклюш – 4,3%, корь – 3,4%, оспа – 2,6%, скарлатина – 2,3%. Последнее место делили простуда и понос (по 9,9%).

В группе детей 1–4 лет доля умерших от общей массы летальных случаев составляла в

среднем за период всего 21,7 %, а основными причинами смерти были инфекции: скарлатина, корь, коклюш, дифтерит (42,3 %), слабость – 19,8 %, а вместе с младенческой эта категория составила 28 % причин смерти.

Смертность в старшей детско-подростковой возрастной группе была небольшой (всего за период в среднем 5,3 %), что характерно для остальных приходов.

У прихожан фертильного возраста простуда и чахотка занимали традиционные первые места. На неудачные роды приходилось 17,4 % всех смертей в данной группе, что говорило о проблемах в системе здравоохранения (в частности, родовспоможения). Несчастные случаи занимали 5,7 % смертей в группе.

На лиц 45–59 лет приходилось всего 8,5 % от общего количества летальных исходов в Григорово. В возрастной категории от 60 лет, как и в предыдущих приходах, число умерших находилось в пределах с 2,2 % до 25,6 %. В этой группе по традиции у 65,7 % умерших причиной смерти была старость, с типичной формулировкой «от преклонных лет».

Существенных отличий в структуре смертности в с. Григорово от предыдущих приходов не было. Основную долю умирающих составляли младенцы и дети до 4 лет (более 2/3 всех летальных исходов). Наименьшей смертности были подвержены прихожане в возрасте от 5 до 44 лет (до 11 %).

Традиционно первое место занимали такие диагнозы, как слабость и «младенческое», 30,5 % и 6,7 % соответственно. Далее располагались инфекционные болезни: корь, скарлатина, коклюш, дифтерит, оспа, тиф и холера (вместе 19,8 % от числа всех причин смертей). Велика была доля умерших от поноса, а так как дизентерия ни разу не была упомянута, то, возможно, под поносом в части случаев понимали именно ее. Это происходило, несмотря на приглашения разъездного эпидемиологического врача губернского земства, в случае роста эпидемий⁶. Простуда находилась на третьем месте, старость и внутренние болезни делили четвертое место.

В Ливенском уезде нами была проанализирована динамика и структура смертности в приходах пригородного с. Крутое и находившегося на значительном удалении от уездного центра с. Норовки.

За период с 1900 г. по 1918 г. смертность в приходе с. Крутое сократилась с 118 до 68 в среднем или на 42,3 %⁷. Это снижение происходило на фоне роста рождаемости, т. е. сокращение смертности не имело взаимосвязи с количеством новорожденных. Таким образом, уместно предположение об успехах медицинского обслуживания населения, так как село входило в городской медицинский участок и, естественно, качество обслуживания населения было намного лучше, чем в отдаленных приходах (например, с. Норовка).

Коэффициент смертности в с. Крутое в 1903 г. составлял 35,4 ‰, что было на 7 ‰ выше, чем в

Ливенском уезде, а в 1914–1915 гг. он равнялся 27 % и 31,2 % соответственно.

Помесячное распределение числа умерших было типично для сельской местности: пик количества летальных исходов приходился на летние месяцы, сентябрь являлся минимумом.

Средний уровень младенческой смертности в приходе составлял 44,2 %. Ее причины были аналогичны предыдущим приходам: слабость составляла 73,7 % всех смертей детей в возрасте до 1 года, а вместе с «младенческим» на их долю приходилось более 75 % умерших. Вторая по численности шла группа инфекционных болезней (15,4 %): корь, коклюш, скарлатина, оспа и понос, под которым, вероятно, в большинстве случаев понимали дизентерию. Простудные заболевания составляли 8,7 %.

Динамика смертности детей в возрасте 1–4 лет за период с 1900 г. – 1915 г. находилась в интервале от 21,9 % до 33,3 %, а в среднем за временной отрезок составила 26 %.

Наиболее распространенной причиной смерти были инфекционные заболевания (37 % от всего количества умерших в подгруппе), в том числе корь – 16 % и скарлатина – 15,5 %, а коклюш, оспа и дифтерия были незначительно представлены. На втором месте, как и в первой возрастной подгруппе, стояли простудные заболевания (23,5 %) и слабость (21,7 %).

В старшей возрастной группе детей и подростков 5–15 лет наблюдался самый низкий уровень смертности, достигавший в среднем всего 5,3 %. Первое место занимали простудные заболевания – 41,6 %, а второе – инфекционная группа болезней: скарлатина – 18,3 %, оспа – 6,6 % и корь – 5 %. Незначителен процент других диагнозов смерти, таких как головная боль, внутренняя болезнь и т. п. Имелось и традиционное возрастное отличие – наличие гибели детей от травм и несчастных случаев – 6,6 %.

Смертность в группе трудоспособного возраста (16–44 года) в среднем составляла 10 % от общей массы умерших. Лидирующие позиции диагнозов смерти занимали простудные заболевания и чахотка, 34,1 % и 35,7 % соответственно, а также наличие смертельных случаев, связанных с родильной деятельностью (около 14 %). Для мужчин характерны следующие причины смерти – удар, паралич, припадок и несчастные случаи (2,4 % всех летальных исходов). Зарегистрированные болезни внутренних органов: катар желудка, колики, воспаление брюшины и т. д. занимали всего около 6 %.

Категория лиц в возрасте 45–59 лет в среднем составляла 5,4 % от общего количества умерших, а основной причиной смертности являлись простудные заболевания, на долю которых приходилось почти 45 % смертей. Чахотка занимала третью позицию (20,5 %). Остальные причины смерти имели незначительный процент.

Для прихожан старше 60 лет среднее число умерших равнялось 9,1 % за изученное время. В

военное время доля старшего поколения в общей массе умерших стала повышаться, что, скорее всего, могло служить предвестником начавшихся изменений в возрастной структуре смертности в приходе.

Динамика смертности в Тихоновском приходе с. Норовка за период с 1900 г. по 1919 г. отражала уездные тенденции и показывала сокращение своего уровня. В среднем количество умерших сократилось с 51 в 1900 г. до 45 человек в 1919 г., или на 11,7 %⁸.

Коэффициент смертности в приходе с. Норовка в 1903 г. равнялся 30 %, что было близко к уездному уровню данного года.

Календарное распределение смертности в приходе было аналогично рассмотренным выше приходам.

В среднем за изучаемый период младенческая смертность составила 36,1 % от общего количества умерших в приходе, что схоже с результатами в остальных приходах. Основные причины были типичны – слабость (75,6 %) и «младенческое» – (2,4 %), что вместе составляло 78 % всех умерших новорожденных. На втором месте стояла группа простудных заболеваний, составлявшая 9,7 % смертей. Далее располагались инфекционные болезни – 7,9 % всех смертей в подгруппе и чуть более 4 % занимал понос.

Количество умерших в приходе детей 1–4 лет в среднем за период составило 26,8 %, а причины смертности мало отличались от большинства приходов: инфекционные заболевания (38 % от всего количества умерших в группе), простуда – 27,8 %, «младенческое» – 8,3 % и понос – 6,2 %.

Смертность в старшей детской возрастной и подростковой группе была традиционно низкой и составляла в среднем 5,1 %. Ей сопутствовали несчастные летальные случаи – 5,4 %, а лидирующую позицию имели простудные заболевания (до 50 %).

Смертность среди прихожан 16–44 лет в среднем за период составила 9,7 %, что было свойственно остальным приходам. Основными причинами смерти в группе лиц фертильного возраста были простудные заболевания и чахотка, по 38,4 % и 29,7 % соответственно. Женские диагнозы смертей составляли 11,2 %. Для мужчин были характерны иные причины смерти – удар, паралич, припадок и т. д. Зарегистрированные болезни внутренних органов (катар желудка, воспаление в груди или животе и т. д.) занимали не более 9 %.

На долю приходских жителей 45–59 лет выпадало 7,6 % от всего умершего населения в Норовке. Основными причинами смерти были простудные заболевания (36 %) и внутренние болезни (18,6 %). От старости или преклонных лет уходило из жизни 18,5 %, от чахотки – 17,4 %. Другие причины смерти, кроме тифа, повлекшего 4 % смертей, были малозначительны. В старшей возрастной группе в период Первой мировой войны, как и в других приходах, был заметен рост

умерших пожилых прихожан в общей структуре смертности, а в среднем за весь исследуемый промежуток времени они составили 14,7 % всех умерших.

Возрастная структура крестьянской смертности в перечисленных приходах была очень похожей. Дети в возрасте от 1 до 4 лет составляли подавляющее большинство от общей массы умерших – 60–70 %. В целом в первый год жизни умирало от 24 % до 32 % новорожденных, таким образом, каждый четвертый ребенок умирал, не дожив и до 1 года. Вследствие этого свойственные детям причины смерти – слабость и «младенческое» – в среднем составляли около 40 % диагнозов от общего числа причин смертности среди всего населения.

Простудные и инфекционные заболевания (корь, скарлатина, коклюш, оспа, тиф и т. д.) находились на втором-третьем месте в структуре причин смертности (20 %, 15 % соответственно). Простудные заболевания были свойственны всем возрастным группам, а инфекционные – в основном детям.

В группе лиц от 5 до 44 лет уровень смертности был традиционно низок – 12–15 %. Ее основными причинами были простудные заболевания, чахотка, тиф, реже головные боли, удары, неудачные роды и т. д. Мало умирало женщин фертильного возраста от неудачных родов и последствий после них. Несчастные случаи, повлекшие смерть, были единичны, а насильственные смерти практически не встречались. За весь исследуемый период известно только два факта гибели людей в годы революции 1917 г. и последовавшей Гражданской войны.

Люди пожилого возраста составляли 17 % умерших в приходах. Старость или смерть от преклонных лет была самой распространенной зафиксированной в источнике причиной летальности. Все остальные причины смерти вместе взятые составляли от 10 % до 15 %.

Во всех исследуемых приходах было зарегистрировано снижение смертности, связанное с сокращением рождаемости. Это правило не работало в с. Крутое, так как количество умерших уменьшалось, несмотря на рост родившихся. Главной причиной может быть близость г. Ливны к данному приходу, а следовательно, и связанное с этим удовлетворительное медицинское обслуживание населения.

Основные тенденции в развитии уровня и причин смертности в приходах Орловской губернии во многом были аналогичны показателям в приходах других регионов России, в которых в начале XX в. наметилось снижение смертности, но

при этом сохранялись традиционные сезонность, половозрастная структура смертей. Это явление говорило о начале демографического перехода от традиционной модели воспроизводства населения к современной. В отличие от северных регионов страны – Олонецкой и Ярославской губерний, где большую роль составляли простудные заболевания, в орловских приходах основными причинами ухода из жизни были детские диагнозы – слабость, понос (дизентерия), инфекционные заболевания, что сближало их с тамбовскими и курскими населенными пунктами⁹.

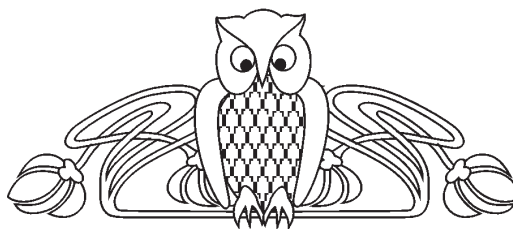
Примечания

- ¹ См.: Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 101. Оп. 2. Д. 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152.
- ² См.: Отчет Кромской уездной земской управы о положении земского хозяйства за 1902–1903 год. Кромь, 1903. С. 69.
- ³ См.: *Смирнова С. С.* Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв. : К вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» : материалы VIII конференции АИК. Июнь 2002 г. № 30. М., 2002. С. 196–199.
- ⁴ См.: ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671.
- ⁵ Там же. Д. 1302, 1303, 1304, 1305, 1306, 1307, 1308, 1309, 1310, 1311, 1312, 1313, 1314, 1315, 1316, 1317, 1318, 1319, 1320, 1321.
- ⁶ См.: Отчет Болховской уездной земской управы о приходе и расходе денежных сумм за 1903 – 1 половину 1904 года. Орел, 1904. С. 49.
- ⁷ См.: ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 2797, 2798, 2799, 2800, 2801, 2802, 2803, 2804, 2805, 2806, 2807, 2808, 2809, 2810, 2811, 2812, 2813, 2814.
- ⁸ Там же. Д. 2971, 2972, 2973, 2974, 2975, 2976, 2977, 2978, 2979, 2980, 2981, 2982, 2983, 2984, 2985, 2986, 2987, 2988, 2989, 2990, 2991.
- ⁹ См.: *Быканов А. Н.* Воспроизводство сельского населения Курской губернии в XIX – начале XX в. (по материалам Знаменской церкви с. Колодного Курского уезда) // Проблемы исторической географии и исторической демографии Центрального Черноземья и Запада России. М. ; Брянск, 1996. С. 102 ; *Дьячков В. Л., Канищев В. В.* Уровни применения демографических коэффициентов // Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Б. Жиромская, В. В. Канищев. М. ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 86 ; *Смирнова С. С.* Смертность в Олонецкой губернии... С. 196–199.

УДК 303.446.4(47)|18/19|

РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ В ОЦЕНКАХ «ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ» (конец XIX – начало XX в.)

А. Н. Поздняков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: alnikproz@mail.ru

Проблема школьных учебников по истории является остродискуссионной для современного российского общества и специалистов. Немало вопросов по качеству, структуре и содержанию издававшихся учебников возникало и на рубеже XIX–XX вв. В статье отражен неоднозначный процесс создания учебников по истории в тот период путем анализа рецензий на них, публиковавшихся в «Журнале Министерства народного просвещения».

Ключевые слова: историческое образование в конце XIX – начале XX в., учебники по истории, критический анализ рецензий.

Russian History Textbooks in Evaluations of the «Journal of the Ministry of National Education» (End of XIX – Beginning of XX Century)

A. N. Pozdnyakov

The problem of school textbooks on history is very controversial for the modern Russian society and specialists. Many questions on the quality, structure and content of published textbooks arose at the turn of XIX – XX century. In the article reflected the ambiguous process of creating history textbooks in that period by analysing the reviews on them, published in the «Journal of the Ministry of national education».

Key words: history education in the late XIX – early XX century, history textbooks, critical analysis of reviews.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-22-28

В современных условиях широко обсуждается проблема нового поколения учебников по истории. Она является предметом активных дискуссий, которые нередко выливаются и на страницы печати. Пример тому – круглый стол «Проблемы концепции единого учебника по истории России в школе». Его материалы были опубликованы в «Вестнике Московского государственного областного университета»¹. При этом важно отметить, что вопросы качества учебников по истории всегда волновали ученых и практиков. Особо дискуссионным был период 1990-х – начала 2000-х гг. Неслучайно к этому периоду относится большое количество публикаций по данной проблематике. Среди них статьи М. М. Бадретдиновой², И. А. Еремина³, А. Н. Позднякова⁴ и др.

Востребованным сегодня становится и анализ дооктябрьского опыта обеспечения школьного исторического образования учебной литературой. Одной из наиболее крупных работ в этой области

является монография А. Н. Фукса «Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.)»⁵. Интерес вызывают и научные статьи по этому вопросу некоторых авторов, среди которых А. В. Матвеев⁶, О. В. Волобуев⁷ и др.

Несмотря на наличие серьезных исследований, данная научная проблематика не является исчерпанной. В настоящей статье поставлена задача показать неоднозначный процесс создания учебников и учебных пособий в конце XIX – начале XX в. через анализ многочисленных рецензий, публиковавшихся в таком важном периодическом издании того времени, как «Журнал Министерства народного просвещения». При этом верхняя граница исследуемого периода не достигает 1905 года – времени начала революции, внесшей существенные изменения во все сферы жизни общества, в том числе и в сферу образования.

Появление журнала было непосредственно связано с созданием в 1802 г. Министерства народного просвещения. Он не сразу принял ту форму, которая характеризовала его многие десятилетия. Сначала это были «Периодические сочинения об успехах народного просвещения», которые выходили до 1819 г. С 1821 по 1824 г. издавался «Журнал Департамента народного просвещения», а затем «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения». В 1834 г., существенно изменившись качественно, издание получило новое название – «Журнал Министерства народного просвещения». Под этим названием он выходил более 80 лет, вплоть до 1917 г.

Журнал представлял собой солидное, многостраничное издание. Он включал в себя официальные документы, среди которых Высочайшие указы, министерские приказы и распоряжения, различного рода официальные статьи и известия. Вторую его часть составляли разнообразные научные и научно-методические материалы. Заметное место среди них занимали рецензии на издававшиеся в тот период научные труды. Большое внимание уделялось и рецензиям на учебники и учебные пособия, в том числе по истории.

Публиковавшиеся в журнале рецензии носили в некотором смысле официальный характер. Раздел «Наша учебная литература», который они и составляли, сопровождался ссылкой на то, что рецензии «имелись в виду» ученым комитетом Министерства народного просвещения. Они впол-

не отвечали своему предназначению, отражали то положительное, что можно было сказать по поводу учебников и их авторов, одновременно с этим содержали критику, порой весьма резкую. Каким-либо откровенно хвалебных опусов не встречалось. По-видимому, в целях обеспечения объективности оценки учебных пособий авторство рецензий в журнале, как правило, не указывалось.

Большинство издававшихся учебников по истории традиционно относилось к официально-охранительному направлению в исторической науке. Несомненно, лидирующее положение среди их авторов в конце XIX – начале XX в. занимал **Дмитрий Иванович Иловайский**. Окончив Московский университет, он вел преподавательскую деятельность, одновременно с этим и большую научную работу. Д. И. Иловайским была издана пятитомная «История России», в которой он следовал исторической концепции Н. М. Карамзина. В соответствии с ней он считал, что история народа – это история развития его государственности, а она, в свою очередь, воплощается в «лицах, стоящих во главе народа».

Будучи активным общественным деятелем, Д. И. Иловайский сотрудничал с патриотическими организациями разной направленности. Почти 20 лет он издавал газету «Кремль», отличавшуюся правоконсервативным направлением. В 1905 г. вступил в «Союз русского народа».

Д. И. Иловайский обладал хорошими педагогическими данными, способностью кратко и точно, одновременно с этим в яркой художественной форме излагать факты. Это позволило ему стать автором целого ряда учебников по истории, многие из которых переиздавались десятки раз.

Первые издания его учебников⁸ пользовались заслуженным уважением. «Журнал Министерства народного просвещения» отмечал: «В свое время, когда учебник Иловайского был новостью, он должен был иметь успех, как вещь свежая и цельная»⁹. Достоинства учебников Д. И. Иловайского, по мнению рецензентов, заключались в отсутствии грубых фактических погрешностей, в ясности и понятности изложения, в краткости, соединенной со стремлением к систематичности и прагматизму. Этим отличались все издания его учебников. Однако со временем они становились все более застывшими и по форме, и по содержанию. Весьма характерным был вывод, содержащийся в одной из рецензий: «Исторические учебники г. Иловайского, на которых воспитались целые поколения нашей учащейся молодежи, представляют ту особенность, что, вылившись однажды в определенную форму, они сохраняют ее неизменно во всех последующих изданиях...»¹⁰

Одной из главных проблем, которые адресовались Д. И. Иловайскому, было отставание его исторической концепции от тех изменений, которые происходили в исторической науке. Так, в рецензии на учебник истории Древнего мира отмечалось: «За более чем тридцать лет, прошед-

шие со времени выхода в свет первого издания книги, наука древности успела сделать громадные шаги вперед. <...> При таких условиях и самый хороший учебник, сослуживший почтенную службу в деле воспитания, должен по возможности стараться не отставать от движения науки, если желает оставаться по-прежнему полезным и пригодным»¹¹. Однако Д. И. Иловайский «продолжал невозбранно выпускать все новые и новые издания своих учебников, не делая в них никаких улучшений или изменений в смысле придания им большего соответствия с научными и педагогическими требованиями»¹².

Неслучайно все более частыми становились отзывы на учебники Д. И. Иловайского, содержавшие остронегативные заключения. Так, автор одной из рецензий писал: «Учебная книга, появляющаяся 26-м изданием, должна бы, по-видимому, представлять собою нечто очень ценное и талантливое, на деле же перед нами учебник, лишенный и ценности, и таланта, учебник, полный грубых недосмотров и ошибок...»¹³ Далее делался вывод: «Учебник этот решительно непригоден для наших гимназий, он точно задался целью извращать факты, а не объяснять их, не излагать их согласно с исторической правдой»¹⁴.

Не все рецензенты были согласны с такой резкой оценкой. Не отрицая необходимости обновления учебной литературы, они старались делать свои выводы в более деликатной форме. Тем самым они признавали, да и не могли не признавать, реально осуществлявшиеся автором действия по совершенствованию разработанных им учебных пособий. Так, в отзыве на один из учебников можно было прочитать: «Учебник русской истории г. Иловайского действует в наших гимназиях не менее трети столетия. За это время он много раз пересматривался и изменялся; даже в последнее время автор вносил в его текст перемены. <...> Автор сам не считает своего изложения окончательно установленным и безгрешным и признает нужным его улучшить. Это очень похвально... Но со всем тем нельзя не заметить, что частичные исправления не уничтожают необходимости в общем пересмотре книги и в освежении материала...»¹⁵

Наряду с официально-охранительным в российской исторической науке углублялось и либеральное направление. История в понимании представителей этого направления являлась процессом, развивавшимся под воздействием различных групп внутренних и внешних факторов, была результатом длительной и сложной эволюции общественно-политических отношений. В конце XIX – начале XX в. влияние этого направления активно распространялось и на содержание исторического образования. Одним из наиболее важных его проводников являлся **Николай Иванович Кареев**. Будучи профессором Варшавского и Санкт-Петербургского университетов, он был известен и как автор гимназических курсов по

истории. Его учебники и в современных условиях пользуются популярностью у специалистов. Среди них можно назвать, например, «Учебную книгу новой истории»¹⁶.

Взгляды Н. И. Кареева по проблемам концепции школьного исторического образования, его структуры, принципам построения учебника были изложены в работе «Заметки о преподавании истории в средней школе».

Позиция Н. И. Кареева основывалась на новых подходах к изучению истории. Критикуя старые учебники, он называл их «каталогами отдельных фактов». «Это была история отдельных лиц и событий, связанных между собою чисто внешнею связью, – писал он. – При таком понимании предмета ученик имел дело с отдельными личностями государей, министров, полководцев... В настоящее время общее понимание истории изменилось. Каково бы ни было значение отдельных личностей в истории, во всяком случае, роль их преходящая и второстепенная сравнительно с постоянными великими силами, действующими в истории...»¹⁷ Н. И. Кареев подчеркивал принципиально новый подход к историческому образованию. «Именно теперь, – писал он, – когда теория исторического процесса пришла к понятию истории как сложного процесса, состоящего из совокупности многих частных, но длящихся процессов, в которых участвуют некоторые постоянно действующие силы, явилась возможность порвать и в преподавании истории с историей как делом памяти, чтобы превратить ее в предмет понимания»¹⁸.

В рамках новой исторической концепции разрабатывались Н. И. Кареевым и его учебники. Так, в 1903 г. им было издано учебное пособие, ориентированное на повторение и обобщение ранее изученного материала по всеобщей истории. В рецензии, размещенной в «Журнале Министерства народного просвещения», подчеркивалось не только само значение данного курса как повторительно-обобщающего, но и та концептуальная основа, на которой он строился. В ней отмечалось: «Ближайшая цель этого повторительного курса – содействовать учащимся в понимании основных явлений истории и их взаимной связи в процессе культурного развития, в представлении взаимного отношения эпох как частей одного всемирно-исторического целого и развития в их рамках материальной, общественной и духовной культуры. Курс этот должен сообщить учащимся понятие об историческом процессе и познакомить с общими вопросами историологии, содействовать лучшему выяснению общих понятий, каковы понятия общества и государства, классов, сословий, права, народного хозяйства, мифологии и религии, философии и науки»¹⁹. В рецензии несмотря на некоторые замечания, давалась заслуженная оценка этой работе. «Нет необходимости распространяться, – подчеркивалось в опубликованном материале, – с каким интересом и пользой прочтется не только учащимися, но и преподавателями этот новый

педагогический труд Н. И. Кареева, представляющий необходимое дополнение к его учебникам, которые уже успели получить значительное распространение»²⁰.

Несмотря на наличие вполне определенных политических взглядов, авторы учебников нередко все же исходили при их разработке из других предпочтений. Это, в частности, отмечал А. Н. Фукс в своей статье «Школьные учебники по русской истории официально-охранительного направления исторической науки второй половины XIX – начала XX в.»²¹. Характеризуя автора «Учебника русской истории» М. Я. Острогорского, А. Н. Фукс писал, что все его труды свидетельствовали о присущем ему либерализме. Однако он написал учебник, в котором интерпретировалась сугубо охранительная дворянско-монархическая версия отечественной истории. Учебник М. Я. Острогорского имел официальные грифы «допущено» и «одобрено», в результате чего выдержал 31 издание и являлся для автора одним из основных источников дохода.

Однако меркантильные интересы далеко не всегда становились определяющими при разработке учебников. Примером тому может служить деятельность **Павла Гавриловича Виноградова** – активного представителя либерального направления в науке и общественной жизни. В двухтомном труде профессора МГУ В. А. Томсинова «Российские правоведы XVIII–XX веков» о нем написано: «П. Г. Виноградов вошел в историю науки двух стран – России и Англии, и в обеих этих странах заслужил своими научными трудами репутацию выдающегося ученого»²². Относительно его участия в учебно-методической деятельности В. А. Томсинов писал: «В последние годы XIX века Виноградов, помимо преподавания в Московском университете, вел уроки в 5-й Московской мужской гимназии. Отражением этих его учительских упражнений стала «Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей под редакцией П. Г. Виноградова», вышедшая в свет в 1896–1899 годах... В 1896 году Виноградов основал со своими единомышленниками Московское педагогическое общество и был избран первым его председателем. На заседаниях общества обсуждались состояние и проблемы гимназического образования, основные направления его реформы»²³.

«Журнал Министерства народного просвещения» опубликовал две рецензии, в которых высоко оценивалась деятельность группы во главе с профессором П. Г. Виноградовым по созданию упомянутого выше учебного пособия. «Благодаря тому, что за дело взялся ... П. Г. Виноградов, занимающий ... такое видное положение в науке и сумевший сгруппировать под своим руководством довольно обширный кружок своих учеников и почитателей ... задача была выполнена... наилучшим образом...»²⁴ Однако богатство учебного материала, включенного в этот труд, сделали его

не вполне удобным для применения в среднем учебном заведении. Издаваемая «Книга для чтения по истории Средних веков», как отмечалось в рецензии, «по своему объему, а также и по характеру многих статей, никак не может быть помещена в разряде учебных пособий, обязательных для приобретения учениками... тем не менее, она принесет великую пользу и удовлетворит имевшимся в виду запросам школы»²⁵.

В некоторой степени схожую по своему целевому назначению деятельность осуществляла творческая группа, созданная профессором **Митрофаном Викторовичем Довнар-Запольским**. Под его руководством была подготовлена «Книга для чтения по русской истории». В рецензии на первый том этого издания, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения», говорилось об объективной сложности подготовки такого рода пособия. В ней указывалось, что возможны три типа книг для чтения по истории: 1) сборник отрывков из главных источников; 2) сборник отрывков из лучших специальных исследований по основным вопросам науки; 3) сборник специальных вновь составленных статей. «Ознакомление учащихся с текстами исторических источников, – отмечалось в рецензии, – конечно, весьма желательно. Но составить полный подбор характерных отрывков из источников с необходимым толкованием текста – дело очень трудное. Не менее желательно знакомить учеников с трудами выдающихся специалистов. И эта задача представляет большие трудности: не всегда возможно ясно передать какую-либо научную теорию посредством механически сшитых отрывков из произведений ее творца. Легче осуществить третий тип книги для чтения – сборник статей, составленных... группой специалистов. К этому третьему типу относится появившаяся недавно в свете книга для чтения по русской истории, составленная при участии профессоров (главным образом, Киевского университета) и преподавателей, под редакцией проф. М. В. Довнар-Запольского»²⁶.

В рецензии был приведен достаточно подробный анализ учебного пособия, который, кроме положительных моментов, показал наличие в нем серьезных недостатков. Характер оценочных суждений демонстрировал более низкий уровень данного пособия по сравнению с тем, который был подготовлен и издан творческим коллективом под руководством профессора П. Г. Виноградова. Вместе с тем, книга была признана «полезным пособием для средней школы и самообразования», а профессору Довнар-Запольскому и его сотрудникам было высказано пожелание «довести до конца их предприятие».

Участие университетских преподавателей в подготовке школьных учебников было широко распространенным явлением. Во многих случаях, ориентируясь на новые подходы к историческим исследованиям, университетские традиции академических свобод, они пытались внести изменения

в структуру гимназических курсов, их содержание. Однако далеко не всегда новации встречали понимание и поддержку. Если дело касалось не учебников по основному курсу, а вспомогательной литературы, какими были, например, указанные выше книги для чтения, то позиции ученых приветствовались. Посвяательства же на внесение изменений в учебные программы вызывали негативную реакцию. Это видно по характеру рецензий на соответствующие учебники.

Активно работал, например, в системе гимназического образования профессор **Александр Семенович Трачевский**. Работал он увлеченно, творчески. В Одессе вместе с женой заведовал так называемой «Новой школой», включавшей в себя мужскую и женскую гимназии. Образовательный процесс там велся на основе его собственной программы.

А. С. Трачевским были написаны учебники практически по всем разделам истории. В 1900 г. был издан в двух частях учебник русской истории. Однако рецензия на это издание была неоднозначной. По многим показателям учебник получил заслуженную положительную оценку. Подчеркивалось, что автор не довольствовался изложением событий только русской истории, он систематически обращался к параллелям из истории Западной Европы. В истории Руси он следил не только за внешними событиями, но и за внутренней жизнью, давал обстоятельные характеристики общественного быта, культуры, верований. В его книге предлагался такой разнообразный материал для чтения и такое разностороннее его освещение, как ни в одном «из подобных ему курсов нашей истории».

Однако указанные достоинства фактически выступили и в качестве недостатков, которые, как подчеркивалось, делали ее «неудобною в качестве учебника». «Прежде всего, – говорилось в рецензии, – план разбираемой книги не соответствует примерным программам гимназий и реальных училищ. Этими программами ставится на первое место прагматическое изучение внешней истории России. История права и культуры не входит в число обязательных задач преподавания, а по недостатку времени и на практике не преподается. О параллелях же с историей других стран и вовсе нет речи»²⁷.

Звучали в рецензии и опасения идеологического характера, когда говорилось: «... Ясно, что г. Трачевский не склонен идеализировать нашу старину и относится к ней без особого увлечения. Поэтому его труд не обладает той теплотой национального чувства, какая была бы необходима для воспитания в читателях патриотического настроения»²⁸. Еще более серьезный недостаток, по мнению рецензента, состоял в отношении А. С. Трачевского «к церковным людям и вопросам», в том, что к церковной истории он подходил «без должной компетентности». В конечном итоге было подчеркнуто, что на анализируемую книгу

нельзя указывать как на «нормальное руководство или книгу для ученического чтения»²⁹.

В 1901 г. был издан учебник древней истории профессора **Роберта Юрьевича Виппера**. Как говорилось в рецензии «Журнала Министерства народного просвещения», он представлял собой своеобразную попытку предложить новую систему преподавания древней истории. Главная ее идея состояла в том, что «центром тяжести» должна стать «культурная, внутренняя история». Однако эта указанная в рецензии положительная сторона была названа и в числе недостатков учебника. «Автор, – говорилось в рецензии, – отводит совершенно непропорциональное место культурной истории в ущерб политической»³⁰. В результате было признано «неудобным» употребление книги Р. Ю. Виппера «в качестве учебника».

Среди авторов пособий было немало преподавателей-практиков. Качество разработанных ими учебников, естественно, было разным. На результат влияли многие обстоятельства, но главное – уровень научной и педагогической подготовки авторов. Так, высокую оценку получали работы **Константина Алексеевича Иванова**. Педагог с большим стажем, директор ряда гимназий, с 1908 г. – домашний учитель в царской семье, он был убежденным противником устаревших традиций, методов и приемов преподавания.

К. А. Иванов являлся автором нескольких учебных книг. В 1903 г. был издан его очередной педагогический труд – учебник новой истории. В рецензии на это издание подчеркивалось: «Подобно двум предшествующим, и настоящий выпуск отличается большими достоинствами в содержании и изложении, соединяя знакомство с результатами развития исторической науки с простотой и доступностью изложения. Автор постоянно освежает материал, пользуясь университетскими курсами, историческими монографиями, иногда даже и источниками»³¹. В рецензии делался вывод о том, что учебник К. А. Иванова по новой истории представлял собой «солидное приобретение нашей педагогической литературы».

К педагогам-практикам относился и **Василий Андреевич Пузицкий**, хотя круг его интересов и занятий был значительно шире. Им написан ряд книг и статей по русской литературе и истории, в том числе учебное пособие «Отечественная история в рассказах для младших классов средних учебных заведений». «Журнал Министерства народного просвещения» дал этой работе положительную оценку. Как отмечалось в рецензии, книга заключала в себе эпизодический курс для младших школьников, который в соответствии с предъявляемыми требованиями состоял из кратких рассказов, имевших «внутреннюю цельность и законченность». Книга, говорилось в рецензии, «выдерживает хронологическую последовательность в распределении материала и стремится связать материал в одну стройную картину исторического роста нашей родины. Все это со-

вершенно соответствует как существу дела, так и тем проектам программ для I и II классов, какие были составлены в комиссии по преобразованию средних учебных заведений, действовавшей весной 1902 года»³².

Хорошее качество учебного пособия сохранило его востребованность и спустя почти 100 лет. В 1994 г. в Саратове было предпринято новое издание этой учебной книги³³.

Переиздана была в начале 1990-х гг. и другая учебная книга, вышедшая в свет в 1903 г. Это пособие, подготовленное московскими преподавателями В. Соколовым и В. Хитровым по истории Древней Руси³⁴. В рецензии, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения», говорилось, что «в результате труда гг. Соколова и Хитрова получилась хорошая книга. Она составлена обдуманно и стройно, исполнена с большим знанием дела и вполне пригодна для нашей школы»³⁵. В заключение делался объективный вывод о том, что «учебником для младших классов средней школы книга... служить не может, потому что она очень для этого велика... Но книгою для чтения... “Старина” будет очень полезно»³⁶.

Таким образом, школьное историческое образование в конце XIX – начале XX в. располагало достаточно развитой учебно-методической базой, основой которой составлял широкий перечень учебников и учебных пособий. Это были издания, разные по характеру исторической концепции, степени научности содержания, разработанности методического аппарата. Господствующее положение занимали учебники официально-охранительного направления. Переиздаваясь не один десяток лет, они устарели и с точки зрения научности содержания, и с учебно-методических позиций. Однако, несмотря на достаточно резкую критику рецензентов, учебники продолжали выходить.

Все более прочное место среди учебной литературы занимали книги либеральной направленности. Построенные на новой исторической концепции, они вызывали интерес, как со стороны специалистов, так и обучавшихся. При этом нельзя не отметить, что их авторы из числа профессорско-преподавательского состава университетов зачастую излишне свободно относились к сравнительно жестким требованиям учебных планов гимназий и реальных училищ. Это ставило под сомнение возможность широкого практического использования разработанных ими пособий в изучении истории в средней школе.

Немало действовавших в тот период учебников по истории были подготовлены преподавателями-практиками. Как правило, они получали высокую оценку рецензентов. И это не случайно. За разработку учебников брались не рядовые преподаватели. Это были специалисты, обладавшие широкими научными знаниями в области истории, хорошо знакомые с ее достижениями.

Одновременно с этим они являлись опытными педагогами, в полной мере владевшими методикой ее преподавания.

Все вышесказанное дает основания говорить о том, что обеспечение школьного исторического образования учебной литературой находилось под серьезным контролем со стороны Министерства народного просвещения в лице его ученого комитета. Однако это не означало, что в эту сферу был закрыт путь для учебных пособий, ориентированных на новые подходы к изучению истории, иные ее трактовки.

Примечания

- 1 См.: Проблемы концепции единого учебника по истории России в школе // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : История и политические науки. 2014. № 1. С. 8–41.
- 2 См.: *Бадретдинова М. М.* Учебники нового поколения по истории : о критериях отбора содержания // Модернизация образования : проблемы и перспективы. Оренбург, 2002. С. 211–217.
- 3 См.: *Еремин И. А.* Реформа образования и новые учебники по отечественной истории // Дневник АШПИ. 2002. № 16. С. 44–46.
- 4 См.: *Поздняков А. Н.* Учебники по отечественной истории для старших классов : проблемы структуры и содержания // История в программах и учебниках конца XX в. Саратов, 2002. С. 97–104.
- 5 См.: *Фукс А. Н.* Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2010. 490 с.
- 6 См.: *Матвеев А. В.* Русская идентичность в дореволюционном учебнике по истории Д. И. Иловайского // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 67–74.
- 7 См.: *Волбуев О. В.* Школьные учебники начала XX века по русской истории : функциональность и типология // Российская история. 2014. № 1. С. 95–110.
- 8 См.: *Иловайский Д.* Сокращенное руководство к русской истории. Для младшего возраста. Издание пятое. М., 1865. 140 с. ; *Иловайский Д.* Руководство ко всеобщей истории. Часть вторая. Средние века. М., 1867. 279 с. и др.
- 9 Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. Составил Д. Иловайский. Издание тридцать третья. М., 1899 // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 333. С. 41.
- 10 *Андреев М.* Руководство ко всеобщей истории. Средний курс. Составил Д. Иловайский. Издание 29-е. Москва, 1899 // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 333. С. 17.
- 11 Руководство ко всеобщей истории. Составил Д. Иловайский. Древний мир. (Курс старшего возраста). Издание двадцать четвертое. Москва, 1899 // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 333. С. 10.
- 12 *Андреев М.* Указ. соч. С. 23.
- 13 *Форстен Г.* Руководство ко всеобщей истории. Составил Д. Иловайский. Часть III. Новая история. Курс старшего возраста. Москва, 1899. Издание 26-е // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 333. С. 47.
- 14 Там же. С. 53.
- 15 Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. Составил Д. Иловайский. Издание тридцать третья. М., 1899 // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 333. С. 32.
- 16 См.: *Кареев Н. И.* Учебная книга новой истории. URL: <http://rushist.com/index.php/tutorials/kareev-tutnewtime> (дата обращения: 14.04.2015).
- 17 *Кареев Н.* Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб., 1900. С. 8.
- 18 Там же. С. 8–9.
- 19 *Кареев Н. И.* Главные обобщения всемирной истории. Учебное пособие для среднего образования. С историческими картами. С.-Петербург. 1903 // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 347. С. 17.
- 20 Там же. С. 19.
- 21 См.: *Фукс А. Н.* Школьные учебники по русской истории официально-охранительного направления исторической науки второй половины XIX – начала XX в. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : История и политические науки. 2008. № 2. С. 25–33.
- 22 *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII – XX веков : Очерки жизни и творчества : в 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 84.
- 23 Там же. С. 105.
- 24 О книге для чтения по истории средних веков, составленной кружком преподавателей под редакцией профессора П. Г. Виноградова. Удостоена большой премии имени императора Петра Великого. Выпуск второй. Москва. 1897 // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 321. С. 6.
- 25 Там же. С. 6–7.
- 26 Книга для чтения по русской истории, составленная при участии профессоров и преподавателей под редакцией профессора М. В. Довнар-Запольского, том I. М., 1904 // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. 357. С. 199.
- 27 Учебник Русской истории профессора Александра Трачевского. Часть I. Древняя Россия. Второе исправленное и дополненное издание. СПб., 1900. Часть II. Новая Россия. Второе исправленное и дополненное издание. СПб., 1900 // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 329. С. 4–5.
- 28 Там же. С. 5.
- 29 Там же. С. 6.
- 30 Проф. Виппер. Учебник Древней истории. С рисунками и историческими картами. Москва. 1900 // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 334. С. 31.
- 31 Новая история. (Курс систематический). Составил К. А. Иванов, преподаватель С.-Петербургских Высших женских курсов, пятой гимназии и Патриотического института. СПб., 1903 // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. С. 28.

- ³² Пузицкий В. Отечественная история в рассказах для младших классов средних учебных заведений. М., 1902 // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 345. С. 2.
- ³³ См.: Пузицкий В. А. Родная история : учеб. пособие для младших и средних классов. Саратов, 1994. 350 с.
- ³⁴ См.: Древняя Русь : Первая книга для чтения по оте-

- чественной истории / сост. В. Соколов и В. Хитров. М., 1993. 288 с.
- ³⁵ Старина Русской земли. Первая книга для чтения по отечественной истории. I. Древняя Русь. Составили В. Соколов и В. Хитров. М., 1903 // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 346. С. 20.
- ³⁶ Там же. С. 21.

УДК 94(=112.2)(47).084.2

СССР В 1930-е ГОДЫ: «БОРЬБА С НЕМЕЦКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ»

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует политико-идеологическую кампанию «борьбы с немецким национализмом», которая стала следствием частичного отхода сталинского руководства страны от концепции мировой революции, утверждения курса на построение и, возможно, длительное существование социализма в одной стране. В этой ситуации национальные меньшинства, имевшие исторические корни за рубежом, в частности, немцы, с точки зрения советских лидеров, становились «пятой колонной». Этим объясняется проводившаяся в отношении них агрессивная и жесткая политика «советизации», массовые репрессии, гонения на традиционную национальную культуру.

Ключевые слова: российские немцы, АССР немцев Поволжья, немецкий национализм, фашистская помощь, массовые репрессии, недоверие к немецким национальным кадрам, «немецкая операция» НКВД, «засоренность» национализмом немецкой культуры, фальсификация истории АССР НП.

USSR in 1930: «The Fight Against German Nationalism»

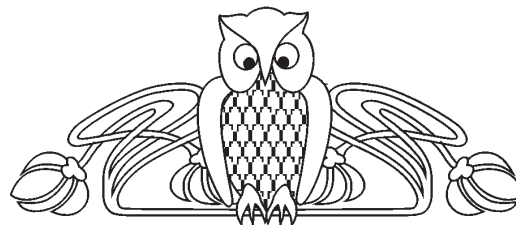
A. A. German

The author explores the political and ideological campaign «The fight against German nationalism» which was a consequence of the partial withdrawal of the Stalinist leadership of the country from the concept of world revolution, the approval of the course to build and possibly the continued existence of socialism in one country. In this situation, the national minorities that had historical roots abroad, in particular the Germans, from the standpoint of Soviet leaders became a «fifth column». Therefore, they become victims of aggressive and rigid policy of «Sovietization», mass repression, the persecution of the traditional national culture.

Key words: Russian Germans, ASSR of the Volga Germans, German nationalism, Nazi help, mass reprisals, mistrust of the German national cadres, «the German operation» of the NKVD, «debris» nationalism of German culture, falsification of history of ASSR of the Volga Germans.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-28-34

Приняв 3(16) ноября 1917 г. «Декларацию прав народов России», провозгласившую право народов на самоопределение вплоть до отделения и создания независимых государств, большевики преследовали тактические соображения:

заручиться поддержкой нерусских народов и облегчить тем самым развёртывание революционного процесса в России. В действительности же национальную идею, чувство национальной идентичности, приверженность национальному интересу они всегда рассматривали как главное препятствие на пути социалистического и коммунистического универсализма, пролетарского интернационализма. Идеологические установки определяли и соответствующую политическую линию в национальном вопросе.

Российские немцы, как и многие другие нерусские народы, получили гарантию территориальной идентичности в виде области (с 1918), а затем и Республики (с 1924) немцев Поволжья¹, ряда национальных районов и сельсоветов². Создавались образовательные и культурные институты на родном языке, стимулировались местные кадры, в 1920-е гг. проводилась коренизация³, в 1930-е гг. в общем русле развития страны осуществлялась насильственная модернизация экономики. Вместе с тем, немецкая автономия, как и автономии других национальных меньшинств, была лишена фактического политического суверенитета, все провозглашённые её национально-государственные права на практике являлись чистой фикцией. Особенно явно отмеченная тенденция стала заметна с середины 1930-х гг., когда постепенный отход от концепции мировой революции, утверждение курса на построение и, возможно, длительное существование социализма в одной стране привели к существенным изменениям национальной и, в частности, языковой политики.

Русский язык стал рассматриваться в качестве единственного универсального средства общения⁴. Кампания *коренизации*, без того проводившаяся вяло, была свёрнута. Ей на смену пришла противоположная по направленности кампания борьбы с «местным» национализмом. В том или ином виде она проводилась практически в отношении всех национальных меньшинств, особенно имевших свою государственность.

Однако «борьба с немецким национализмом» в этом ряду заметно выделялась своей агрессивностью и жесткостью. Это объяснялось тем, что исторические корни российских немцев уходили за рубеж и связывали их с Германией, государством, с которым у СССР в 1930-е гг. были напряженные отношения и которое считалось потенциальным агрессором в отношении СССР. Кроме того, советские немцы, становясь, как и другие народы нашего государства, жертвами социальных экспериментов большевистского режима и попадая в связи с этим в тяжёлое положение, пытались найти выход из него, используя отмеченные выше объективные специфические возможности этноса, имевшего исторические корни за пределами СССР (возвращение на историческую родину, получение материальной помощи и моральной поддержки из-за рубежа и т. д.). На такие попытки «своих» немцев советское руководство реагировало резко негативно, поскольку они дискредитировали большевистский режим перед мировым сообществом, раскрывая истинное положение дел в «государстве рабочих и крестьян», осложняли отношения Советского Союза с Германией и другими странами, то есть «играла наруку мировому империализму».

Так получилось и в начале 1930-х гг. Как известно, в это время в СССР в связи с коллективизацией и выкачиванием продовольствия из деревни имел место очередной массовый голод, от которого пострадали миллионы советских граждан, особенно в Украине и Поволжье. Среди них были и российские немцы.

Несмотря на все ухищрения советского руководства, правда о тяжёлом положении населения, в том числе и немцев, в районах распространения голода просачивалась за рубеж. Вполне объяснимо, что сообщения о трагическом положении немцев в СССР одними из первых были получены в Германии. Многих немцев в этих двух странах связывали родственные узы, между ними, несмотря на все ограничения сталинского режима, существовала переписка. В Советском Союзе проживало немалое число немцев, в разное время приехавших из Германии и не принявших советского гражданства.

События в Советском Союзе серьёзно взволновали общественность Германии, вызвали озабоченность её руководства. Исторически совпало так, что именно в это время к власти в Германии пришли нацисты. Стремясь заручиться поддержкой германского народа, они на первых порах активно включились в антисоветскую кампанию, стремительно разраставшуюся в Германии в связи с сообщениями об инспирированном большевиками голоде в СССР. Последовал ряд дипломатических демаршей. Германские дипломаты в Москве и Берлине напоминали о «злключениях немецких колонистов», особенно германских граждан, и настаивали на получении от советских властей разрешения на предостав-

ление немецкому населению продовольственной помощи⁵.

Советская сторона лицемерно отрицала наличие голода в СССР и отказывалась принимать такую помощь. По мере нарастания голода дипломатические демарши Германии принимали всё более острый характер. В марте 1933 г. последовали публичные выступления руководителей Германии с обвинением советского руководства в том, что оно скрывает правду о растущем голоде. В июне в Берлине была организована выставка писем голодающих немцев из СССР, которая вызвала настоящий шок у её посетителей⁶.

Своего апогея кампания протеста против «вымаривания голодом немецкого меньшинства» в СССР достигла к июлю 1933 г. Ряд организаций (Германский Красный Крест, Высший совет евангелических церквей, Союз немцев за рубежом и др.) обратились с призывом к германскому народу о сборе пожертвований в пользу «страдающих немцев» в СССР. С этой целью в банках открылся специальный счёт «Братья в нужде», на который в числе первых внесли по 1 тыс. марок личных денег президент Германии П. Фон Гинденбург и канцлер А. Гитлер. В помощь голодающим немцам в СССР германское правительство ассигновало 17 млн марок. Нацистские вожди умело использовали заговор молчания советских властей вокруг голода, эксплуатировали национальную идею, завоевывая симпатии немецкой нации⁷.

Советское же руководство по-прежнему упорствовало и не признавало факта голода в своей стране. Оно утверждало, что развязанная в Германии кампания носит клеветнический характер. С середины июля в ответ на германские обличения в СССР началась ответная, явно инспирированная кампания «возмущения» советских немцев «ложью фашистской пропаганды». На предприятиях, в колхозах, совхозах, МТС, учебных заведениях, учреждениях АССР немцев Поволжья немецких районов в различных частях СССР проводились собрания, на которых принимались резолюции протеста. Этими протестами были заполнены страницы всех советских немецкоязычных газет.

Смысл всех протестов был один: советские немцы не нуждаются ни в какой помощи со стороны фашистской Германии, «переживающей по-настоящему трудные дни голода и нужды». В «письмах трудящихся», которые потоком шли в центральные партийные и советские органы и также публиковались в газетах, заявлялось, что ни при каких обстоятельствах их авторы не будут принимать посылки от «немецких фашистов». Одновременно «трудящиеся» сами изъявляли готовность провести сбор продуктов для жертв фашизма, «безработных, голодающих крестьян Германии», т. е. ситуация переворачивалась с ног на голову. В августе исполком Коминтерна выпустил брошюру «Братья в нужде?», которая распространялась за рубежом, и её страницы были заполнены всё теми же письмами советских

немцев, в которых они рассказывали о своей «зажиточной счастливой жизни». Одновременно для «внутреннего употребления» в СССР выпустили и распространили книгу «Наш ответ» с аналогичным содержанием⁸.

Вместе с тем, на страницах советской прессы усилилась публикация материалов, разоблачавших действительный террор, усиливавшийся в Германии против коммунистов, социал-демократов, евреев, служителей церкви. Видимо, именно эти разоблачения, как и ряд жёстких контрдемаршей советской дипломатии, а, возможно, и тайный сговор двух тоталитарных режимов, привели к тому, что антисоветская кампания в Германии стала быстро угасать. Однако акция сочувствия советским немцам, проходившая в Германии и получившая отклик в других странах, вынудила власти в СССР ослабить различные запреты на помощь извне.

В частности, так и не разрешив официальной государственной помощи Германии, советское руководство сняло возражения против частной помощи конкретным лицам. Такая благотворительная помощь в виде продуктовых посылок и денежных переводов в немецких марках и долларах США с конца 1933 г. стала поступать немецкому населению СССР⁹.

Вынужденно согласившись на предоставление иностранной благотворительной помощи советским немцам, советское руководство вовсе не собиралось допускать столь явной компрометации своего режима внутри страны. 5 ноября 1934 г. ЦК ВКП (б) направил всем ЦК союзных республик, крайкомам и обкомам ВКП (б) специальную директиву, в которой обращал их внимание на то, что «в районах, населённых немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам или другим национальностям, проживающим в СССР и нарушающим элементарную лояльность к советской власти». Далее в директиве указывалось: «ЦК ВКП (б) считает подобное поведение парторганизаций и органов НКВД совершенно неправильным и предлагает принять по отношению к активным контрреволюционерам и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей особо подчёркивалось, что местные органы власти «должны потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылок»¹⁰.

На основе директивы в печати, по радио, на местах развернулась кампания по формированию негативного общественного мнения к

«фашистской помощи» и тем, кто её принимал. Получателей и распространителей гуманитарной помощи стали называть фашистами, тех кто ею пользовался – пособниками фашистов. Инспирировались и широко пропагандировались факты демонстративного отказа от помощи, уничтожения посылок. Поступавшая иностранная валюта «по просьбе немецких трудящихся» перечислялась на счёт Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Кроме того, в этот период времени проводился беспрецедентный нажим на жителей СССР, имевших иностранное подданство, с целью заставить их принять советское гражданство¹¹.

Развязанный против немецких граждан моральный и физический террор стал давать довольно быстрые результаты. Подневольных, живущих в постоянном страхе людей нетрудно было заставить выполнить все указания властей. Но власти требовали не только отказываться от зарубежной помощи, они заставляли ещё людей «разоблачать» друг друга. Жалкое зрелище представляли собой принудительно созывавшиеся общие собрания жителей сёл по «разоблачению фашистских агентов», где получавшие «фашистскую» помощь выступали с покаянными заявлениями, признаваясь, что совершили «измену социалистической родине». Каждое из таких собраний принимало резолюцию, в которой, как правило, «требовало» предания «фашистов» суду¹².

Развернулся активный поиск «фашистских контрреволюционных организаций». Судя по донесениям органов НКВД, «фашисты» буквально наводнили Республику немцев Поволжья, немецкие районы и сёла других регионов СССР. Они «пробрались» в местные органы власти, в колхозы, совхозы, МТС, на предприятия, «свили свои гнёзда» в вузах, техникумах, школах, ими были «засорены» редакции газет, культурные учреждения.

Начались массовые репрессии. 15 января 1935 г. управление НКВД АССР немцев Поволжья сообщило в обком ВКП (б), что с начала кампании (т. е. всего за два месяца) им «изъято фашистского элемента» – 187 человек. В Немецком районе Западно-Сибирского края уже к 19 декабря 1934 г. арестовали 293 человека. В дальнейшем аресты шли столь же активно. В Украине за 1935 г. было репрессировано 24,9 тыс. немцев. Значительная часть репрессированных приговаривалась к расстрелу¹³.

К концу 1935 г. получение гуманитарной помощи советскими немцами из-за рубежа фактически прекратилось, однако репрессии, развязанные режимом против немецких граждан, продолжались.

В политической сфере кампания «борьбы с немецким национализмом» выражалась в постепенном сужении и полной ликвидации национально-государственных аспектов автономии (фактическое игнорирование положений

Конституций АССР немцев Поволжья 1926 и 1937 гг., предоставлявших республике ограниченный суверенитет, ликвидация к концу 1930-х гг. всех немецких национальных районов в СССР). Немецкий язык постепенно вытеснялся из государственных, и особенно партийных органов и учреждений Республики немцев Поволжья, немецких национальных районов.

Сквозило явно выраженное недоверие к немецким национальным кадрам, они «выдавливались» с партийно-государственных должностей, дававших реальную власть (первые и вторые секретари обкома, канткомов и райкомов ВКП (б), ответственные работники НКВД и т. п.), на должности с чисто номинальной или третьестепенной значимостью (руководители советских органов, третьи секретари обкома, канткомов и райкомов ВКП (б) и т. п.).

К 1937 г. в политике ЦК ВКП (б) сквозит уже открытое недоверие к немецким национальным кадрам. После снятия с поста и ареста Е. Фешера впервые со времён гражданской войны первым секретарём обкома ВКП (б) становится не немец (Я. Попок). Немцы оказались в меньшинстве в новом составе бюро обкома ВКП (б). Весьма характерным примером может служить национальный состав делегатов 20-й областной конференции ВКП (б). Из 270 делегатов с решающим голосом немцев было – 69, русских – 159, украинцев – 33 и т. д.¹⁴

Особенно «урожайным» на «врагов народа» оказался 1937 г. 19 января Центральный Комитет ВКП (б) принял постановление «О Немобкоме ВКП (б)», в котором подверг резкой критике партийное руководство Немреспублики за слабую работу практически во всех сферах его деятельности. Среди главных обвинений – «засорённость» партийных, государственных и хозяйственных органов «чуждым элементом», «националистические» и «фашистские» проявления¹⁵. Это постановление центрального органа Коммунистической партии во многом санкционировало развязанную буквально через несколько месяцев дикую вакханалию арестов, допросов, пыток и расстрелов практически всего руководства Немреспублики, не только республиканского, но также кантонального и местного уровней.

Летом 1937 г. в рамках так называемой «немецкой операции»¹⁶ органами НКВД СССР было сфабриковано крупное дело о существовании в Немреспублике мощной подпольной националистической фашистской организации, ставившей якобы своей целью свержение советского строя, помощь Германии в подготовке к войне с СССР, срыв, путём вредительства, строительства социализма в Советском Союзе. В качестве руководящего ядра этой «организации» фигурировали практически все настоящие и бывшие партийные и советские деятели Немреспублики с момента её образования (Е. Фрешер, А. Вельш, Г. Люфт, И. Шваб, В. Курц, Г. Фукс, Г. Клиндер, А. Моор,

А. Шнейдер, Х. Горст, И. Шенфельд, Г. Кёниг и др.). По данному делу были арестованы сотни людей не только в АССР НП, но и по всему Советскому Союзу, главным образом ответственные партийные и советские работники-немцы, представители советской немецкой интеллигенции. Все «руководители организации» в 1937–1938 гг. по приговорам специальных трибуналов, «троек» и т. п. были расстреляны, остальные приговорены к длительным срокам заключения¹⁷.

Если в 1933, 1934 и начале 1935 г. «фашистами» были только получатели и распространители зарубежной помощи, то в дальнейшем этот ярлык в качестве дополнительного навешивался и на всех «разоблачённых» впоследствии в Немреспублике «врагов народа» (местных «националистов», «троцкистов», «правых», «вредителей» и т. п.). В этом как бы отражалась национальная специфика «врагов» из АССР НП и содержался прозрачный намёк на то, откуда тянется ниточка «контрреволюции». Из сферы чисто политической «борьба с фашистами» была перенесена в духовную сферу, где под этим предлогом началось мощное наступление на национальную культуру, на любые проявления национального в повседневной жизни и в быту.

Именно с 1934 г. начинаются серьёзные изменения в национальной политике сталинского руководства по отношению к советским немцам. Политика «коренизации», непоследовательно проводившаяся с 1920-х гг., постепенно начала глотнуть.

Таким образом, в национальной политике сталинского режима по отношению к советским немцам всё явственнее просматривались неприязнь и враждебность. Видимо, И. Сталин и его окружение вполне серьёзно опасались, что по мере усиления гитлеровского режима в Германии Немреспублика, как и немецкие национальные районы, могут стать «фашистскими гнездами». Призрак «пятой колонны» будоражил их воображение. Отсюда – политика жёсткого ограничения и подавления прав, свобод и национального самосознания немецкого населения, которая стала особенно заметной к 1937 г. Эта политика нанесла серьёзный урон поволжским немцам, особенно в области национальной культуры.

Ощутимый удар кампания «борьбы с немецким национализмом» нанесла национальной культуре российских немцев. На основании Постановления ЦК ВКП (б) от 5 ноября 1934 г. соответствующие постановления приняли ЦК союзных республик, крайкомы и обкомы ВКП (б), на территории которых имелись места компактного проживания немцев. В частности, обком ВКП (б) Республики немцев Поволжья принял постановления «О постановке интернационального воспитания в школах», «О проявлении кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте АССР немцев Поволжья»¹⁸. Во всех этих документах

указывалось, что установление фашистской диктатуры в Германии привело к резкой активизации немецких «контрреволюционных буржуазно-националистических элементов». Отмечалось, что в школах, техникумах, вузах, учреждениях культуры фашисты маскируются в «национальный костюм», что проявляется в «засорённости национализмом» учебников, распространении «идеологически невыдержанных» национальных песен, в «выхолащивании интернационализма» из учебных дисциплин, литературных произведений, спектаклей и т. п., в разжигании национальной розни среди молодёжи, в активизации «поповских элементов». От коммунистов требовали «особой бдительности и беспощадного разгрома местного контрреволюционного немецкого национализма». С выходом данных постановлений в отношении советских немцев открыто начала проводиться политика запрета и преследования многих национальных традиций и обычаев, образцов культуры. Были обвинены в «национализме», арестованы и репрессированы известные деятели науки, образования, культуры, их произведения запрещались и изымались. Особенно пострадали учителя, составлявшие основную часть немецкой интеллигенции.

Еще с 1932 г. – на основании письма И. Сталина об изучении истории партии – в АССР НП началась массированная идеологическая кампания по переосмыслению истории Немреспублики и её организации ВКП (б). Эту историю пытались загнать в догматическую схему, предложенную Сталиным, и потому всё особенное, национально-специфическое безжалостно отсекалось. Изменилась оценка многих конкретных исторических событий, фактов, личностей. Особенно сильной фальсификации подвергалась история образования немецкой автономии. В частности, Варенбургский съезд представителей немецких колоний Поволжья 1918 г.¹⁹ трактовался как съезд немецкой буржуазии и кулачества. Союз немец-социалистов Поволжья²⁰ был объявлен контрреволюционной меньшевистско-троцкистской организацией, препятствовавшей большевикам проведению революции в немецких колониях. Поэтому все его организаторы, в первую очередь А. Эмих, объявлялись контрреволюционерами, идеологами мелкой буржуазии и «национального контрреволюционного лагеря». Тем более запрещено было любое упоминание того факта, что коммунистическая организация АССР немцев Поволжья выросла в рамках Союза социалистов и выделилась из него в отдельную организацию лишь осенью 1918 г. Однозначно утверждалось, что большевистская организация немецких колоний Поволжья, созданная ещё до Октябрьской революции, опираясь на немецкий пролетариат и беднейшее крестьянство в суровой борьбе с национальной буржуазией, кулачеством, эсеро-меньшевистским «охвостом», установила в немецких колониях советскую власть, стала

инициатором образования немецкой автономии. Период «военного коммунизма» и продразвёрстки объявлялся периодом «бешеной классовой борьбы пролетариата и деревенской бедноты с озверелым контрреволюционным немецким кулачеством за хлеб», крестьянские выступления 1921 г. квалифицировались как «контрреволюционный кулацко-эсеровский мятеж» и т. п.²¹

Создание новой сфальсифицированной истории АССР НП и её большевистской организации сопровождалось запретом ранее изданных книг, брошюр, статей, отражавших недавнее прошлое Немреспублики. Суровым гонениям подверглись историки, не сумевшие быстро «перестроиться». Так, 6 января 1932 г. в рамках кампании обсуждения письма И. Сталина по вопросам изучения истории ВКП (б) на совместном заседании бюро обкома и президиума областной контрольной комиссии ВКП (б) АССР НП были подвергнуты резкой критике исторические работы И. Шмидта «Наша парторганизация»²² и Д. Шмидта «Очерки истории немцев Поволжья»²³ за их «кулацкий, эсеро-меньшевистский характер». Заседание постановило эти книги «считать вредными и изъять из употребления». И. Шмидт был исключён из ВКП (б). При обкоме создали специальную комиссию «по просмотру литературы об истории Немреспублики»²⁴. Благодаря деятельности этой комиссии безвозвратно утеряны для современного читателя десятки книг немецких авторов. Некоторые книги, например, «Очерки истории немцев Поволжья» Д. Шмидта, существуют в единичных экземплярах.

Спустя почти два года, 28 декабря 1933 г., на своём закрытом заседании бюро обкома ВКП (б) АССР НП сняло с должности заведующего культурно-пропагандистским отделом обкома А. Айриха за публикацию им в республиканских газетах «Нахрихтен» и «Трудовая Правда» статьи «Борьба за Советы», посвящённой 15-летию юбилею Немреспублики. По мнению бюро, статья носила «оппортунистический» характер и «фальсифицировала» историю создания большевистской организации немцев Поволжья. По этой же причине был запрещён и конфискован статистический сборник «Итоги хозяйственного строительства АССР НП за 15 лет», изданный Госпланом АССР НП. Создатели сборника понесли наказание²⁵.

Видимо, историки, писавшие о прошлом Немреспублики, никак не могли усвоить сталинскую схему развития исторического процесса и постоянно допускали те или иные «проколы». Очевидно, по этой причине по заданию обкома ВКП (б) обкомовский «теоретик» А. Лоос написал и издал в 1934 г. книгу «Против фальсификаций истории большевистской партийной организации АССР немцев Поволжья», в которой изложил официальную версию истории организации ВКП (б) АССР НП²⁶. Именно в соответствии с этой версией впоследствии были написаны статьи о Немреспублике в Большой и Малой советских

энциклопедиях, а также в брошюре, выпущенной к 20-летию АССР НП²⁷.

С конца августа 1941 и по 1955 г. включительно советские немцы как «провинившийся» и репрессированный народ вообще были лишены каких-либо условий не только для развития, но даже для сохранения своей национальной идентичности и культуры. В условиях «трудовой армии» спецпоселения, любое проявление немцами своей национальной специфики могло расцениваться как антисоветское действие со всеми вытекающими отсюда последствиями. С наступлением хрущёвской «оттепели» советские немцы получили кое-какие весьма ограниченные возможности для возрождения своей национальной идентичности и культуры. Однако призрак немецкого национализма постоянно будоражил воображение советского руководства. Отсюда строгая дозированность и цензура всех мер по национальному развитию немецкого этноса. К примеру, главным редактором центральной газеты советских немцев «Нойес Лебен» до самого конца 1980-х гг. могло быть только лицо русской национальности. Аналогичная ситуация имела место в немногих других газетах, редакциях радиовещания для советских немцев, культурных центрах и т. п.

«Борьба с немецким национализмом» в советское время явилась одним из факторов массовой ассимиляции большинства советских немцев в русскоязычную среду, потери ими своей национальной идентичности, забвения языка, культуры.

Примечания

- 1 Подробнее см.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941*. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 12–38, 159–162.
- 2 Подробнее см.: Чирко Б. *Немецкие национальные районы и сельсоветы // Немцы России : энцикл. : в 3 т. Т. 2*. М.: ЭРН, 2004. С. 632–634.
- 3 Подробнее см.: Герман А. А. *Политика «коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 92–95.
- 4 Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей : Постановление Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938 г. см.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4467. Л. 339–345.
- 5 См.: Бабиченко Л. *Шестьдесят лет назад. Дипломатические игры вокруг голодающих немцев Поволжья // Neues Leben*. 1993. № 41. С. 4.
- 6 Там же. С. 5
- 7 См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2086. Л. 131.
- 8 Бабиченко Л. *Указ. соч.* С. 5 ; Наш ответ : рабочие и колхозники Республики немцев Поволжья разоблачают клевету германских фашистов. Сталиград : Партиздат, 1933. 60 с.
- 9 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 52. Л. 42.
- 10 Полный текст директивы см.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 : в 2 ч. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 332–333.
- 11 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294. Л. 1, 2, 64.
- 12 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 52. Л. 40.
- 13 См.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг.* М.: МСНК-пресс, 2007. С. 329 ; Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М.: Готика, 1995. С. 183 ; Ченцов В. В. *Трагические судьбы : Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы*. М.: Готика, 1998. С. 68–93.
- 14 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3056. Л. 112–114.
- 15 Там же. Д. 3071. Л. 1–5.
- 16 Подробнее о «немецкой операции» НКВД см. Охотин Н., Рогинский А. *Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ : Репрессии против российских немцев*. М.: Звенья, 1999. С. 35–75.
- 17 ГАНИСО. Ф. 1, Оп. 1. Д. 3408. Л. 35–51, 61, 74, 75–99.
- 18 Полные тексты указанных постановлений впервые опубликованы автором. См.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 333–341.
- 19 Варенбургский съезд – съезд представителей немецких колоний левобережья (луговой стороны) Саратовского Поволжья (Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губернии), созданный по инициативе немецких служащих земских учреждений Новоузенского уезда с целью национального самоопределения поволжских немцев. Проходил 24–28 февраля 1918 г. в крупном немецком селе Варенбург (Привальное). На съезде проявились противоречивые тенденции. С одной стороны, делегаты съезда осудили бесчинства и произвол, творившиеся в немецких селах с санкции местных органов новой большевистской власти различными красногвардейскими отрядами, насильственно реквизирующими у колонистов продовольствие, скот, другое имущество. Съезд также выступил с протестом против закрытия Саратовским Советом «Саратовской немецкой народной газеты» реквизиции бумаги этой газеты на сумму 30 тыс. руб., против преследования активистов немецкого национального движения. С другой стороны, под впечатлением «Декларации прав народов России» делегаты съезда решили ходатайствовать перед Советским правительством о предоставлении немцам Поволжья территориальной автономии. Подробнее см.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге*. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 19–21.
- 20 Союз немцев-социалистов Поволжья (СНСП, «соцбунд»), общественно-политическая организация немцев Поволжья, объединявшая отдельные разрозненные кружки и группы, отражавшие взгляды почти всех существовавших в России социалистических партий. Наиболее влиятельными были группы из Екатериненштадта (меньшевики) и Саратова (большевики). СНСП образован в мае 1917 г. на учредительном съезде, проходившем в Саратове при определяющем влиянии социалистов Екатериненштадта. Из их числа был избран Центральный комитет (А. Эмих, Г. Калининченко,

Ф. Ледерер и др.). Издававшаяся с марта 1917 г. в Екатеринштадте газета «Der Kolonist» («Колонист») стала печатным органом Союза. СНСП не имел четкой организационной структуры, фиксированного членства, собственных программных документов. Подробнее о деятельности Союза немцев-социалистов Поволжья см.: *Hermann A.* Wie die Arbeitskommune (das Autonome Gebiet) gegründet wurde // *Die Russlanddeutschen Gestern und Heute.* Köln : Markus verlag, 1992. S. 159–183 (*Герман А.* Как была образована Трудовая коммуна (Автономная область) немцев Поволжья // *Российские немцы вчера и сегодня.* Кёльн, 1992. С. 159–183).

²¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1991. Л. 262–264; Д. 2116. Л. 11–15, 21–22.

УДК 93 / 94

НА ГРАНИ ВЫЖИВАНИЯ: МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1930-Х ГОДОВ

М. Ю. Антимонов

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: wolf-25@yandex.ru

В статье рассматривается жизненный мир молодого человека через призму рациона питания, медицинского обслуживания, детской смертности и социальной политики государства. Особое внимание уделяется изучению сложившейся ситуации в стране в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. Для более глубокого осознания социокультурных процессов 1930-х гг. рассматривается феномен молодого человека с учетом его ментальных и поведенческих характеристик.

Ключевые слова: болезни, голод, засуха, медицинское обслуживание, повседневность, смертность, социальная политика государства.

On the Verge of the Survival: Youth in Conditions Social and Economic Crisis of the 1930th

M. Yu. Antimov

In article the vital world of the young man through a prism of a food allowance, medical care, child mortality and social policy of the state is considered. The special attention is paid to studying of current situation in the country in the conditions of crisis of supply of 1939–1941. For deeper understanding of sociocultural processes of the 1930th the phenomenon of the young man taking into account his mental and behavioural characteristics is considered.

Key words: diseases, hunger, drought, medical care, daily occurrence, mortality, social policy of the state.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-34-38

Судя по официальным сводкам, 1930-е гг. – это время расцвета СССР. Но в действительности это было далеко не так. Особенно тяжелое положение сохранялось в отраслях легкой промышленности (группа «Б») и сельском хозяйстве.

²² *Schmidt J.* Unsere Parteioranisation. 1918–1928. Pokrowsk : Deutscher Staatsverlag Nemgosisdat, 1928. 36 s.

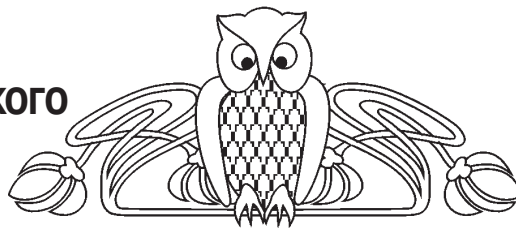
²³ *Schmidt D.* Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Erster Teil. Pokrowsk : Nemgosisdat, 1930. 386 s.

²⁴ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1737. Л. 468.

²⁵ Там же. Д. 1991. Л. 262–264; Оп. 1а. Особая папка. Д. 1. Л. 136.

²⁶ См.: *Loos A.* Gegen die Fälschung der Geschichte der Bolschewistischen Parteiorganisation der ASSR der Wolgadeutschen. Engels : Parteiverlag, 1934. 55 s.

²⁷ Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья : политико-экономический очерк. Энгельс : Немгосиздат, 1938. 55 с.

Летом 1936 г. разразился неурожай зерновых. От засухи пострадал и картофель. Это породило и мясную проблему. Уже в ноябре стали появляться сообщения о нехватке хлеба в городах Воронежской области, в Западной Сибири, зимой этого же года люди стояли за хлебом с двух часов ночи. География спецсообщений о начавшемся хлебном кризисе обширна – Воронежская, Горьковская, Кировская, Курская, Куйбышевская, Оренбургская, Саратовская, Сталинградская, Челябинская, Ярославская области, Ставрополье, Мордовская, Чувашская АССР, АССР Немцев Поволжья, Башкирия¹.

Красочным примером сложившейся ситуации служит сочинение тринадцатилетнего школьника Алексея Соколова из Ярославской области на тему «Как я провел каникулы»: «Я, ученик 6-го класса группы “Г” Пречистенской средней школы, провел зимние каникулы очень нерадостно. Я лучше бы согласился ходить в школу в это время. Когда я пришел в школу, то учителя сначала стали говорить: “Давайте, ребята, заниматься с новыми силами”. Я за каникулы потерял все силы. Мне некогда было повторять уроки и прогуляться на свежем воздухе. Мне приходилось с 3-х часов (утра. – *Е. О.*) вставать и ходить за хлебом, а приходил человеком 20-м или 30-м, а хлеб привозили в 9–10 утра. Приходилось мне мерзнуть на улице по 5–6 часов (дело происходило в январе 1937 г. – *Е. О.*). Хлеба привозили мало. Стоишь, мерзнешь-мерзнешь, да и уйдешь домой вечером с пустом, ни килограмма не достанешь. Я думаю, что другие ученики тоже провели так же, как и я, каникулы. Если не так, то хуже моего... Судя по этому, можно сказать, что советская власть несколько не улучшила жизнь крестьянина, а, наоборот, еще ухудшила. Быть может, мое сочинение не подходит под тему, но в этом я не виноват, так

как я ничего не видел, кроме обиды. Я – пионер и школьник и пишу то, что видел и делал. Так провёл я каникулы»². Такое положение дел, конечно, не могло не сказаться на состоянии здоровья подрастающего поколения.

Дефицит не ограничивался хлебом. Не лучше было положение с такими основными продуктами питания, как мясо, молоко, масло, овощи, не говоря уже о столь необходимых вещах, как соль, мыло, керосин и спички.

В конце 1939 г. СНК СССР была установлена «норма отпуска хлеба в одни руки» для открытой торговли, и она составляла 2 килограмма. В октябре 1940 г. СНК СССР снизил норму продажи хлеба в открытой торговле с 2 до 1 килограмма.

В условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. по решению Политбюро ЦК была создана система закрытой торговли и общественного питания для особых категорий населения. Официально карточная система не была введена, но, по сути, она действовала и распространялась на местах. Вот что пишет по этому поводу В. Кубанев: «Страшно вить город, в котором закрыты все магазины. Вся торговля хлебом перенесена в учрежденческие буфеты»³.

В предвоенный период нормы продажи других товаров в открытой торговле в одни руки, так же, как и хлеба, с каждым годом снижались. К концу 1940 г. большинство продуктов стали отпускать в одни руки в среднем в 2–4 раза меньше⁴. Это свидетельствует о продовольственном кризисе.

В то время, когда у населения не хватало средств на приобретение необходимых продуктов питания, государство проводило активную налоговую политику.

Из воспоминаний жительницы Тамбовской области М. С. Алимпиевой мы узнаем, что у ее родителей были куры и корова, а яйца и масло семья не ела. Все эти продукты продавали или отдавали как налог. Государство не учитывало наличие у населения коровы, кур и другой живности. Если не было в хозяйстве какого-либо продукта из налогового перечня, то его надо было приобрести и сдать. Помимо натурального налога, взималась и денежная пошлина на содержание колодцев, мостов, дорог. Она составляла 2 руб. в год. Также население участвовало в выплате займов. Расчет происходил каждый квартал. Если вовремя это не делалось, то начислялись пени.

В Вологодской области в 1936 г. государственный налог на сельхозпродукцию составлял: мяса – 35 килограммов, молока – 220 литров базисной жирности 3,9%, картофеля 80 килограммов, зерна – 4 килограмма с трех соток посева зерновых. В 1936 г. сделана была оценка домов для взимания страховки, собирали 1 рубль 5 копеек с сотки, с головы скота – 4 руб. 45 копеек, с посевов – 9 руб. 4 копейки с сотки, самообложение – 14 руб.⁵

В Саратовском селе Лох, как Э. Б. Корнеева вспоминала: «А урожай-неурожай (картофеля), а 2 центнера отдай – налог такой. И мяса 40 кило-

грамм, 100 яиц, масла – 10 килограмм. С каждого двора. А если нет коровы, а овцы, там брынзу давай. Поэтому скотину перевели всю. Скотину было держать невыгодно, просто невозможно». «А налоги? Картошки отдай 3 центнера, мяса отдай 40 килограмм, масла 12 килограмм... Шерсть отдай, кожу отдай... А потом и корову отберут», – вспоминал другой очевидец А. О. Казанкин⁶.

Так, по воспоминаниям А. П. Крутова, в Вологодской области «1937–1940 гг. – самые голодные годы были: по 200 грамм хлеба на день выдавали на трудодень. Но голодными они были не потому, что были неурожайными, а потому, что задушили налогами»⁷. Да и другой очевидец вспоминает, что «...ягоды, между прочим, мы не ели – их сушили на зиму. И все время хотелось есть. ...И бесконечный понос: мы ели всякую травку, что казалась съедобной»⁸.

Такие правительственные «поборы» обрекали колхозников на недоедание и голод, а по отношению к их личным подсобным хозяйствам поборы были непосильными.

В сельской местности излишка продуктов у населения не было. Хватало лишь на то, чтобы ноги не протянуть. Поэтому учителю из Воронежской области приходилось ездить в город за продуктами, так как он не мог их приобрести у сельских тружеников. Вот, что он пишет: «В городе вчера я был за съестными припасами. Кому-то удивительно, но ты не удивляйся, что “классик” из деревни едет в город покупать помидоры. Просить не хватает совести (за деньги, конечно). А иначе здесь не достанешь – только через правление, через эти самые просьбы»⁹.

Такое тяжелое положение с провизией накладывало отпечаток и на рацион питания. Обязательным атрибутом для еды был хлеб. Молочные продукты употреблялись чаще всего теми, у кого были в хозяйстве коровы. Мясо в рационе встречалось реже. И его употребление тоже было связано с личным хозяйством. Из напитков был кисель из муки, молоко, чай, квас. Но, безусловно, далеко не все имели возможность так питаться. Даже в сельской местности у населения еле-еле хватало запасов продуктов до следующего урожая. Приходилось экономить на желудке, обходясь только теми продуктами питания, которыми смогли застаться, это чаще всего были овощи с огорода, а картошка, по всей вероятности, была первым спасением от голодной смерти.

Сладости были редкостью. Их обычно дети получали на праздники от сельсовета. Так, в Бондарском районе Тамбовской области в 1937 г. в клубе Знаменского сельсовета была устроена на Новый год елка, где всем детям выдавались гостинцы в кулечках – пряники и конфеты¹⁰. Но не каждый председатель так делал. П. А. Плепишова вспоминает, что конфет у них тогда не было, поэтому они резали, затем сушили свеклу. Это и были их конфеты.

Особенно тяжело жилось материально многодетным семьям. Вспоминает один из детей, семья которого жила на Рязанщине: «Нас у матери было

13 человек. Дostatка в доме не было, жили очень бедно и голодно»¹¹. Сталкиваясь с такой нищетой и безысходностью, подростки часто бросали учебу и шли работать, чтобы прокормить себя и свою семью. Не всякий молодой человек мог выдержать такую напряженную физическую и морально-психологическую нагрузку.

Что и могло привести их к психическому заболеванию или суициду. Вот как описывает сложившееся состояние Н. Луньков: «Мне тогда было неполных 16 лет, отец дал понять, что пора бы мне поехать в Москву на работу, где на ЗИСе с 1931 г. трудились два его младших брата: Григорий и Дмитрий. И само собой подразумевалось, что я должен буду материально помогать семье. Но на завод меня сразу не приняли, поскольку брали только совершеннолетних... Но это была не главная трудность. Проблема состояла в том, что в то время (1937 г.) в Москве шла паспортизация. Прописаться было практически невозможно... Надо было искать выход из труднейшей ситуации. В таком же положении оказались многие мои знакомые и приятели. Кто-то из них, более опытный, посоветовал ночевать на Казанском вокзале. Можно, мол, сойти за пассажира, ожидающего своего поезда. Я решился. Иногда ночь проходила спокойно, иногда милицейский обход выпроваживал нас на улицу. Тогда все устраивались под мостом, но в холодные дни было тязько. Постепенно напряжение становилось предельным, так как после работы я учился на вечернем факультете... Долго ли можно выдержать такую “райскую жизнь”?! И вот в одну из ночей я шел по Москворецкому мосту и, вдруг глубоко ощутив всю безвыходность моего положения, остановился, засмотревшись на Москву-реку, в голову лезла мысль, не прыгнуть ли туда, кончив все разом. Помешал, а вернее спас меня милицейский караул»¹².

С таким тяжелым материальным положением сталкивались многие семьи. И самое главное, они оказывались в безысходном положении. Жизнь подрастающего поколения превращалась порой в просто существование, борьбу за выживание.

Низкокалорийное питание, порой возможное его отсутствие, неблагоприятные жилищные условия, дефицит одежды – все это губительно сказывалось на здоровье детей, которые в этом возрасте уязвимы и подвержены серьезным заболеваниям.

Так, за 4 квартал 1938 г. в городе Тамбове школьными врачами было обследовано 16 школ, в которых 3 693 школьника прошли профессиональный медицинский осмотр. Нуждающихся в медицинской помощи было признано 930, а в санитарно-оздоровительном лечении – 289 человек. В переводе в другие учебные заведения были признаны нуждающимися 10 человек. 82 школьника были направлены в стационары сразу же после осмотра¹³.

Частыми были и обращения детей за медицинской помощью в поликлиники. Так, в течение 1938 г. в г. Тамбове число детских визитов к врачам насчитывало 77 450. Если посещаемость

рассмотреть поквартально, то мы можем увидеть равномерное распределение числа визитов на каждый квартал. В среднем оно составляло по 18 000 в квартал¹⁴.

Какими же заболеваниями страдали дети? Так, в 1938 г. в г. Тамбове среди школьников были распространены такие болезни, как диспепсия (42 %), бронхит (25 %), рахит (8 %), воспаление легких (7 %), колит (2,7 %) и глисты (1,1 %). По сути, многие заболевания были социального происхождения.

Плохое питание, нехватка самого необходимого из белья и одежды, проживание в антисанитарных условиях, порой рядом с домашними животными – все это, безусловно, могло явиться причиной этих заболеваний.

Отсутствие в рационе питания продуктов животного происхождения (мясо, молоко, яйца, масло, сало), нехватка витаминов сказывались на здоровье ребенка, все это приводило к таким заболеваниям, как рахит, анемия, эксудативный диатез. Семьи, у которых были корова, свиньи, куры, мясо, только по большим церковным праздникам могли позволить себе щи с мясом. В основном мясо возили продавать в Тамбов. С молока собирали сливки и сбивали масло, которое обычно тоже шло на продажу. А сами ели незамысловатые супы из пшена или гороха.

Проживание в одной комнате большого количества людей, плохое проветривание помещения, их антисанитарное состояние, наличие вшей, тараканов и мышей, в связи с сыростью появление комаров – все это служило источником для таких заболеваний, как малярия, диспепсия, менингит, заражение глистами.

Так, только за III квартал 1938 г. гельминтологическим пунктом было обнаружено 378 учеников, которые были заражены глистами, а обследовано было 626 человек¹⁵. Летом 1940 г. в Тамбовской области были случаи и желудочно-кишечного заболевания детского населения. Дело доходило до госпитализации, потому что подростки были в тяжелом состоянии¹⁶.

Особенно опасными были инфекционные заболевания, так как они заразны и понижали сопротивляемость организма ребенка. Возбудители инфекций – болезнетворные различные микробы или вирусы. Профилактические прививки могли бы предохранить детей от заболеваний, но прививочного материала было недостаточно, поэтому многие дети не были привиты.

Находясь с больными людьми в одном помещении и не имея возможности их изоляции, заражались здоровые дети. При скарлатине заражение могло произойти не только при непосредственном общении с больным, но и при соприкосновении с его вещами: посудой, одеждой, игрушками. А корь (1,5 %) и коклюш (1,7 %) по частоте случаев занимали одно из первых мест среди заболеваний¹⁷. Благодаря своей высокой летучести вирус кори проникал сквозь малейшие щели и разносился с потоком воздуха. Так, анализ данных о заболеваемости корью по Тамбовской

области в 1938 г. показывает, что страдающих этой болезнью школьников за данный год лишь на незначительное число снизилось по сравнению с 1937 г. Борьба с корью было сложно из-за необеспеченности специальными медикаментами медицинских пунктов, особенно в сельской местности. Противокоревая сыворотка в 1938 г. имела лишь в крупных городах Тамбовской области. В остальных населенных пунктах не было создано ее запаса. Вакцина высылалась лишь по отдельным требованиям заведующих горрайздравотделами из г. Воронежа, что нередко приводило к запоздалому ее применению, в результате чего снижалась и ее эффективность¹⁸.

Самой опасной болезнью того времени являлся туберкулез. В 1938 г. по Тамбовской области детей, больных туберкулезом, насчитывалось 510. Это свидетельствовало о низком социальном уровне жизни населения. Не имея калорийного питания, нормальных материально-бытовых условий жизни, молодой организм еще со слабым иммунитетом подвергался опасности заболеть воспалением легких, бронхитом, туберкулезом. Чтобы детский организм мог сопротивляться с туберкулезной инфекцией, ребенок должен был получать в достаточном количестве молоко, творог, сыр, мясо, рыбу, масло, сливки, витамины. И особенно для таких детей нужен был свежий воздух, которого при большом скоплении людей в комнате быть не могло. А выйти на улицу дети тоже не имели возможности из-за отсутствия верхней одежды и обуви. Порой они не выходили из дома месяцами, особенно зимой и осенью. А как можно было предотвратить заражение и заболевание туберкулезом, если многие дети не имели индивидуальной кровати, постельных принадлежностей и посуды¹⁹.

Для оказания больным медицинской помощи нужны были квалифицированные специалисты. В 1937 г. в сельской местности 1,6 больничной койки приходилось на тысячу человек. Согласно переписи, в 1937 г. 110 млн человек сельского населения обслуживали менее 12 000 врачей, 54 000 фельдшеров и акушерок и менее 7 000 фармацевтов²⁰. А на всю Тамбовскую область в 1937 г. приходился всего 491 врач, то есть на 10 000 человек населения было по 2,6 медработников. К 1940 г. положение с врачами так и не улучшилось, но их уже было 3,6 на 10 000 населения²¹. Следует учесть, что большая часть этих специалистов находилась в городских населенных пунктах, где и располагались поликлиники, больницы, санатории и т. п. Медицинские учреждения на селе были редкостью. А жители Тамбовской области населяли в основном сельские районы – 85,2 %²². С обеспеченностью же населения средним медицинским персоналом дело обстояло лучше. В 1940 г. таких специалистов по Тамбовской области насчитывалось 3 791 человек – 20,7 на 10 000 человек населения²³. Получается, что первую медицинскую помощь доступнее было получить у фельдшера, специалиста среднего звена. Но и здесь возникали

трудности для сельских жителей. Так, для жителей села Козьмодемьяновка ближайший фельдшер находился в Красных Криушах, расстояние между которыми было 5 километров. А в наличии у фельдшера не было всех нужных медикаментов. Ближайшая же аптека располагалась в Сабурово.

Вот, что вспоминает житель села Туголуково И. С. Плещеев: «В селе жил единственный фельдшер Виктор Николаевич. Жил он в кирпичном доме... Принимал в комнате тут же, кажется, комната была только для приема... Он же готовил лекарства и выдавал в назначенный срок. Судя по всему, он был хороший практик, специалист на все руки, и ему жители доверяли. Одним из первых врачей был Страхов... Но Страхов продержался недолго, уехал, потом врачи менялись часто, и не всегда жители были ими довольны. Нередко можно было слышать: «Вот был Виктор Николаевич, действительно лечил, настоящий врач»... Не держались врачи потому, что не по душе была им сельская жизнь, особенно в те тяжелые времена»²⁴.

Детских поликлиник и отделений при различных медицинских учреждениях в 1940 г. по Тамбовской области насчитывалось 47²⁵, в то время как область в 1939 г. состояла из 5 городов и 42 районов. Таким образом, в лучшем случае получалось по одной детской поликлинике на каждый городской или районный административный центр. В районном центре Туголуково только в 1938 г. была открыта небольшая «больничка» на несколько коек²⁶. При слабой коммуникационной связи между сельскими глубинками и крупными населенными пунктами заболевший школьник не мог своевременно обратиться за медицинской помощью. В результате чего развитие болезни зачастую зависело от организма ребенка и своевременной медицинской помощи.

К сожалению, некоторые заболевания заканчивались трагическим исходом – смертью. Только за 1937 г. умерло 2 499 человек. Из них 52 % (1 307) составляли мальчики и 48 % (1 192) девочки. Основная масса умерших детей была из сельской местности – 87 % (2 185), а из городского населения – 13 % (314): в сельской местности смертность мальчиков – 52 % (1 136), а девочек – 48 % (1 049), в городских поселениях мальчиков – 54 % (171), девочек – 46 % (143). Таким образом, разница между количеством умерших мальчиков и девочек была незначительной и составляла 4–8 %²⁷.

Если же рассмотреть социальное происхождение умерших детей, то на долю рабочих приходилось 14 % (346), служащих – 4,5 % (114), колхозников – 53 % (1 331), единоличников – 12,5 % (316), прочих – 4 % (95) и с неустановленным общественным положением – 12 % (297)²⁸. Как мы видим, большая часть умерших детей была из семей колхозников и рабочих – двух самых многочисленных социальных групп СССР. И надо отметить, смертность наблюдалась среди довольно взрослых детей, а не младенцев.

Причиной детской смертности были чаще всего такие болезни, как туберкулез – 26,5 %, болезни, связанные с воспалением органов дыхания, – 10 %, инфекционные заболевания – 24,5 %, малярия – 6 %²⁹.

Сложившиеся в эти годы условия жизни людей были очень тяжелыми. Народ существовал на грани выживания, а подрастающее поколение – на грани вымирания. В официальной сводке сообщалось: «Саратовская область, Макаровский район. В колхозе “12 лет РККА” колхозники вырывали из земли на скотомогильниках трупы павших животных и употребляли их в пищу. В колхозе “Ленинский путь” колхозница Морозова ходила по селу и собирала падаль. Ее дети от недоедания опухли...

Колхозница Жижина, беременная, больная женщина, двое ее детей находились в опухшем состоянии. Старшая дочь ходила по селу, собирала падаль. Завхоз колхоза Юдин “отпустил для питания” Морозовой и Жижиной голову павшей лошади. В колхозе им. Пугачева завхоз Уваров выдал конюху Зайцеву мясо павшей лошади на общественное питание. Извлечен из петли колхозник Елисеев В. П., 25 лет, попытка к самоубийству связана с отсутствием продовольствия и т. д.

Сердобский район. Колхозник Сидоров П. В., семья из 6 человек, в том числе 4 детей, с 11 февраля совершенно не имел хлеба, жена и дети опухли. Колхозник Абрамов И. Е., семья из 3 человек, заработал 177 трудодней, а хлеба нет, его дочь опухла и т. д.

Балтайский район. В колхозе им. Кагановича колхозница Графина А. Я., 60 лет, 2 детей, “за неимением хлеба убивала кошек, мясо которых употребляла в пищу”. Фатюшкина А. К., 65 лет, 3 детей, питалась мясом лошади, павшей от желудочно-кишечного заболевания. Катаев Г. Г. с семьей из 4 человек употреблял в пищу павших кур, которых собирал по селу. Семья его была сильно истощена, один ребенок заболел.

Бековский район. Колхозница Белова, 3 детей, ударница – за лето заработала 350 трудодней. Полученный за трудодни хлеб был вскоре израсходован, 2 детей пошли нищенствовать по селу, а сама Белова и ее старший сын лежат в постели больные от недоедания». Случаи голодных смертей были зарегистрированы также в Воронежской и Челябинской областях³⁰.

На долю молодого поколения 1930-х гг. выпали безмерные испытания. Суровые жилищные условия, постоянное чувство голода, болезни, которых можно было бы избежать при благоприятных жизненных условиях, большая детская смертность, ощущение недоступности и невозможности осуществления своих желаний, дефициты и очереди – вот в каких условиях происходило становление личности подрастающего поколения и формирование соответствующего социального типа поколения победителей. А неосведомленность, которая закрывала глаза людям на происходящее, малограмотность, которая ограничивала

возможности человека, – все это как бы смиряло молодых людей с суровостью жизни, заставляло жить одной надеждой на «светлое будущее». Только они не знали, как можно жить лучше, ведь средства массовой пропаганды внедряли в их умы, что при царе жили плохо, а за границей еще хуже. Отсюда происходила примитивизация детского сознания. В результате чего желания носили банально бытового характера: быть сытым, одетым и иметь крышу над головой.

Примечания

- 1 См.: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 258.
- 2 Цит. по: *Осокина Е. А.* Указ. соч. С. 259.
- 3 *Кубанев В. М., Чекмарев С. И.* Стихи, дневники, письма. М., 1981. С. 181.
- 4 См.: *Осокина Е. А.* Указ. соч. С. 336.
- 5 См.: Север. История семьи Крутовых // *Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах.* М., 1996. С. 19.
- 6 См.: *Кондрашин В. В.* История села Лох // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник.* М., 1997. С. 202.
- 7 Север. История семьи Крутовых... С. 19.
- 8 *Зиновьев А. А.* Сталин – нашей юности полет: Социологическая повесть. М., 2002. С. 232.
- 9 *Кубанев В. М., Чекмарев С. И.* Указ. соч. С. 187.
- 10 Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 21. Л. 139 об.
- 11 *Луньков Н.* Русский дипломат в Европе. М., 1999. С. 5.
- 12 Там же. С. 6–7.
- 13 ГАТО. Ф. Р-1516. Оп. 5. Д. 41. Л. 111.
- 14 Там же. Д. 39. Л. 210.
- 15 Там же. Л. 119.
- 16 Там же. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 15. Л. 193.
- 17 Там же. Ф. Р-1516. Оп. 5. Д. 39. Л. 208.
- 18 Там же. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 46. Л. 49.
- 19 Там же. Ф. Р-1516. Оп. 5. Д. 39. Л. 189.
- 20 *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М., 2008. С. 243.
- 21 См.: 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С. 196.
- 22 Там же. С. 175.
- 23 Там же. С. 197.
- 24 *Гибишман К. А., Плещеев И. С.* История с. Туголуково и окрестных селений. Михайловка, 2000. С. 112–113.
- 25 Там же. С. 195.
- 26 Там же. С. 75.
- 27 См.: ГАТО. Ф. Р-3688. Оп. 1. Д. 182. Л. 18.
- 28 Там же. Л. 24.
- 29 Там же. Л. 59.
- 30 См.: *Осокина Е. А.* Указ. соч. С. 263.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(38):930.27

МЕСТО МАГИСТРАТА КЛЕИТОС В СИСТЕМЕ КЛЕЙМЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ ОСТРОВА ФАСОС

М. В. Иващенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: m.ivashchenko@list.ru

В статье уточняется хронология амфорных клейм магистрата Клеїтос, отвечавшего за керамическое производство на о. Фасос. Ранее считалось, что этот чиновник относится к «поздним» фасосским магистратам и датируется в пределах 30–20-х гг. IV в. до н. э. Между тем совокупность археологических комплексов, приведённых в данной работе, наглядно показывает, что Клеїтос принадлежит ещё к «ранним» магистратам и должен быть датирован не позднее 50-х гг. IV в. до н. э.

Ключевые слова: керамические клейма, магистраты, хронология, археологические комплексы.

Magistrate Kleitos Place in the Stamping System of the Ceramic Tare of Thasos

M. V. Ivashchenko

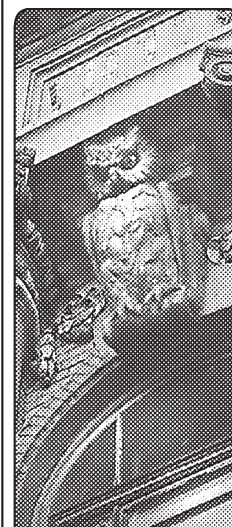
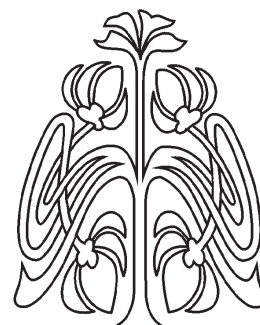
The article clarifies the chronology of amphora stamps of the magistrate Kleitos, who was in charge of ceramic production on the Thasos. Previously it was thought that this official belongs to the «late» Thasos magistrates and is dated within 30–20s of the IV century BC. Meanwhile, the collection of archaeological complexes, given in this paper demonstrates that Kleitos belongs to the «early» magistrates and should be dated no later than the 50s of the IV century BC.

Key words: ceramic stamps, magistrates, chronology, archaeological complexes.

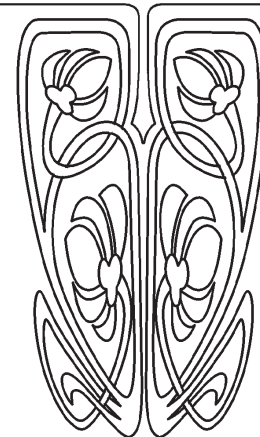
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-39-43

При исследовании античных памятников основную массу находок составляют амфоры и их фрагменты. Для археологов и историков они служат не только отличным датирующим материалом, но и являются надёжным источником по изучению античной торговли¹. Ценность этого материала объясняется тем, что в период поздней классики и эллинизма во многих греческих центрах на протяжении столетий существовала практика клеймения амфор, которые были основным видом тары для перевозки таких жидких продуктов, как вино и оливковое масло. На настоящий момент в фондах различных музеев находится несколько сотен тысяч разнообразных амфорных клейм. Третья часть этой выборки была обнаружена в Северном Причерноморье. Вместе с тем, на сегодняшний день только незначительное количество этого материала введено в научный оборот. Благодаря работе нескольких поколений учёных большинство этих оттисков локализовано и хронологически определено. Однако имеются клейма, чью точную датировку по разным причинам установить довольно трудно. Данная статья посвящена как раз одному из таких сюжетов – уточнению хронологии керамических оттисков фасосского магистрата Клеїтос.

К настоящему времени хронология фасосских оттисков разработана относительно надёжно. Впервые проблемой их классификации начали заниматься ещё в середине 1930-х гг. основатели современной керамической эпиграфики: советский исследователь Б. Н. Граков и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

американка В. Грейс. Ими было выделено с учетом типологии оттисков два основных периода фасосского клеймения: «ранний» и «поздний»². В первый были помещены клейма, содержащие два имени, – фабриканта и магистрата, а во второй – этникон и имя магистрата³.

В дальнейшем исследовательская работа по уточнению и детализации хронологии фасосских оттисков проводилась как отечественными, так и зарубежными исследователями. Важным этапом в решении данной проблемы является вышедшая в начале 1970-х гг. статья Ю. Г. Виноградова. В ней автор разделил все фасосские оттиски на восемь типологических групп и три хронологических периода, правда, ошибочно включив туда также клейма Менды и Аканфа⁴. Практически одновременно работу над хронологией фасосских клейм начали французские исследователи М. Дебидур и И. Гарлан. Они провели детализацию хронологии клейм Фасоса, в итоге были созданы достаточно стройные хронологические системы «ранних» и «поздних» фасосских оттисков⁵. Причём И. Гарлан предложил датировать переход от «ранних» к «поздним» клеймам 330 г. до н. э.⁶ Впоследствии все эти системы были сведены воедино А. Авраамом⁷ и доработаны В. И. Кацем⁸. Последний разделил всех фасосских чиновников на 22 последовательных этапа клеймения, выделив при этом шесть «ранних» и шестнадцать «поздних» групп магистратов. Количество магистратов в его списке составило 62 для «ранних» и 125 для «поздних»⁹.

В настоящее время работа по уточнению хронологии фасосских оттисков активно проводится С. В. Полиным. Исследователь, используя материалы нескольких закрытых археологических комплексов Северного Причерноморья, пытается решить некоторые спорные аспекты фасосского клеймения. Одним из таких ключевых моментов для его критического анализа послужили клейма магистрата Клеїтос, которые до этого были встречены в таких закрытых болгарских комплексах, как яма с поселения «Костадин Чешма» и Славчова Могила¹⁰.

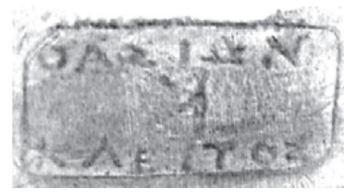
Данные клейма содержат в верхней строке этникон ΘΑΣΙΩΝ, а в нижней – имя магистрата ΚΛΕΙΤΟΣ в именительном падеже. В центральном поле оттисков в качестве эмблемы стоят отдельные буквы греческого алфавита (рисунок, 1–6). В каталоге фасосских клейм А.–М. и А. Бон было зафиксировано 14 разнообразных штампов этого магистрата¹¹. В своде фасосских клейм IOSPE-III, работа над которым была завершена примерно в то же время, их насчитывалось такое же количество¹². В эмблемах содержатся буквы от «В» до «Т». Пока штампы с буквами «А», «Λ», «Ν» и «Ο» неизвестны, но не исключено, что в дальнейшем будут обнаружены выполненные ими клейма. Также, вполне возможно, что со временем будут обнаружены оттиски данного магистрата с одной или несколькими литерами, следующими за «Т». Итак, есть основание предположить, что во время магистратуры Клеїтос число штампов насчитывало не менее 19 различных вариантов.

1

2

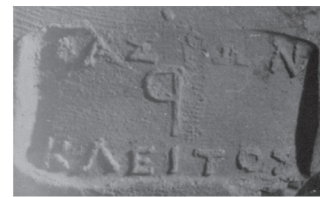
3

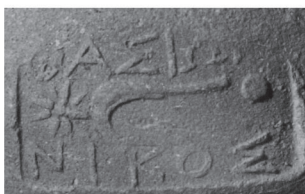
4

5

6

7

8

9

Спорным моментом является назначение букв, находящихся в центре клейм *Κλεῖτος*. На раннем этапе изучения фасосских клейм, когда *Κλεῖτος* считался фабрикантом, Б. Н. Граков предположил, что данные буквы обозначают год работы гончара¹³. В дальнейшем М. Мирчевым и Б. Н. Граковым была высказана новая гипотеза, согласно которой эти буквы были инициалами имён магистратов, отвечающих за изготовление амфор¹⁴. Между тем, на наш взгляд, эти буквы можно трактовать как номера гончарных мастерских Фасоса, причём стоящие не в числительном, а в алфавитном порядке. Однако вопрос о назначении этих букв продолжает оставаться открытым.

Споры вызывает и место *Κλεῖτος* в системе фасосского клеймения, а также его относительная и абсолютная датировка. В своё время Ю. Г. Виноградов поместил *Κλεῖτος* в самое начало 5 б хронологической подгруппы (20-е гг. IV в. до н.э.). Это было связано с тем, что данные клейма стилистически схожи с оттисками подгруппы 5-а (рисунок, 7–9)¹⁵. Причём показательно, что в последнюю были отнесены клейма с так называемыми «астральными» символами («звезда», «шар», «фиала»)¹⁶. Позднее М. Дебидур, активно занимавшийся разработкой хронологии «поздних» клейм, отнёс магистрата *Κλεῖτος* к самому началу первого пореформенного периода клеймения на Фасосе (345–335 до н. э.)¹⁷.

Однако спустя десятилетие, тот же М. Дебидур на Стамбульском коллоквиуме в докладе, специально посвящённом магистрату *Κλεῖτος*, в осторожной форме предположил, что предложенная им ранее датировка должна быть понижена на пятнадцать–двадцать лет¹⁸. По его мнению, это связано с тем, что из общего количества известных ему клейм *Κλεῖτος* (266 экз.) в Причерноморье было обнаружено примерно 90% оттисков, а в Средиземноморье только 10%¹⁹. Такая ситуация является наиболее характерной для середины – третьей четверти IV в. до н. э.²⁰ Именно тогда велась активная торговля Фасоса с Причерноморским регионом.

Однако такое предположение было встречено прохладно, и предложенная передатировка не нашла понимания. Неслучайно в вышедших после доклада М. Дебидура работах, посвящённых фасосским клеймам, практически сохраняются старые даты. Так, А. Аврам отнёс деятельность магистрата ко времени между 329–317 гг. до н. э.²¹; С. Ю. Монахов – к промежутку времени между 340–335 гг. до н. э.²²; И. Гарлан – к I группе «поздних» клейм, что соответствует дате ок. 327 г. до н. э.²³; В. И. Кац – к самому концу седьмого этапа клеймения – 333–327 гг. до н. э.²⁴

Перелом произошёл в 2009 г., когда Ч. Цочев вновь вернулся к гипотезе М. Дебидура. В качестве нового аргумента им были приведены материалы двух комплексов, содержавших амфоры с клеймами магистрата *Κλεῖτος*²⁵. Первый из них происходит из ямы с поселения «Костадин Чешма» к северо-западу от античной Аполлонии Понтийской.

Здесь оттиск данного магистрата был обнаружен совместно с клеймами таких «ранних» фасосских чиновников, как *Διάρης* (90-е гг. IV в. до н. э.), *Φανок(-)* и *Ἦροφών I* (80-е – первая половина 60-х гг. IV в. до н. э.)²⁶. Другой закрытый комплекс происходит из кургана Славчова Могила к юго-востоку от фракийского Севтополя, где в дромосе гробницы были найдены две клейменные амфоры: одна фасосская, а другая – гераклейская. Первая содержала на ручке клеймо *Κλεῖτος*, а вторая – энглифический оттиск магистрата *Λυσίθεος* и фабриканта *Εὐτορος* на горловине. Показателен тот факт, что *Λυσίθεος* в соответствии с хронологической системой В. И. Каца относится к III-Б магистратской хронологической группе, и датируется началом 50-х гг. IV в. до н. э.²⁷ С учётом этих комплексов Ч. Цочев предложил перевести *Κλεῖτος* в «ранний» период клеймения на Фасосе, поместив его в группы «Е» или «F» хронологической схемы И. Гарлана, и датировать в широких пределах середины 60-х – первой половины 40-х гг. IV в. до н. э.²⁸

Ещё одним комплексом, содержащим клеймо магистрата *Κλεῖτος*, является колодец под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса Таврического, где найдено 35 амфорных оттисков. Хронология двух самых поздних клейм этой выборки: гераклейского эпонима *Σκύθας* и синопского астинома *Διονύσιος I* не заходит далеко за начало 50-х гг. IV в. до н. э.²⁹ Видимо, и *Κλεῖτος* должен датироваться в этих пределах.

Последним известным на сегодняшний день археологическим комплексом, в котором также были обнаружены клейма *Κλεῖτος*, является засыпь под амфилеммой херсонесского театра³⁰, где среди прочего встречено 20 фасосских оттисков. Девятнадцать из них удалось восстановить и, используя хронологическую систему В. И. Каца³¹, распределить по последовательным этапам клеймения (таблица).

Фасосские клейма из засыпи под херсонесским театром

Магистраты	Кол-во	Этапы
<i>Διάρης</i>	1	I
<i>Λάβρος</i>	1	
<i>Λεωνι(-)</i>	1	
<i>Ἀλθημ(-)</i>	1	III
<i>Βάτων</i>	1	
<i>Φανок(-)</i>	1	IV
«Звезда»	5	
«Шар», «звезда»	2	
<i>Κλεῖτος</i>	6	V

К первому этапу (90-е – первая половина 80-х гг. IV в. до н. э.) относятся три безэмблемных магистратских клейма. Оттиски второго этапа (середина 80-х – первая половина 70-х гг. IV в. до н. э.) в данной выборке вообще отсутствуют. Третий этап (середина 70-х – первая половина

60-х гг. IV в.) представлен тремя надёжно восстановленными оттисками. Самым представительным является четвёртый этап (вторая половина 60-х IV в. до н. э.), содержащий семь клейм этого центра. Кроме этого шесть оттисков принадлежат магистрату Клеїтос. Судя по всему они самые поздние в выборке и относятся уже к пятому этапу клеймения (50-е гг. IV в. до н. э.), когда ситуация на острове стабилизируется и в фасосских клеймах вновь появляются имена магистратов.

Аналогичная датировка клейм Клеїтос была недавно предложена С. В. Полиным. Он привлёк материалы из погребального комплекса кургана № 32 у г. Орджоникидзе на Украине, в составе тризны которого находилось горло гераклеийской амфоры с клеймом уже отмеченного магистрата Лхуїнепт. С. В. Полин по аналогии с подобным клеймом из Славчовой Могилы предложил датировать и фасосского магистрата Клеїтос в пределах 50-х гг. IV в. до н. э.³² Вместе с тем исследователь по-прежнему считает, что Клеїтос принадлежит к группе «поздних» магистратов, на основании чего предполагает, что переход от «ранних» к «поздним» фасосским клеймам произошёл в 50-х гг. IV в. до н. э.³³

Однако с этим заявлением никак нельзя согласиться. Если следовать логике С. В. Полина, то получается, что начало магистратского клеймения на Фасосе должно было произойти ещё в 10-х гг. V в. до н.э. Такой вывод можно сделать, если учесть всех известных на сегодняшний день «ранних» фасосских чиновников. Между тем С. В. Полин, понимая это, предполагает, что на протяжении 370–355 гг. до н.э. сразу несколько магистратов одновременно осуществляли контроль над производством амфор на Фасосе, причём чиновники клеймили амфоры каждый от своего имени и собственными штампами³⁴. На наш взгляд, такое предположение не имеет под собой основания. Дело в том, что случаи коллегиального исполнения магистратуры чиновниками, отвечающими за контроль над керамическим производством, на настоящий момент в керамической эпиграфике не известны.

Между тем логичнее поместить Клеїтос в состав одной из групп «ранних» магистратов и отнести его к периоду сбоя в системе магистратского клеймения на Фасосе, который произошёл где-то в конце 60-х гг. IV в. до н. э. Здесь на протяжении нескольких лет амфоры клеймились штампами, содержащими имя фабриканта, а имя магистрата было заменено одной или двумя постоянными эмблемами или монограммой («звезда», «фиала» и «шар» и монограмма {ΓΑ}). В соответствии с хронологической системой И. Гарлана эти клейма были распределены между подгруппами «F1» и «F2», т. е. с промежуток примерно в 13 лет³⁵. В свою очередь, В. И. Кац объединил их в одну группу и отнёс к четвёртому этапу клеймения³⁶. Хотя в оттисках Клеїтос и существуют отличия – в клеймах стоит имя магистрата, а не фабриканта и отдельными буквами греческого алфавита помечено полтора десятка мастерских, работавших при нём.

Таким образом, учитывая материалы всех приведённых комплексов, магистратуру Клеїтос следует датировать не позднее 50-х гг. IV в. до н. э. Однако окончательную точку в этом вопросе может поставить только появление новых узких археологических комплексов, содержащих амфоры или клейма этого фасосского магистрата.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма».

Примечания

- 1 См.: Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 11 сл.; *Garlan Y.* Amphores et timbres amphoriques grecs entre erudition et idéologie // *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et belles-lettres.* NS. T. XXI. Paris, 2000. P. 12 ff.; *Моныхов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов, 1999. С. 5–10; *Он же.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003; *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // *БИ.* 2007. Вып. XVIII. С. 7–10.
- 2 *Граков Б. Н.* Тара и хранение сельскохозяйственной продукции в классической Греции VI–IV вв. до н. э. (Из истории материального производства античного мира) // *ИГАИМК.* 1935. Вып. 108. С. 175–176; *Он же.* Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1939 г. // *Архив ИА АН СССР.* P-2. № 538, Л. 141 сл.; *Он же.* Фасос. Клейма на ручках и горлах амфор (IOSPE-III). М., 1957 г. // *Архив ИА РАН.* Ф. P-2. № 2166. Л. 9-15; *Grace V.* Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932 // *Hesperia.* 1934. Vol. III. P. 197 ff.; *Idem.* Early Thasian Stamped Amphoras // *AJA.* 1946. 50 (1). P. 31–38; *Idem.* Stamped Wine Jar Fragments. Pnyx-II // *Hesperia.* 1956. Suppl. X. P. 117 ff.; *Idem.* The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // *Hesperia.* 1985. Vol. 54. P. 4–5.
- 3 Первоначально предполагалось, что в «поздних» клеймах расположено имя фабриканта, а не чиновника, отвечающего за керамическое производство. Однако проводимые в 1970–1980-х гг. раскопки на Фасосе убедительно показали, что в «поздних» оттисках стоит имя магистрата, а фабрикант представлен ежегодно изменяемой эмблемой (см.: *Амперер Ж.-И., Гарлан И.* Греческие амфорные мастерские // *Греческие амфоры.* Саратов, 1992. С. 19–20).
- 4 См.: *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос // *НЭ.* 1972. Вып. X. С. 3–63.
- 5 *Debidour M.* Réflexions sur les timbres amphoriques Thasiens // *BCH.* 1979. Suppl. 5. P. 269–314; *Idem.* En classant les timbres Thasiens // *BCH.* 1986. Suppl. XIII. P. 311–334; *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I // *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens.* Paris, 1999; *Idem.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // *BCH.* 2004–2005. Vol. 128–129.

- 6 *Garlan Y.* À propos de la chronologie des timbres amphoriques thasiens // ΜΝΗΜΗ Δ. ΛΑΖΑΡΙΔΙ. Θεσσαλονίκη, 1990. P. 479 ; *Idem.* Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I // Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 1999 ; *Idem.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. 2004–2005. Vol. 128–129. P. 269–329.
- 7 *Avram A.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos // Histria. 1996. Vol. VIII. P. 78.
- 8 *Кац В. И.* Греческие керамические клейма... С. 414–416. Прил. II.
- 9 Там же.
- 10 См.: *Полин С. В.* Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // АМА. 2011. Вып. 15. С. 251–252 ; *Он же.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014. С. 586.
- 11 *Bon A.-M. et Bon A.* Les timbres amphoriques de Thasos. Études thasiennes IV. Paris, 1957. № 929–943. P. 352–355.
- 12 См.: *Граков Б. Н.* Фасос. Клейма на ручках и горлах... Л. 401–406. № 2336–2453.
- 13 *Он же.* Фасосская группа амфорных клейм и вывоз вина с о. Фасоса // Архив ИА РАН. Д. 1040. М., 1938. Л. 96.
- 14 *Мирчев М.* Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958. С. 10 и сл. ; *Граков Б. Н.* Фасос. Клейма на ручках и горлах... Л. 5.
- 15 *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма... С. 39.
- 16 Там же. С. 35–36.
- 17 *Debidour M.* En classant les timbres Thasiens... P. 330.
- 18 *Idem.* Kleitos, un magistrat thasien attesté sur les rives de la Mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. P. 89.
- 19 *Idem.* Kleitos, un magistrat... P. 85.
- 20 *Ibid.* P. 87–88.
- 21 *Avram A.* Les timbres amphoriques... P. 58.
- 22 *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье : типология... С. 69. Табл. 45,3.
- 23 *Garlan Y.* En visitant et revisitant... P. 315.
- 24 *Кац В. И.* Греческие керамические клейма... С. 415. Прил. II.
- 25 *Tzochev Ch.* Notes on the Thasian Stamps Chronology // Archaeologia Bulgarica. Vol. XIII. Sofia, 2009. P. 55–72.
- 26 *Кац В. И.* Греческие керамические клейма... С. 414–415. Прил. II.
- 27 Там же. С. 429–430. Прил. V.
- 28 *Tzochev Ch.* Notes on the Thasian Stamps... P. 58.
- 29 *Иващенко М. В.* Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 39.
- 30 *Зедгенидзе А. А.* Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. № 145. С. 28–34.
- 31 *Кац В. И.* Греческие керамические клейма... С. 414–416. Прил. II.
- 32 *Полин С. В.* Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // АМА. 2011. Вып. 15. С. 251–252 ; *Он же.* Скифский Золотобалковский... С. 322.
- 33 *Полин С. В.* Скифский Золотобалковский... С. 586.
- 34 Там же. С. 322–323.
- 35 *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos... P. 48–54.
- 36 *Кац В. И.* Греческие керамические клейма... С. 415. Прил. II.

Список сокращений

- АМА – Античный мир и археология. Саратов.
 БИ – Боспорские исследования. Симферополь, Керчь.
 ВЭ – Вопросы эпиграфики. М.
 ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
 AJA – American Journal of Archaeology. Boston.
 BCH – Bulletin de correspondance Hellenique. Paris.
 IOSPE, III – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, Vol. III.

УДК 94(37).05

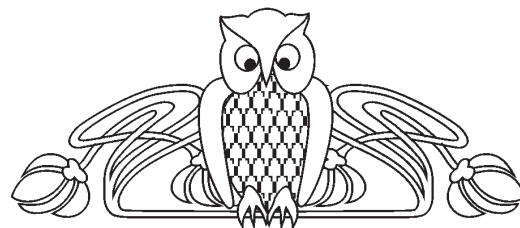
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

С. Н. Ахиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
 E-mail: responsum@list.ru

В статье исследуется вопрос о направлениях пропаганды Гая Юлия Цезаря. Автор приходит к выводу, что политическая пропаганда Цезаря, выдвинувшая более многочисленные, более весомые и значимые для римлян лозунги способствовала победе над Помпеем и его сторонниками в 49–45 гг. до н. э.

Ключевые слова: политическая пропаганда, Римская республика, Юлий Цезарь, общественное мнение, гражданская война.

Main Directions of Propaganda Gaius Julius Caesar

S. N. Akhiev

Article explores the question of the directions of propagation Gaius Julius Caesar. The author concludes that the Caesar's political propaganda, nominated more numerous, more powerful and mean-

ingful slogans has helped defeat Pompey and his supporters in 49–45 years. BC.

Key words: political propaganda, Roman Republic, Julius Caesar, public opinion, civil war.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-43-49

В канун 49 г. до н. э. Рим оказался на пороге новой гражданской войны, причины которой современники видели во взаимном недоверии, честолюбии, амбициях двух авторитетнейших политических деятелей и полководцев – Г. Юлия Цезаря и Гн. Помпея Магна. Несмотря на все различие лозунгов пропаганды, которыми Цезарь и Помпей прикрывали свои истинные желания, современники прекрасно понимали, что результат победы любой из сторон будет один: единоличное господство победителя. Особую остроту гражданской войне придало то обстоятельство, что борьба велась не только с помощью оружия, но и идеологии. Именно идеология стала тем знаменем, под которым объединились амбиции различных политиков. Умело используя политическую пропаганду в привлечении народных симпатий, лидеры Римского государства искусно манипулировали общественным мнением в своих интересах. Успешное применение пропаганды становилось залогом победы. Победа Цезаря над Помпеем в 49 г. до н. э. в борьбе за обладание Италией служит ярким тому примером.

В исследовательской литературе решающее значение в практически бескровном овладении Цезарем Италией, как правило, придается быстроте действий мятежного проконсула. Дело представляется так, что Цезарь во главе всей своей галльской армии внезапно вторгся в Италию и, застав противника врасплох, заставил Помпея переправиться в Диррахий. Однако достоверно известно, что Цезарь пересек Рубикон лишь с малой частью своей армии – тринадцатым легионом и тремястами всадников¹. Между тем Помпей имел в своем распоряжении в Италии минимум два легиона в Капуе и значительные отряды под командованием Домиция Агенобарба в Корфинии (30 когорт) и Аттия Вара, набиравшего войска в Ауксуме². Если бы Помпей сумел организовать сопротивление этими силами, едва ли продвижение Цезаря было столь стремительным. Однако этого не произошло. Целые области и воинские отряды без боя переходили на его сторону, обеспечив ему тем самым легкость в бескровном овладении всей Италией (App. B. C. II. 38. 149–151). Действия Цезаря находили все большее число сторонников. О популярности Цезаря в Италии свидетельствует, в частности, Цицерон, отметивший 4 марта 49 г. до н. э.: «а для муниципий он (Цезарь. – С. А.) бог» (Cic. Ad Att. VIII. 16. 1), а 24 марта в другом письме: «... муниципии и римские поселяне Помпея – боятся, а Цезаря любят до сего времени» (Cic. Ad Att. IX.13.4). Даже многие нобили предпочли присоединиться к нему. По подсчетам

Ц. Явеца, в 49 г. до н. э. к Цезарю присоединились 55 нобилей, в то время как к Помпею – лишь 40³.

Каковы же причины массового дезертирства солдат Помпея, почему многие сенаторы стали возвращаться в Рим? Думается, что причину таких успехов Цезаря на этом этапе войны следует искать не только в его стремительности, но и в пропаганде, благодаря которой он сумел победить страхи римлян и тем самым привлечь их на свою сторону.

В отличие от своего противника, Цезарь изначально придавал огромное значение пропагандистскому обоснованию своих действий. Еще до перехода Рубикона он постарался подвести идеологическую платформу под свои антиконституционные действия. Это заметно по его речи перед солдатами, произнесенной в начале гражданской войны, проявляется в его письмах, адресованных в эти дни сенату.

Уже давно отмечено, что в античности не существовало политических партий с их уставом и программой. Однако отмечается, что видные политические деятели выдвигали определенные лозунги, под знаменами которых объединялись их сторонники. Совокупность таких лозунгов условно и можно назвать политической программой того или иного лидера Рима⁴. Начиная гражданскую войну, Цезарь, в отличие от Помпея, выдвинул весьма широкую политическую программу. Причем действовал он как опытный демагог, умело играя на самых различных чувствах и надеждах римских граждан. Перед солдатами он предстал как незаслуженно обиженный сенатом полководец, много сделавший для величия Рима; перед сенатом – как добропорядочный гражданин, проливший свою кровь во имя римского государства и потому имеющий полное право на почет и уважение от сенаторов. При этом в своей пропаганде Цезарь использовал сильный козырь, а именно бегство из Рима народных трибунов Куриона, Антония, Кассия. В своих речах он усиленно подчеркивал, что сенат презрел римские законы, лишив народных трибунов их права трибунской интерцессии, чего не сделал даже Сулла⁵.

Это направление пропаганды Цезаря было адресовано римским гражданам, которые не были уверены в правильности его действий⁶. Бегство из Рима народных трибунов, переодетых ради безопасности в рабские одежды, было использовано Цезарем для выдвижения лозунга о необходимости спасения государства от завистливых и преступных сенаторов, где роль мстителя за отечество отводилась исключительно ему⁷. То, что защита прав народных трибунов служила для Цезаря только удобным предлогом, доказывается фактом, что сам он через несколько дней после занятия Рима угрожал казнью народному трибуну Метеллу, мешавшему взломать запоры государственного казначейства (Plut. Caes. 35; App. B. C. II. 41. 164).

Античная традиция сохранила заявления Цезаря о готовности прекратить войну, но при этом

он предъявлял ультиматум, в котором фактически требовал удаления Помпея в Испанию и назначения себя консулом⁸. Г. Штрабургер (H. Strasburger) в миролюбивых заявлениях Цезаря усматривал пропаганду, скрывавшую подлинные намерения проконсула⁹. Очевидно, что Цезарь, обосновывая «законность» своих действий, стремился повлиять на общественное мнение и тем самым заручиться поддержкой армии и многих римских граждан, настроенных враждебно к сенату. Однако некоторые исследователи призывы Цезаря признают искренними и даже утверждают в этой связи, что гражданская война началась не с момента перехода Цезарем Рубикона, а только после бегства Помпея из Италии¹⁰. Значительная часть исследователей занимает все же более осторожную позицию в отношении подлинных мотивов Цезаря: своей пропагандой он подчеркивал откровенно воинственную позицию Помпея и «factio» Катона. Но это не исключает искренности его намерений прекратить войну в самом начале¹¹.

В связи с характеристикой «миролюбия» Цезаря вызывает интерес вопрос о легитимизации его статуса. Как известно, проконсульские полномочия Цезаря истекали 1 марта 49 г. до н. э.¹² Юридически с этого срока Цезарь остался частным лицом. Ввиду того что консулы бежали вместе с Помпеем, Рим оказался фактически без руководства. Цезарь срочно нуждался в созыве сената в Риме в противовес помпеянскому сенату, который антицезарианской пропагандой представлялся единственно законным, хотя и действовал за пределами «Города» (Luc. Phars. II. 565–567). Канадская исследовательница К. Велч (K. Welch) отмечает, что возобновление деятельности сената в Риме Цезарь рассматривал как некоторую легитимизацию своего положения, придание видимости конституционности своим действиям. Это заключается в осуждении римским сенатом действий Помпея как антиконституционных¹³.

Первое заседание сената произошло в апреле 49 г. до н. э., на котором Цезарь выступил с длинной речью, оправдывающей его поступки¹⁴. Насколько позволяют судить источники об этой речи, она содержит те же лозунги, которые Цезарь выдвигал с самого начала войны, в том числе предложение отправить посольство к Помпею. Однако реальные дела Цезаря резко контрастировали с его показным миролюбием: именно в эти дни он угрожал Цецилию Метеллу, мешавшему ему завладеть казной (Caes. V. C. I. 33; Plut. Caes. 35; App. V. C. II. 41. 164).

В этой связи исследователи дружно отмечают, что авторитет Цезаря, завоеванный политикой «милосердия», резко упал¹⁵. Интересно, что это положение практически не находит прямых подтверждений в источниках: древние авторы просто умалчивает о настроениях сенаторов. Пожалуй, только в «Записках» Цезаря мы находим косвенное указание на реальные настроения в сенате. Цезарь в ответ на откровенную пассив-

ность сенаторов восклицает, что если положение не изменится, он больше не станет им надоедать и самолично будет управлять государством (Caes. V. C. I. 32). Очевидно, для Цезаря было очень важно добиться возобновления деятельности государственного аппарата, что дало бы сильный козырь его пропаганде, направленной на осуждение действий Помпея и его сторонников и одновременно упрочило бы его собственное положение. Неслучайно сам Цезарь оценил свое пребывание в Риме в эти дни как пустую «трату времени» и провал «намеченных планов» (Caes. V. C. I. 33). Впрочем, не достигнув главного – легитимизации своего положения – он добился возобновления деятельности высшего органа государственной власти. И важную роль в процессе легитимизации статуса Цезаря по его замыслу должен был сыграть выходец из древнего знатного рода – М. Эмилиий Лепид, который, как отмечает К. Велч, фактически возглавил правительство в Риме в 49 г. до н. э.¹⁶

Одним из важнейших направлений деятельности Цезаря в ходе гражданской войны стало проведение политики, получившей в историографии название «clementia Caesaris». О значимости для Цезаря лозунга «милосердия» говорит тот факт, что он активно рекламировал его в письмах и речах. Ни один исследователь, обратившийся к описанию мероприятий диктатора, не обошел вниманием удивительную мягкость Цезаря по отношению к побежденному противнику. Показательно, что Цезарь в своем письме однозначно определяет цели своего «милосердия»: это политика «победы»¹⁷. Успех «милосердия» был настолько очевиден современникам, что его был вынужден с грустью отметить даже Цицерон, характеризовавший политику Цезаря как коварство, злокозненность (Cic. Ad. Att. VIII. 16. 2: «insidiosa clementia»). Позднее Цицерон констатировал тот факт, что Цезарь склонял противника на свою сторону «видимостью милосердия» (Cic. Phil. II. 45. 116: «adversarios clementiae specie devincherat»). Можно констатировать, что политика «милосердия» оказалась весьма действенной в условиях гражданской войны. Успеху «clementia Caesaris» в немалой степени способствовал факт взаимосвязи этой политики с традиционными ценностями римского общественного сознания, в частности – ценностью жизни римского гражданина. Адресованное различным социальным слоям «милосердие» Цезаря оказалось очень эффективным направлением деятельности диктатора по изменению негативного общественного мнения. Результаты пропаганды Цезаря и его политики «милосердия» не замедлили сказаться. Цезарь не только добился спокойствия Рима и Италии, но и склонил к сотрудничеству многих сенаторов. Бескровный захват Италии в 49 г. до н. э. – это результат не только быстроты его действий, но и следствие его умелой пропаганды. Массовый переход солдат противника в лагерь Цезаря, возвращение в Рим многих магистратов и

возобновление деятельности сената – вот далеко не полный перечень ближайших результатов политики «*clementia Caesaris*»¹⁸.

Утверждению Цезаря в Риме способствовало и его законодательство. В первую очередь, это относится к закону, проведенному Антонием, *Lex Antonia de proscriptorum liberis*¹⁹. Этим законом Цезарь ясно дал понять, что не будет действовать методами Суллы, чего все от него ждали и боялись. Сделав исключение для Милона, убийцы Клодия, Цезарь приобрел поддержку плебса, чтившего память популярного народного трибуна. Еще большую популярность Цезарь приобрел обещаниями провести законы в отношении долгов, которые он облегчил, хотя и не отменил их²⁰. Как подчеркнул Ц. Явец (*Z. Yavets*), действия Цезаря в отношении долгов были направлены на то, чтобы, не оттолкнув от себя массы, получить поддержку имущих слоев Рима²¹. Несмотря на тяжелую войну, которую предстояло вести с Помпеем, Цезарь во время короткого пребывания в Риме после испанского похода нашел время для хлебных раздач народу (App. В. С. II. 48).

Таким образом, важными шагами Цезаря в первые месяцы войны было обоснование законности его действий и обеспечение стабильности своего положения в Риме с помощью некоторых средств: законов, хлебных раздач, обещаний. Как вытекает из переписки Цицерона, ему это удалось. На протяжении гражданской войны, с 49 г. по 45 г. до н. э., Рим оставался спокойным. Люди просто ждали известий, прислушивались к слухам, сплетничали и обсуждали новости о событиях на театрах военных действий²².

В то же время действия Помпея Магна в 49–48 гг. до н. э., его сыновей в 46–45 гг. до н. э. сопровождалась крайне узкой пропагандой, утверждавшей только, что необходимо бороться с тираном и спасти отечество от нового Суллы, причем для современников не остался незамеченным характер их действий. Неслучайно все более и более крепло убеждение, что ниспровержение Цезаря не станет подлинным «спасением государства» от тирании, на что прямо указал Цицерон (*Cic. Ad Att. VIII. 11. 2; Ad fam. VI. 4. 1*). Таким образом, можно констатировать, что в пропагандистской войне за массы победа досталась Цезарю. Манипулируя общественным мнением, он сумел добиться нужных ему решений народного собрания и постановлений сената.

Победа Цезаря над помпеянами знаменовалась грандиозной пропагандистской кампанией, необходимой для примирения традиционного римского общественного сознания с новыми политическими реалиями – экстраординарными полномочиями диктатора. Цезарь наверняка понимал, что, опираясь исключительно на армию, он повторит судьбу Суллы, почитаемого (по крайней мере – внешне) при жизни и очерненного после смерти. Чтобы утвердить новый порядок в Риме, подчеркнуть свои достижения, почтенные экс-

траординарными почестями – обоготворением и пожизненной диктатурой – Цезарь нуждался в завоевании симпатий самых широких общественных кругов: от нищих до нобилей. Именно этой цели служили грандиозные, небывалые по масштабу пропагандистские мероприятия, принятые по приказу Цезаря.

Анализ масштабов и разнообразия средств пропаганды Цезаря приводят к выводу о ее ориентации на самые различные слои населения Римской державы. Если его строительство, игры, хлебные и денежные раздачи служили привлечению симпатий плебса, законодательство об изгнанниках, политика милосердия, назначение на высокопоставленные должности – привлечению римской аристократии и всадников, то предоставлением гражданства трансальпийским галлам, увеличением сената до девятисот человек, он привлекал к себе муниципалов²³. Однако прежде чем остановиться на вопросе об эффективности политической пропаганды Цезаря, необходимо непосредственно рассмотреть его действия, оказывавшие влияние на общественное мнение.

Источники зафиксировали огромное количество мероприятий диктатора, которыми он стремился привлечь внимание сограждан. В первую очередь, это относится к четырем триумфам Цезаря, растянувшимся на целый месяц. Каждый триумф – галльский, александрийский, понтийский, африканский – отличался своим особым убранством и роскошью²⁴. Это первое в истории Рима столь длительное чествование одного полководца. Показательно, что хотя триумфы формально были не над римлянами, побежденными в гражданских усобицах, многочисленные статуи и картины изображали поражения Петрея, Сципиона, Катона и других политических противников Цезаря (App. В. С. II. 101. 419; Vell. Pat. II. 56. 2). Триумфальные шествия своей роскошью оказывали огромное психологическое воздействие на толпу. Очевидно, Цезарь это прекрасно знал и потому часто использовал необычные формы проведения празднества. Например, как свидетельствует Светоний, во время галльского триумфа он вступил на Капитолий при огнях, а по сторонам шли 40 слонов, на которых находились факелы (*Suet. Caes. 37. 2*). Достаточно вспомнить психологический эффект от факельных шествий нацистов в 30-х гг. XX века, чтобы понять чувства древних римлян, испытанные ими от подобного действия Цезаря.

Впрочем, античная традиция подчеркивает, что пятый (испанский) триумф не принес Цезарю столько славы, так как он праздновал победу явно над согражданами. Плутарх, отмечая многочисленные упреки в адрес Цезаря во время его проведения, нравоучительно заметил: «Негоже... справлять триумф над несчастиями отечества» (*Plut. Caes. 56*).

Немедленно после триумфов Цезарь выплатил жалованье войскам, превзойдя собственные

щедрые обещания (App. В.С. II. 102. 422). Деньги получил и плебс. Все это сопровождалось повсеместной раздачей мяса, оливкового масла, хлеба, устройством пиров. Причем угощения также превосходили все, что было ранее: по всему Риму установили 22 тысячи столов с яствами и вином (Plut. Caes. 55; Vell. Pat. II. 56. 1; Suet. Caes. 38. 1). В течение всего 45 г. до н. э. Цезарь устраивал самые разнообразные зрелища: гладиаторские бои, театральные представления, скачки в цирке, состязания атлетов, навмахии, звериные травли²⁵. Плутарх, характеризуя подобные действия Цезаря в начале его политической карьеры, отметил, что он, «покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же получал величайшие блага за дешевую цену» (Plut. Caes. 5). Очевидно, что эти слова применимы и к более поздней деятельности Цезаря.

Эти же цели преследовала и строительная деятельность диктатора. Постройка храма Венеры Прародительницы, нового форума и курии, обширные планы строительства по всей Италии не только прославляли его, но давали средства к существованию тысячам и тысячам людей (Dio Cass. XLIV. 5. 1; Suet. Caes. 44. 1–3; Plut. Caes. 58)²⁶.

Результатом всех этих мероприятий Цезаря было приобретение огромной популярности, а следовательно – влияния на массы. Опираясь на своих сторонников в сенате, на плебс в народном собрании, на колонистов и армию, он без каких-либо проблем проводил нужные ему постановления, законы, назначал и смещал должностных лиц. Концентрация в его руках огромных полномочий, экстраординарные должности, небывалые почести – во многом это было результатом проведения им политики, основанной на идеологическом воздействии на массы. И это говорит об эффективности пропаганды Цезаря.

Источники не отмечают ни одного крупного бунта в Риме или Италии в период 46 – начала 44 г. до н. э. Можно с уверенностью утверждать, что в борьбе за влияние на массовое сознание Цезарь одержал полную победу. Он получил поддержку большого количества римских граждан, принадлежавших ко всем социальным слоям. Лишь сравнительно небольшое число римских аристократов оставалось настроено оппозиционно по отношению к диктатору.

В пропаганде Цезаря большое место отводилось идее приведения в порядок государственных дел после гражданских войн, пополнения числа граждан, стабилизации обстановки в Риме и Италии, решения ряда острых проблем, в том числе – долговых и т. д. Именно эти цели преследовали перепись населения, пополнение сената, увеличение числа должностных лиц – преторов, эдилов, квесторов и др., запрет римским гражданам в возрасте от 20 до 40 лет покидать Италию на срок свыше трех лет²⁷. Оправдывая назначение Цезаря пожизненным диктатором, его пропаганда утверждала, что диктатура направлена

на урегулирование дел в Риме. На монетах Цезаря появляется изображение рога изобилия, означавшего спокойствие и процветание Италии после социальных потрясений²⁸.

Такая пропаганда, по мнению некоторых исследователей, не могла не повлиять на взгляды нобилей, даже таких противников Цезаря, как Цицерон. Как отмечает П. Грималь, речь за Марцелла полна благодарностей и восхвалений в адрес Цезаря. Но, по сути, эта речь – программа правления и совет правителю. Главное, за что Цицерон хвалит диктатора, это за спасение древнего рода Клавдия Марцелла, за готовность сотрудничать с представителями старой знати в управлении государством²⁹. Действительно, воодушевленный надеждами и полный энтузиазма Цицерон в речи за Марцелла (сентябрь 46 г. до н. э.) призвал Цезаря окончательно «потушить пожар гражданской войны» и «привести в порядок (устроить) республику» (*ut rem publicam constituas* – Cic. Pro Marc. IX. 27). «Восстановление республики», «устроение государства» – это были традиционные лозунги пропаганды политических деятелей последних лет существования Республики в Риме. Достаточно вспомнить формулировку закона Тития от 27 ноября 43 г. до н. э. об образовании второго триумvirата – *tresviri rei publicae constituendae*³⁰.

Лозунг устроения республики (государства) в политической терминологии периода гражданских войн означал установление порядка после неурядиц и смут. Я. Ю. Межеричский справедливо указал, что самому Цицерону, известному идеологу сенатской республики, вряд ли могла прийти в голову мысль о Цезаре как «восстановителе республики». Скорее, она была заимствована из идеологического арсенала приверженцев Цезаря. В свою очередь, оппоненты Цезаря (и среди них во всех остальных случаях, кроме речи «За Марцелла», – Цицерон) изображали его не иначе, как губителем «республики»³¹. Действительно, уже после битвы при Тапсе в 46 г. до н. э. Цицерон пишет об «утрате свободы в государстве» как о свершившемся факте (Cic. Ad fam. IX. 20. 3. Ср.: Ad fam. IX. 17. 1).

Закljučая разбор основных направлений пропаганды Цезаря, следует прежде всего отметить, что в период 49–44 гг. до н. э. идеологическая конфронтация достигла небывалых высот. Цезарь, Помпей, «республиканцы» широко использовали весь спектр средств идеологического воздействия на общественное мнение. В ходе борьбы за власть постепенно сформировались две политические группировки, оформившиеся как «республиканцы» и «цезарианцы». Победе Цезаря над Помпеем и его сторонниками в 49–45 гг. до н. э. в значительной степени способствовала политическая пропаганда, выдвинувшая более многочисленные, более весомые и значимые для римлян лозунги. В борьбе за симпатии людей, за общественное мнение в целом Цезарь оказался победителем, и это, вместе с другими факторами, помогло ему добить-

ся окончательной победы. Утверждение Цезаря в качестве единоличного правителя, в свою очередь, позволило ему еще больше упрочить свое положение, репутацию, авторитет благодаря обширной и разнообразной программе действий, носящих явно пропагандистский характер. Невиданные до того времени мероприятия Цезаря, гигантские по масштабу, великолепные и роскошные по форме, необычные полномочия и небывалые для римлянина почести позволили ему превратиться в харизматического лидера.

Примечания

- ¹ См.: Caes. B.C. I. 7–8; App. B. C. II. 34.136; Plut. Caes. 32; Suet. Iul. 31. Правда, уже у Корфиния к Цезарю присоединился 12-й легион (Caes. B.C. I. 15).
- ² Caes. B.C. I. 13, 15; Vell. Pat. II. 50.1; Suet. Iul. 34.1; Plut. Caes. 33.
- ³ Yavetz Z. Julius Caesar and his public image. L., 1983. P. 172. Следует отметить, что эти цифры весьма условны и вряд ли дают представление о подлинном состоянии дел.
- ⁴ Taylor L. R. Party politics in the Age of Caesar. Berkeley: University of California Press, 1949. P. 13–23; Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба накануне падения Республики. (Из истории политических идей I в. до н. э.). М., 1952. С. 20. Исследователи подчеркнули, что «партия» – это группа единомышленников, связанных узами дружбы (amicitia), брачными или клиентскими отношениями.
- ⁵ См.: Caes. B. C. I.7; App. B. C. II. 33. 133; Plut. Caes. 31; Suet. Iul. 31. 1; Dio Cass. XLI. 4. С. Л. Утченко отметил, что в сообщениях источников о времени произнесения речи есть противоречия. По Цезарю, она произнесена до Рубикона, а согласно сведениям Диона Кассия и Светония – после (См.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 209). Возможно, противоречия нет. Цезарь мог произнести две речи. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что в речи, произнесенной до Рубикона, отсутствовало упоминание об участии на сходке солдат народных трибунов – Антония и Куриона и лишь говорится о нарушении сенатом трибунской неприкосновенности. Между тем поздняя традиция отмечает, что Цезарь показал солдатам трибунов в рабочей одежде, в которой они бежали из Рима, а сделать это он мог только после приезда беглецов в его лагерь, т. е. в Аримине (Caes. B. C. I. 8).
- ⁶ Солдат, прошедших с Цезарем всю девятилетнюю галльскую кампанию, убедить было проще: ему было достаточно просто *попросить* солдат защитить от врагов доброе имя и честь полководца, чтобы заручиться их поддержкой. См.: Caes. B. C. I. 7–8.
- ⁷ См.: App. B.C. II. 32. 127–128. Как отметил Цезарь, он хотел «освободить себя и римский народ от гнета шайки негодяев» (factio raucorum) (Caes. B.C. I. 22). См. также: De Sousa V. Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern spatrepublikanischen und augusteischen Zeit. München, 1974. P. 47. П. Ардашев, изучая переписку Цицерона, отметил то обстоятельство, что еще за несколько месяцев до этих событий оратор допускал возможность бегства из Рима каких-либо должностных лиц, что, по его мнению, будет использовано Цезарем в качестве повода для войны (см.: Ардашев П. Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря. От начала столкновения последнего с сенатом до его смерти. М., 1890. С. 90).
- ⁸ См.: Caes. B.C. I. 9, 32; App. B.C. II. 32; Vell. Pat. II. 48.5, 49.3–4; Plut. Caes. 31.
- ⁹ Так, Г. Штрасбургер писал, что слова Цезаря о желании спокойствия Италии, мира в провинциях и безопасности империи – не более чем голая пропаганда (См.: Strasburger H. Caesars Eintritt in die Geschichte. München, 1938. S. 28). Об этом же говорит и В. Де Суза (См.: De Sousa V. Op. cit. P. 47). Ср.: Bunnep P. Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1908 С. 260; Wickert L. Caesars Monarchie und der Prinzipat des Augustus // NJAB. 1941. 4. S. 16 ff.
- ¹⁰ Так, Г. Ферреро в качестве основного довода в пользу данного утверждения отмечает то обстоятельство, что Цезарь действовал малыми силами (См.: Ферреро Г. Величие и падение Рима / пер. с итал. М., 1916–1925. Т. 2. С. 201). Итальянский исследователь игнорирует тот факт, что Цезарь срочно вызвал с зимних квартир все свои легионы (Caes. B.C. I. 8), и уже в Корфинии первый из них присоединился к нему. По мнению Г. Ферреро, только Помпей виноват в том, что началась гражданская война, поскольку не принял условий Цезаря и бежал в Диррахий (Там же. С. 217). Эту точку зрения разделяет В.С. Дуров (Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991. С. 84–85).
- ¹¹ См.: Gelzer M. Caesar: Politician and Statesman. Oxford: Harvard University Press, 1968. S. 190–193; Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 207–212. См. также: Моммзен Т. История Рима. М., 1941, 1949. Т. 3. С. 290–301; Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 69–72.
- ¹² Постановлением сената Цезарь был лишен своих полномочий досрочно, но отказался сложить их под тем предлогом, что получил их не от сената, а народа (Caes. B.C. I. 9; App. B.C. II. 32. 128).
- ¹³ См.: Welch K. The Career of M.Aemilius Lepidus 49–44 B.C. // Hermes. 1995. Bd. 123. Hft. 4. P. 447 f.
- ¹⁴ См.: Caes. B.C. I. 32; Vell. Pat. II. 50.2; Plut. Caes. 35. Кассий Дион отмечает, что особый эффект должно было произвести участие в заседании сената народных трибунов, бежавших из Рима в январе 49 г. до н. э. (Dio Cass. XLI. 15.2).
- ¹⁵ См.: Bunnep P. Ю. Указ. соч. С. 267; Gelzer M. Op. cit. S. 192; Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 323. Г. Ферреро указал на тот факт, что даже Цицерон, ранее нейтральный, уехал к Помпею (Ферреро Г. Указ. соч. Т. 2. С. 225–226).
- ¹⁶ К. Велч отметила, что Лепид, несмотря на отказ последовать за Помпеем, пользовался уважением в среде его сторонников. И именно от Лепида Цезарь получил помощь на самом трудном для него начальном этапе войны, поскольку возобновление работы сената подтверждало пропаганду Цезаря, заявлявшего о стремлении не выходить за рамки республиканских традиций (См.: Welch K. Op. cit. P. 447 f.). О назначении Лепида фактически главой Рима говорит и Аппиан (App. B.C.

- II. 41. Ср.: Caes. V.C. II. 21).
- ¹⁷ Cic. Ad Att. IX. 7с. 1: «vincendi». О направленности этой политики свидетельствует еще одна фраза из речи Цезаря перед сенатом в 49 г. до н. э.: «...он желает быть выше других своей справедливостью и гуманностью» (Caes. V.C. I. 32).
- ¹⁸ Более подробную характеристику политики милосердия см.: *Ахиев С. Н. Clementia Caesaris : сущность, причины, цели // Античный мир и археология. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. Вып. 11. С. 71–80.*
- ¹⁹ См.: Cic. Ad Att. VII. 11.1 ; Dio Cass. XLI. 18.2 ; Plut. Caes. 37 ; App. V.C. II. 48.198. См. также оценку закона: *Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 386.*
- ²⁰ См.: Cic. Ad Att. VII. 13.1, 11.1 ; App. V.C. II. 48.198–199. Попытку полностью отменить долги предпринял претор 48 г. до н. э. М. Целий Руф, выступивший вопреки желаниям Цезаря. См.: Caes. V. C. III. 20–21.
- ²¹ См.: *Yavetz Z. Op. cit. P. 136.*
- ²² См. например: Cic. Ad Att. VIII. 11.6, XI. 25.2. М.И. Ростовцев отметил, что Италия была расколота и «не уверена в том, на чьей стороне законность и право» (*Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 70 сл.*). Эта неуверенность была следствием не только идейного размежевания, но и следствием пропаганды соперников, особенно активной со стороны Цезаря. См.: *Taylor L.R. Caesar and the Roman Nobility // TAPA. 1942. Vol. 73. P. 11 ff.*
- ²³ См.: Suet. Caes. 24.2, 41.1, 43.1; Plut. Caes. 57. Еще Т. Моммзен выдвинул предположение о стремлении Цезаря превратить провинции в равноправные части

- единой империи, то есть проведении политического нивелирования государства (*Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 455 сл., 463. Ср.: Gelzer M. Op. cit. S. 269.*)
- ²⁴ См.: Suet. Caes. 37.1 ; App. V.C. II. 101.418–420 ; Dio Cass. XLIII. 21.3, 22.2–3 ; Plut. Caes.55.
- ²⁵ См.: Suet. Caes. 39.1–4 ; Plut. Caes. 55 ; Plin. NH. IX. 171 ; Cic. Ad fam. XII. 18. 2 ; Dio Cass. XLIII. 22. 2–3.
- ²⁶ См.: Dio Cass. XLIV. 5.1 ; Suet. Caes. 44. 1–3 ; Plut. Caes. 58.
- ²⁷ См.: App. V. C. II.102.425; Suet. Caes. 44. 1–3, 42. 2. И. В. Нетушил интерпретирует события иначе. По мнению исследователя, увеличивая численность сената, запрещая сенаторам покидать Италию, Цезарь стремился дискредитировать этот орган (*Нетушил И. В. Обзор Римской истории. Харьков, 1916. С. 186.* Ср.: *Нич К.В. История Римской республики / пер. с нем. ; под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908. С. 499 ; Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 402.*
- ²⁸ См.: *Cohen H. Description historique des monnaies frappees sous l'Empire Romain communement appelees medailles imperiales. Graz, 1955. Vol. 1, № 29. P. 13.*
- ²⁹ См.: *Грималь П. Цицерон / пер. с фр. Г. С. Кнабе, Р. Б. Сашиной. М., 1991. С. 382–383.*
- ³⁰ См.: RG. I. 3., XII.1 ; App. V.C. IV. 2. 6 ; Dio Cass. XLVI. 55. 3. Или, как назвал триумвират Веллей Патеркул, «союз во имя власти» (Vell. Pat. II. 65. 2).
- ³¹ *Межерницкий Я. Ю. «Республиканская монархия» : метаморфозы идеологии и политики императора Августа.*

М. ; Калуга, 1994. С. 120.

УДК 94(420)06/07

ТОРКВАТО ТАССО: ОБРАЗ БЕЗУМНОГО ПОЭТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНТИКОВ

В. В. Кирюшкина

Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю. А.
E-mail: cy72@mail.ru

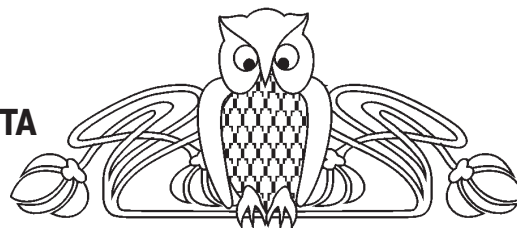
Итальянский поэт эпохи Возрождения в культурной памяти Европы закрепился как показательная модель безумного поэта. Особенно актуальным этот образ стал для романтиков. В литературе конца XVIII – начала XIX века образ Торквато Тассо получает новую жизнь и новые интерпретации. Судьба и образ Тассо в творчестве Гёте, Шелли и других авторов этого периода стали сюжетом, удобным для рассуждений о природе творчества, об отношениях творчества и безумия.

Ключевые слова: Тассо, поэт, поэтическое безумие, творчество, романтизм.

Torquato Tasso: mad Poet Image in the Interpretations of Romanticists

V. V. Kiryushkina

Italian poet of the Renaissance epoch in Europe cultural memory entrenched as pattern model of mad poet. This image was particularly

relevant for Romantics. In the literature late XVIII and early XIX cent. image of Torquato Tasso has gotten a new life and new interpretations. Fate and image of Tasso in the Goethe's works as well as Shelley's them, and other writers of this period works used as a plot, which is convenient for reasoning about the nature of creativity, the creativity-madness relationship.

Key words: Tasso, a poet, a poetic madness, creativity, romanticism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-49-54

В своих размышлениях о природе человеческого творчества писатели, поэты, художники эпохи Романтизма часто обращались к теме безумия. Шиллер и Гёте, Шеллинг и Гёррес, Шопенгауэр и Гофман, Жерико и Фюсли находили точки соприкосновения между безумием как психической патологией и творчеством художника. Конечно, в ход шли в первую очередь платоновские идеи о божественном исступлении, вспоминались и другие авторитетные высказывания, развивавшие в истории европейской мысли классический троп «fugor poeticus». Но насколько представления европейцев конца XVIII – начала XIX в. о поэтическом безу-

мии продолжали эту линию истории идей? Или связь с ней для романтиков была формальной? Для того чтобы разобраться в этом непросто вопросе, необходимо глубокое погружение не только в тексты мыслителей, творцов эпохи романтизма, но через эти тексты – в их сознание.

Кажется, что подобную возможность могут предоставить интерпретации образа Торквато Тассо в романтической традиции. За гётевской драмой последовали различные романтические версии образа итальянского поэта. Байрон сочиняет «Жалобу Тассо», написание трагедии на тему безумия Тассо было и в планах Шелли, но этим планам не суждено было сбыться, их следы мы видим сегодня в «Сцене из Тассо», «Песни Тассо», в поэме «Джулиан и Мадалло». Не остались в стороне от разработки темы безумия Тассо и российские писатели начала XIX века.

Характерно, что типичная для европейской культуры XVII – XVIII вв. канонизация творчества Тассо, в перую очередь его «Освобожденного Иерусалима» как поэзии классического эпоса, сменилась в эпоху Романтизма совершенно иными прочтениями, как образа самого поэта, так и его поэмы. При этом внимание к Тассо романтиков не оформляется в виде какой-то одной интерпретации. Одни авторы превращают его в типичного романтического героя, наделяя соответствующими чертами (неразделенная любовь, непонимание обществом, устремленность к недостижимому идеалу, как в творчестве, так и в жизни и т. д.). Другие в нем видят sentimentalного рыцаря-поэта, влюбленного безнадежно и преданно в свою Даму, творящего и погибающего за свою любовь. Последняя версия стала особенно массовой, преподносилась sentimentalным «чтливом» начала XIX века и особенно нравилась восторженным читательницам, что порой выливалось в своеобразные пародии на страницах литературы того времени. Таким можно считать образ Антелии Мелинкорт из одноименного романа Пикока: мистер Форестер добивается расположения Антелии, всячески восхваляя ее любимого поэта, которым для такой «романтической еретички» мог быть только Тассо. Он же для нее – образ идеального кавалера, «энтузиаст», носитель «духа рыцарства»¹.

Тассо был частью классицистского мира, лежащего в основе образования любого европейского аристократа. В Россию «Освобожденный Иерусалим» пришел во второй половине XVII в. через польскую культуру, а во второй половине XVIII в. – с французским влиянием. С этого времени сведения об этой поэме Тассо включены в русские школьные поэтики и курсы теории и истории литературы, стали неотъемлемой частью размышлений литераторов о русской национальной эпосе². Но первые русские переводы Тассо с итальянского языка появляются только в начале XIX в. и связаны они, конечно, с романтической актуализацией образа Тассо. Одним из первых русских переводчиков «Освобожденного Иеруса-

лима», талантливо поддержавшим романтический культ итальянского поэта, стал К. Батюшков (его послание «К Тассу», «Умиравший Тасс»). Успех драмы Н. В. Кукольника, вышедшей в свет в 1833 г. современники и исследователи часто объясняли популярностью самой темы³.

К началу XIX в. своеобразная «мода на Тассо» стала частью массовой дворянской культуры в России. Характерное свидетельство этой моды, того контекста, в котором она существовала, можно обнаружить в усадьбе Архангельское. Здесь в соответствии с духом сентиментализма была создана ферма с английскими и тирольскими коровами. Коровы носили имена античных богинь – Диана, Артемида, Гера, Церера – и были неотъемлемой частью ансамбля, наряду с павильонами, беседками и памятными колоннами. В 1819 г. в западной части регулярного парка появился небольшой, похожий на античный портик памятник Екатерине II. Императрица предстала в облике древнеримской богини правосудия Фемиды. К ней обращены высеченные на памятнике строки из «Освобожденного Иерусалима»: «Ты, которой послало небо и даровала судьба желать справедливого и достигнуть желаемого»⁴. Такая смесь классицизма и сентиментализма характеризовала массовый вкус российского аристократического общества.

Пушкина, не принявшего sentimentalного и романтического культа Тассо, глубоко затронул в этом образе миф о гондольерах, распевающих строки из «Освобожденного Иерусалима». О «торкватовых октавах» Пушкин пишет как о высшей форме поэзии, где соединяется искусство и природа. Абсолютное выражение этого единства представлено в пушкинском стихотворении от 1828 г. «Кто знает край, где небо блещет...», где звуки «торкватовых октав» повторяются уже не гондольерами, но самими волнами Адриатики. Не только для Пушкина, но и для всякого русского литератора Тассо – это сама Италия, ее символ, в основе которого уникальный сплав итальянской природы и итальянского искусства. Так и для Баратынского в 1831 г.: «Небо Италии, небо Торквата».

Во всех названных интерпретациях образа итальянского гения (при всех различиях его трактовок) общим и важнейшим оставалось понимание Тассо как модели Поэта, причем этому в равной степени способствовало как творчество, так и биография Торквата. Эту мысль буквально формулирует в 1825 г. А. П. Плетнев в своей рецензии на «Умиравший Тасс» Батюшкова: «Вся жизнь Тасса есть истинная Поэзия»⁵. А поскольку поэзия для романтиков – высшая форма существования человека, никак не оспариваемая поэтическая сущность этого образа делала обращение к теме Тассо неизбежным для многих поэтов, писателей, художников конца XVIII – начала XIX в.

Не удивительно, что достаточно серьезно и глубоко разрабатывалась тема Тассо как безумного поэта. Биография Тассо давала идеальный

материал для художественного осмысления связи безумия и творчества, так волновавшей многих романтиков. При этом важно заметить, что многие из романтических версий Тассо содержат автобиографические элементы. Трагедия поэта пропущена через свой личный опыт жизни поэта в обществе Байроном, Шелли, Батюшковым. Даже Гете, создававший свою драму о Тассо в веймарский период возвращения к классицизму, пропускает историю безумия поэта через себя, через свою биографию.

Так приходят в мир европейской культуры гётевский Тассо, байроновский Тассо и шеллианский Тассо.

Гётевский Тассо (1789 г.) – это поэт, которого отторгнул мир Феррарского двора. Тассо оказался чужим в придворном обществе соперничества и интриг, а ведь именно там он искал друзей и защителей своего творчества, с этим обществом связывал свое будущее. Гёте эта ситуация была и знакома, и незнакома одновременно. Живя в Веймаре, он имел возможность заниматься политическими делами, его статус был достаточно высок. Но появившись при дворе в качестве любимца герцога, Гёте столкнулся с неприятием дворянского окружения, для которого оставался бюргером-выскочкой и много должен был работать, чтобы стать «своим». Но и достигнув успеха, ощущал ли он себя свободным и оцененным по достоинству? Скорее всего нет, будучи высокопоставленным, но все же придворным, подданным при Веймарском герцоге Карле Августе, да иное и не было возможным в условиях германского юнкерско-бюрократического государства. В стихотворении «Ильменау», подводя итог своей жизни в Веймаре, поэт выразит это горькое знание: «... и здесь, как там, обречены живущие цепям». С этими размышлениями Гёте перекликаются слова Тассо из гетевской пьесы: «Свободы я хочу для дум и песен; / Довольно мир стесняет нас в делах»⁶.

Но самому Гёте это испытание высшим светом было по плечу, тогда как Тассо сломило. Почему? Конечно, мы сильно бы обеднили гётевского Тассо, если свели бы все к проблеме бедственного положения поэта в обществе.

Гёте видит внутренний конфликт личности и поэтического дара Тассо, который в той же степени способствовал развитию у него безумия, что и конфликт с обществом. Тассо был ослаблен особой природой своего поэтического вдохновения, несбалансированного адекватным практичным рассудком. То, чего так недостает Тассо, воплотил в пьесе Гёте его основной соперник Антонио – сама рассудочность и умеренность. Как объяснял сам Гёте свою пьесу Каролине Гердер, драма Тассо – это «диспропорция между Талантом и Жизнью»⁷. Эту проблему Тассо Гёте обозначает в драме словами Альфосо:

Ты всеми мыслями влечешься в глубь
Своей души. Хоть окружает нас
Большая бездна, вырытая роком,

Но глубже та, что скрыта в нашем сердце,
И кинуться в нее бывает сладко,
О, оторвись от самого себя!
И пусть поэт уступит человеку.
На что сам поэт отвечает:
Напрасно я смиряю мой порыв
И день и ночь в груди попеременно,
Когда я не могу слагать стихи
Иль размышлять, мне больше жизнь
не в жизнь.

Кто шелковичному червю пред смертью
Прясти его одежду запретит?⁸

Тассо питается своей фантазией в одиночестве, замыкается в своей фантазии и, естественно, оказывается больным в глазах общества, а затем – и на самом деле. Придворное общество окончательно убеждают в безумии поэта те объятия, которыми он вздумал попрощаться с Принцессой, очевидно, нарушив тот девиз, с которым он никак не может смириться, живя в Ферраре: «позволено лишь то, что подобает». Эти слова Гёте позаимствовал у современника Тассо Джованни Баттиста Гварини, – ответившего этим афоризмом на строку из тассовской пасторали «Аминта»: «позволено все, что мило, что любезно сердцу»⁹. Противоречие между этими двумя установками во многом и определяет в понимании Гёте конфликт Тассо с обществом, одновременно усугубляя и его внутренний конфликт.

Нужно заметить, что Гёте очень ответственно подошел к разработке этого сюжета (что не было бы возможно, если бы он не увидел здесь некую проекцию своих собственных проблем). Как и всякий европеец XVIII века, получивший классическое образование, Гёте с юных лет хорошо знал творчество Тассо, его героический эпос. Еще студентом в Лейпциге Гёте сообщал своей сестре Корнелии, что читает «Освобожденный Иерусалим»¹⁰. Известно, что работу над Тассо Гёте начал еще в 1780 г. и оттачивался в тот момент от биографии Джованни Баттиста Мансо, который объяснял сумасшествие Тассо его безответной любовью. Можно предположить, что Про-Тассо был больше схож с Вертером. Но позже Гёте познакомился с более достоверной биографией, написанной его старшим современником аббатом Пьерантонио Серасси, где были подробно представлены события конфликта Тассо с Антонио Монтекатино. Кроме того, Гёте тщательно изучает поэтическое и теоретическое наследие Тассо¹¹.

Весь этот материал переплетается с личным опытом немецкого гения. В этот период жизни и творчества Гете завершал эволюцию от штюрмеровских установок своего творчества к классицистской эстетике. В творчестве Тассо он видит попытку примирения эпоса и романа, истории и фантазии, то есть классицизма и романтизма. И невозможность такого примирения для Тассо становится внутренней проблемой поэта, подтачивает его личность изнутри. Проблема

усугубляется постоянной озабоченностью Тассо критикой своей поэмы. Дело было не только в обостренном восприятии художника, но совершенно обоснованном страхом перед судом инквизиции. В своем «Рассуждении о героической поэме» исторический Тассо старается легализовать свои поэтические принципы ссылками на Платона, Аристотеля, Цицерона, Горация, цитатами из Вергилия и Гомера. Но при этом остается неизменно далек от эстетики классицизма. Так, от определения мимесиса как имитации «божественной и человеческой деятельности» Тассо приходит к совету быть более внимательным к субъективным процессам, так как поэзия не может имитировать божественное не иначе как через человеческое восприятие чудесного¹².

По Гёте, Тассо не может контролировать свое богатое воображение, и в этом немецкий поэт видит и великий дар и проклятье Торквато. Именно этот дисбаланс внутреннего мира с внешним в конечном итоге разрушает Тассо и как поэта, и как личность! Сам Гёте еще в штюрмеровский период своей жизни приходит к выводу о необходимости самоограничения в творчестве¹³. Гётевская драма на столетия вперед увековечила «легенду о поэте, который стремился к совершенству классического эпоса, но уступил разрушению своим собственным неукротимым порывом воображения, в результате чего разум поэта подчинился страсти и параное»¹⁴.

Байрон не соглашается с этой оценкой Тассо. Байрон, как и многие романтики, был поклонником творчества Тассо. Известно, что в его библиотеке было четыре издания «Освобожденного Иерусалима» на итальянском языке. Так же как и для русских писателей, Тассо для Байрона олицетворял собой Италию. Поэтому естественно, что во время путешествия в Рим Байрон посетил Феррару и ту тюрьму, в которой семь лет томился Торквато. Своими впечатлениями он поделился с Т. Муром в своем письме от 11 апреля 1817 г.¹⁵, они же подвигли его на поэму.

Его Торквато, прежде всего, – жертва аристократического общества, жестоко карающего за нарушение своих законов жизни. В поэме Байрона Тассо превращается в байронического героя. Причина его безумия никакого отношения к его дару поэта не имеет. Только изоляция в камере госпиталя Св. Анны по приказу герцога Альфонса II постепенно сводит Торквато с ума:

И все ж я чувствую день ото дня невольню,
Слабеет разум мой – хоть и не гибнет, нет;
Я вижу иногда какой то чудный свет
И духа странного, что делает мне больно:
Страданья мелкие, насмешки, пустяки...¹⁶

Байрон, по видимому, взял этот эпизод из опубликованного письма Тассо к Маурицио Катанео от 25 декабря 1585 г., где поэт рассказывает о таком духе, называя его «folletto»: «Этот

воришка утащил у меня несколько крон. Он раскидывает все мои книги, открывает мой сундук и ворует у меня ключи, так что я ничего не могу спрятать...»¹⁷

Творчество же, наоборот, продлевает его психическое здоровье. По мысли Байрона (совершенно далекой от действительности), Тассо в камере пишет «Освобожденный Иерусалим» и сохраняет здравый ум пока работает. Творчество, а также отказ отречься от своего поэтического замысла придают силы Тассо:

Я создал для себя магические крылья
С моей мучительной агонией в борьбе:
На них я, тесную покинувши темницу,
Летел освобождать Господнюю гробницу...¹⁸

Героичность байроновского Торквато ярко выражена в знаменитом предсказании, которым заканчивается «Жалоба Тассо». Поэт пророчит герцогу и всему его двору забвение, тогда как камера поэта будет почитаться как храм, а имя принцессы будет вспоминаться только в связи с его именем.

Я перейду к далеким временам.
Я превращу мою темницу в храм –
И целые народы, поколения
Сюда толпой придут на поклоненье¹⁹.

Конечно, бароновский Тассо, страдающий за свою волю к свободе, за свою любовь, – более характерен именно для романтического мировоззрения, чем гётевский. Наверное, поэтому именно маленькая поэма Байрона вдохновляет Э. Делакруа на создание цикла картин, посвященных образу Тассо в заключении, Ф. Листа на создание сначала увертюры к пьесе Гёте, возобновленной в Веймарском театре в 1849 г., а затем – и симфонической поэмы «Тассо. Жалоба и Триумф». Лист, ощущая себя наследником Гёте в театре, управляемым в свое время этим гением, создавая увертюру к его пьесе, тем не менее, сам признавался, что вдохновлялся скорее поэмой Байрона²⁰. Делакруа, пожалуй, еще в большей степени, чем Байрон, героизирует образ Тассо: «Страдания заставили его призвать на помощь всю свою силу, все несметные сокровища энергии, заложенные в его душе. Именно этот инстинкт сопротивления всякой несправедливости впервые разбудил его дремлющий гений и был источником его величия и отваги». В одном из писем Делакруа восклицал: «Читая жизнь Тассо, невозможно удержаться на месте. Сжимаешь зубы от ярости»²¹.

Как видим, в интерпретациях образа Тассо Гете и Байрона отсутствуют следы классического тропа «furor poeticus». Безумие поэта трактуется как болезнь, развившаяся под влиянием различных причин, – несправедливости, преследований со стороны двора, одиночного заключения... Но никак не знак его особой одаренности.

Тогда как Байрон превращает Тассо в байронического героя, Шелли задумывает трагедию о преследуемом шеллианском поэте. Тассо наряду с Прометеем и Адонаисом и, конечно, самим собой Шелли ставит в один ряд героев, «попавших в шипы жизни и истекающих кровью»²². Шелли, поселившийся со своей семьей в Италии, в письме (от 20 апреля 1818 г.) сообщает Томасу Пикоку, что намеревается начать работу над «трагедией на тему безумия Тассо», вдохновленный биографией Мансо. Всего через 10 дней он уже начал сомневаться в том, насколько «такая тема годится для английской поэзии» (30 апреля 1818)²³. В итоге, все, во что вылился этот замысел Шелли, – «Сцена из Тассо», «Песня Тассо» и, видимо, образ безумного поэта в написанной в том же году драме «Джулиан и Маддало».

Размышления над Тассо – его жизнью и творчеством тесно связаны в сознании Шелли с идеями Платона и, конечно, отражают его собственные поиски. Осенью того же года Шелли пишет Пикоку: «Я всегда ищу в том, что я вижу проявление чего-либо за гранью настоящих и реальных объектов»²⁴. В это время он работает над английским переводом «Пира» Платона²⁵ и восхищается в очередном письме к Пикоку пассажем из диалога «Федр». «Что за чудесный пассаж в «Федре» о поэтическом безумии, о том как человек становится поэтом. Каждый человек, живущий в наш век и планирующий писать поэзию, должен в качестве защиты от лжи и ограниченных систем критики... впечатлять себя этим высказыванием, если он хочет быть причислен к тем, к кому относится это гордое и возвышенное выражение Тассо: «Никто в мире не способен на творчество, кроме Бога и Поэта»²⁶. Эта связь между тассовским (в духе ренессансного теозиса) уравниванием Бога и поэта и утверждением Сократа, что «безумие» поэта «послано небом», позволяет многое понять о той интерпретации трагедии Тассо, которая вызрела у Шелли.

По Платону, тот вид одержимости и неистовства, что от Муз, «охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых»²⁷. Однако Платон, устами Сократа утверждая, что такое исступление не зло, но благо, не предвидит опасностей, которые могут осаждать эту «нежную и непорочную душу» среди подлинного зла, таящегося под внешней галантностью итальянского двора. Такие опасности как раз и были предусмотрены драматическим материалом несостоявшейся пьесы Шелли о достоинстве и гении поэта, побежденным жадностью и циниз-

мом тирана. Подтверждение этому – слова, которые Шелли вкладывает в уста безумного поэта в драме «Джулиан и Маддало»: «Подобен нерву я, когда трепещет / От гнета он и зла, что всем привычны...» («Me – who am as a nerve o'er which do creep / The else unfelt oppressions of this earth...») (449 – 450)²⁸.

В «Сцене из «Тассо» выписывается феррарский двор с его завистью, ревностью и интригами в отношении поэта²⁹. Эта сцена создавалась Шелли под впечатлением от чтения рукописей Тассо, а также посещения его камеры в госпитале Св. Анны. Мыслями и чувствами, которые возникали у Шелли по ходу работы над этой темой, поэт продолжал делиться в переписке с Пикоком: мольбы Тассо, перемежающиеся с восхвалениями в адрес герцога и принцесс «подобны тому, как Христианин восхваляет в молитве своего Бога, который, как он знает, является самым безжалостным... из тиранов, но также и всемогущим»³⁰. При этом Шелли замечает, что «ситуация с Тассо сильно отличается от нынешних преследуемых, когда из глубины подземелий общественное мнение может в конце-концов быть разбужено эхом, которое напугает гонителя. Но тогда такой надежды не было»³¹. И далее – «есть нечто, что неизбежно трогает меня при виде собственноручных надписей Тассо, выражающих лесть и мольбу к глухому и глупому тирану в век, когда сама героическая доблесть могла подвергнуть своего обладателя безнадежному гонению, и также союз между доблестью и гением не мог избежать гонения»³².

«Песня Тассо» – жалоба поэта, уже находящегося в заключении. Основная тема – разочарование в самой природе любви. Тассо убеждается на своем горьком опыте, что любовь не бессмертна, но умирает вместе с телом. В темнице образы любви и свободы появляются только для того, чтобы подразнить несчастного узника, и снова исчезнуть (образ Леоноры в виде серебрянного духа убегающего через решетчатое окно его камеры). «Я еще люблю, и еще думаю, но странно, мое сердце выпило до остатка и любовь и жизнь. И когда я думаю, мои мысли быстро приходят, я смешиваю настоящее и прошлое, и одно кажется мне отвратительнее другого»³³.

Итак, Тассо Шелли должен был объединить в себе все обозначенные выше линии интерпретации этого образа. В безумии поэта «виноваты» и неразделенная любовь, и интриги двора, и несбалансированность поэтического дара. Только если последний оценивается Гёте со знаком минус, Шелли он представляется неизбежной расплатой за великий талант.

Как видим, Шелли, разрабатывая тему Тассо, был наиболее близок к тропу «*fugor poeticus*», видя в безумии Тассо естественное следствие трансформации поэтического неистовства как необходимой основы подлинного гения, происходящей под влиянием несовершенного, грубого земного мира.

Примечания

- ¹ *Burwick F.* Poetic madness and the Romantic imagination. Published by the Pennsylvania State University Press, 1996. P. 118.
- ² См.: *Горохова Р. М.* Торквато Тассо в России XVIII века : (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад : Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 105–163.
- ³ См.: *Бугаева И. С.* «Торквато Тассо» Н. В. Кукольника : творческая история, соотношение факта и вымысла // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Вып. 27, Т. 8.
- ⁴ Архитектурно-парковый ансамбль – Государственный музей-усадьба «Архангельское». URL: <http://arkhangelskoe.ru/history/02.php> (дата обращения: 20.03.2015).
- ⁵ *Плетнев П. А.* Разбор элегии Батюшкова «Умиравший Тасс» // Журн. изящных искусств. СПб., 1825. Кн. 3. С. 210–227.
- ⁶ Здесь и далее цитируется в переводе С. Соловьева по изданию: *Гете И. В.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. М., 1977. С. 238.
- ⁷ Caroline Herder to Herder, between 16 and 20 March 1789, цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 107.
- ⁸ *Гете И. В.* Собрание сочинений. Т. 5. С. 301.
- ⁹ *Конради К. О.* Гете. Жизнь и творчество : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 553.
- ¹⁰ Там же. С. 550.
- ¹¹ См.: *Burwick F.* Op. cit. P. 109–110.
- ¹² Ibid. P. 111.
- ¹³ См.: *Goetes Sämtliche Werke. Jubiläums-Ausgabe. Cotta'sche Bibliothek.* Stuttgart, 1892. Bd. 33. S. 41.
- ¹⁴ *Burwick F.* Op. cit. P. 112.
- ¹⁵ Байрон. Библиотека великих писателей / под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. 1904. URL: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0590oldorfo.shtml (дата обращения: 12.02.2015).
- ¹⁶ Там же. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.
- ¹⁷ Байрон. Библиотека великих писателей. Т. 2. 1904. URL: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0590oldorfo.shtml (дата обращения: 12.02.2015).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Лист.* «Тассо. Жалоба и триумф». URL: http://belcanto.ru/sm_liszt_tasso.html (дата обращения: 25.03.2015).
- ²¹ Цит. по: *Дьяков Л.* «Дневник» Эжена Делакура // Искусство. 2008. № 9. URL: <http://art.1september.ru/index.php?year=2008&num=9> (дата обращения: 15.12.2014).
- ²² *Burwick F.* Op. cit. P. 114.
- ²³ Ibid. P. 115.
- ²⁴ Цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 117.
- ²⁵ *Дауден Э.* Очерк жизни Шелли // *Шелли П. Б.* Избранные произведения. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Философские этюды. М., 1998. URL: <http://philology.ru/literature3/dauden-98.htm> (дата обращения: 08.12.2014).
- ²⁶ Цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 115.
- ²⁷ Plato, Phaedrus, 245a.
- ²⁸ *Shelley P. B.* Julian and Maddalo (449 – 450) // The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley. Oxford Edition, 1914. Vol. 1. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/s/shelley/percy_bysshe/s54cp/ (дата обращения: 10.12.2014). Пер. Н. Дьяконовой, А. Чамеева. См.: *Дьяконова Н., Чамеев А.* Элегия Адонаис как итог творческого пути Шелли // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 132.
- ²⁹ *Shelley P. B.* Scene from «Tasso» // The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley. Oxford Edition, 1914. Vol. 1. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/s/shelley/percy_bysshe/s54cp/ (дата обращения: 10.12.2014).
- ³⁰ Цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 117.
- ³¹ Ibid. P. 117.
- ³² Ibidem.
- ³³ *Shelley P. B.* Song for «Tasso» // The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley. Oxford Edition, 1914. Vol. 1. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/s/shelley/percy_bysshe/s54cp/ (дата обращения: 10.12.2014).

УДК 327(420:560) |17|

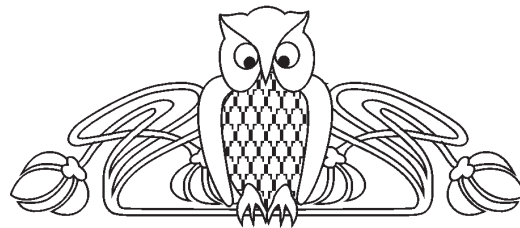
ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА БРИТАНИИ: ОТ КАРЛОВИЦКОГО КОНГРЕССА ДО НАЧАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Л. Р. Сабитова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Sabitovalliya90@mail.ru

В статье рассматривается специфика британской политики в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке в 1699–1791 гг. в контексте дипломатического противостояния в Европе и защиты британских владений в Индии.

Ключевые слова: Британия, Россия, Франция, Османская империя, русско-турецкие войны, Ост-Индская компания, Египет.

British Eastern Policy: from the Carlowitz Congress to the Beginning of the French Revolution

L. R. Sabitova

The article describes the peculiarities of British policy in the Eastern Mediterranean and the Middle East during 1699–1791, within the context of the diplomatic confrontation in Europe and the defense of British possessions in India.

Key words: Britain, Russia, France, Ottoman Empire, Russo-Turkish wars, East India Company, Egypt.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-54-60

Как известно, Век Просвещения – XVIII век – стал для Европы также эпохой завоевательных, колониальных войн, главной целью которых был захват территорий и контроль над выгодными торговыми коммуникациями. Одним из эпицентров борьбы стала акватория Средиземного моря. Могушество главной силы региона – Османской империи, добытое в ходе кровопролитных и длительных войн на Западе (против Священной Римской империи, Испании, Речи Посполитой, Венеции) и на Востоке (с Ираном), на рубеже XVII–XVIII столетий стало ослабевать. По этой причине турецкая «восточная угроза» Европе начала трансформироваться в так называемый «восточный вопрос» – в банальный сюжет о принципах и участниках скорого дележа османского территориального наследства на Балканах и на Ближнем Востоке.

Карловицкий мир, заключенный осенью 1699 г. участниками Священной лиги (Священная Римская империя, Речь Посполитая, Венеция, Россия) с Османской империей, обозначил первый и весьма важный этап в истории развития «восточного вопроса». С одной стороны, поскольку турки теряли обширные континентальные территории, а их наступление на Европу было окончательно остановлено, данное событие являлось несомненным успехом для западных держав. С другой стороны, европейские политики столкнулись с новой проблемой. Перед ними состоялось явление могущественной православной империи – России, претендующей на активное участие в европейских и восточных делах.

После завершения Северной войны против Швеции Российской империя (1722) оказалась наиболее опасным противником для слабеющей Османской Порты. По этой причине если в конце XVII столетия участие русских войск в спасении Европы от «турецкой угрозы» бурно приветствовалось, то через считанные годы активность Петербурга, направленная на радикальное ослабление Османской империи, расценивалась в качестве новой угрозы утвердившемуся миропорядку. В этой ситуации Стамбул стал местом ожесточенного противостояния дипломатов ведущих европейских держав, желавших поставить внешнюю политику Порты (в частности, по отношению к России) под свой контроль. К их числу могут быть отнесены и представители английской буржуазной монархии, вступившей в начале XVIII века в борьбу за европейскую и колониальную гегемонию. На рубеже столетий, пережив революционные потрясения и уничтожив торговую монополию Голландии, она превратилась в ведущую морскую державу. Полстолетия спустя, стремясь подкрепить свои успехи в борьбе

за американские, а затем и за индийские колонии, Англия открыто заявила о своём внимании к акватории Средиземного моря. Еще на рубеже XVII–XVIII вв. здесь появилась первая английская эскадра. С 1704 г. английские военные корабли постоянно базировались в захваченном у Испании Гибралтаре. В 1757 г. была учреждена должность главнокомандующего британским флотом на Средиземном море, а в 1759 г. дополнительной военно-морской базой британцев в регионе стала испанская Минорка. Тем не менее говорить о доминировании англичан в Средиземноморье и в отношениях с Османской империей было ещё рано. Решающая роль и позиции Лондона утвердились в регионе лишь к середине XIX века. Следует отметить, что английское присутствие на Востоке носило «догоняющий» характер. Как и другие европейцы, англичане принимали участие в Крестовых походах на Святую землю. После падения Византии, вслед за французами, они установили дипломатические и торговые отношения с Османской империей: в 1583 г. в Стамбул был отправлен посол Уильям Харборн. Параллельно начала свою деятельность английская торговая Левантская (Турецкая) компания. Таким образом, контакты с османами оказались поначалу в руках частных лиц. Правительственная политика Лондона в это время сосредоточилась на территории Нового Света, где создавались первые английские колонии. Более столетия функции английских послов при султанском дворе выполняли агенты Левантской компании.

На рубеже XVII–XVIII вв. внешнеполитический курс Англии в отношении Османской империи начал стремительно перестраиваться в «духе времени». Её послы стали быстро отходить от роли индифферентных к политике торговых агентов. Так, следует отметить успешные действия в Стамбуле лорда Паджета (1694–1702) и сэра Роберта Саттона (1702–1716)¹.

Лорд Паджет, участник Карловицкого конгресса, был посредником между Портой и членами антитурецкой Священной лиги. Его заслуги на поприще миротворчества были вынужден признать влиятельный французский посол, барон де Ферриоль². Должное авторитету англичанина отдали и турки, которые щедро наградили его перед отправкой на родину. Принимая следующего английского посла, турецкий султан Ахмед III заметил: «англичане – наши старые добрые друзья... Мы не забудем их помощь при Карловице»³.

Миссия преемника Паджета, сэра Роберта Саттона, совпала с обострением франко-русского соперничества в Стамбуле и преобладанием в Османской империи шведского короля Карла XII, который после поражения под Полтавой (1709) был вынужден просить убежища у султана. Саттон предлагал поддержать Россию, в противовес Франции и Швеции, провоцировавших русско-турецкий конфликт. В этой ситуации англичанин выступил посредником в начавшихся русско-ту-

рецких переговорах⁴, за что получил солидное денежное вознаграждение от царя Петра I⁵.

В целом деятельность Паджета и Саттона может быть охарактеризована в контексте развития нового этапа дипломатической активности англичан в Османской империи, который носил явственно политический характер и не был ограничен традиционной для них стратегией улучшения торгово-экономических отношений с Портой. Тем не менее английские дипломаты в Стамбуле ещё долго оставались лишь посредниками в переговорах, в частности, русско-турецких. Этому способствовало то обстоятельство, что политика Лондона на Востоке была привязана к европейским интересам. В первую очередь, следовало действовать против своего главного противника на континенте – Франции, традиционно поддерживавшей Турцию. В этой ситуации, хотя Англия и предпочитала не связывать себя формальными международными соглашениями, чтобы не повредить своей восточной торговле, объективно она поддерживала «антитурецкий курс» России.

Дружественные отношения Англии и России во многом определялись тем, что они были старыми торговыми партнерами. На них не повлияли даже события Семилетней войны (1756–1763), в которой страны оказались в противоположных лагерях. Как известно, Россия в союзе с Францией вела боевые действия против Пруссии, в то время как Англия отвоевывала у Парижа его заокеанские канадские колонии. Военная мощь, которую Россия продемонстрировала в ходе этого масштабного европейского конфликта, сделала ее весьма желанным континентальным союзником для Англии⁶. Для России, в свою очередь, были привлекательны морское могущество Англии и предложения субсидий с ее стороны. Благоприятным моментом для создания политического союза с Россией англичанам показалась начавшаяся русско-турецкая война 1768–1774 гг.

1 ноября 1768 г., после того как новость о начале войны достигла Лондона, британский посол в Стамбуле сэр Джон Мюррей получил указание предложить «добрые услуги» своей страны по урегулированию русско-турецкого конфликта⁷. С подобными предложениями в письмах к султану Мустафе III обратился и сам английский король Георг III. Однако заставить турецкие власти принять английское посредничество оказалось не так просто. Даже при желании султана урегулировать конфликт, не все зависело исключительно от его воли. Идею о необходимости войны с Россией активно продвигали турецкие вельможи, стараясь списать на нее внутренние проблемы страны. К тому же попытка активизации миротворческой деятельности британского посла сразу натолкнулась на противодействие французского посла в Стамбуле, графа де Сен-При. Целью Франции было, напротив, заставить турок вести активные боевые действия, чтобы отвлечь внимание России от союзников Парижа – Польши и Швеции. В слу-

чае потребности в заключении мирного договора французы собирались взять посредничество в переговорах полностью на себя. В этом намерении французов в феврале 1769 г. поддержал Къяйя-бей, один из влиятельных турецких министров⁸. В то же время Великий визирь Мохаммед Эммин пообещал принять услуги английского посла, после того как определится будущий победитель в войне⁹. Однако главным препятствием для возможных посредников стало то, что Россия совершенно не собиралась ограничивать свое поведение рамками, предусмотренными «добрыми услугами» европейских стран. Очевидная слабость Турции в военном отношении и возможность получить новые территории лишили Екатерину II всякого желания закончить войну как можно скорее и на чужих условиях.

В конце 1769 г. война приняла совершенно неожиданный оборот. В Средиземном море появилась русская военная эскадра под командованием графа А. Г. Орлова. Для Турции это была угроза, которая могла изменить весь ход войны. К тому же в Стамбуле было ясно, что корабли Балтийского флота никак не могли достичь Средиземного моря без помощи Англии. Не случайно в командном составе российской эскадры были английские офицеры, поступавшие на службу Петербургу. Российские корабли получали стоянки и ремонт в английских портах, запасались провизией и оружием в британском Гибралтаре. Для турецкой стороны был также ясен конечный пункт продвижения русских военных моряков. Не случайно Теодоре Алексиано, глава греческой колонии на британской Минорке, был назначен там русским консулом¹⁰.

Данные события нашли своё отражение в позиции английской дипломатии в Стамбуле. Разумеется, посол Мюррей заявил о нейтралитете своей страны. Он заверил турок, что с того момента, как агрессивные военно-морские планы русской императрицы стали явными, ни один английский подданный не поступал на русскую службу. Однако этих аргументов было явно недостаточно, чтобы доказать непричастность Англии к происходившему. Этим не преминули воспользоваться глава французской дипломатии министр герцог Шуазель и французский посол в Стамбуле Сен-При. Последний информировал турок о передвижении русских кораблей и убеждал их в преувеличенной помощи русским со стороны англичан, что, по его мнению, объяснялось тесными связями двух государств. Манипулируя незнанием турками европейских законов и политики, а зачастую и географии, Сен-При умело лишил своего британского коллегу возможности оправдать действия своей страны¹¹. В депеше Шуазелю Сен-При предлагал даже создать франко-турецкий военный альянс с целью вытеснить русских из Восточного Средиземноморья. В то же время французы опасались, что реакция турок на их предостережения выльется в желание поскорее заключить мир, в то

время как Франция собиралась сделать все, чтобы затануть начавшуюся войну¹².

По мере активизации русских эскадр в Восточном Средиземноморье турки понемногу начинали осознавать всю трудность ситуации. Русские десанты высаживались в континентальной Греции, в начале 1770 г. в греческой Морее вспыхнуло восстание. Турецкие власти вынужденно обратились к британскому послу с просьбой использовать свое влияние на Россию, чтобы она увела свои корабли из Средиземного моря. В конце июня 1770 г. турецкий реис-эффенди прямо заявил английскому драгоману, что помощь Лондона русским делает невозможным принять помощь его дипломатов в посредничестве на мирных переговорах.

Между тем восстание в Морее успехом не увенчалось. Однако 5–7 июля 1770 г. турецкий флот был уничтожен в Чесменском сражении у берегов Малой Азии. Это событие стало переломным моментом в войне: теперь русский флот мог угрожать непосредственно турецкой столице обстрелами или блокадой. Однако для графа Орлова более важной задачей был поиск долгосрочной военно-морской базы в непосредственной близости от турецких Проливов. В итоге, 27 островов эгейского архипелага приняли русское подданство и стали неофициально именоваться «великим княжеством Архипелагским»¹³. На протяжении последующих двух лет (1772–1774) русский флот продолжал безуспешные попытки захвата отдельных частей континентальной Греции. В этом противостоянии Турции, желавшей силами эскадр своих провинций выдворить опасного противника из Эгейского моря, был дан решительный отпор в Патрасском сражении (1772). Более того, русские корабли успешно действовали у египетской Александрии, а также планировали уничтожить остатки турецкого флота – тунисскую эскадру. В 1773 г. русские даже осадили сирийский Бейрут, где морской десант соединил свои действия с отрядами местного шейха, поднявшего мятеж против османов¹⁴.

Успехи российского флота в Восточном Средиземноморье ускорили появление новых желающих стать посредниками в русско-турецких переговорах – австрийцев. Быстрое продвижение русских в сторону Балкан и Черного моря не могло устроить императора Иосифа II и его министра Кауница. Посредничество Вены было предложено в начале 1770 г. Австрийскую инициативу незамедлительно поддержал Фридрих II Прусский. С этой позицией начал соглашаться и Шуазель, тем более узнав, что австрийцы выступают за восстановление довоенного status quo. Таким образом, у Англии оставалось очень мало шансов выступить в качестве посредника, особенно учитывая возросшие антианглийские настроения в Стамбуле.

В данной ситуации дипломатическая активность англичан была вполне оправданно нацелена на разработку запасного решения проблемы,

если австро-прусское не сработает. Их надежды полностью оправдались: в 1772 г. турки снова сделали предложение относительно английского посредничества. За этим последовало перемирие и два безуспешных мирных конгресса – в Фокшанах и Бухаресте. В частности, турецкая сторона пыталась получить у английского посла гарантии независимости Крымского ханства. Значительно осложнила переговоры смерть султана, которая ввергла внешнюю политику Османской империи в хаос. Новый султан, Абдул-Хамид I, подтвердил, что без английского посла мир не будет заключен. Впрочем, великий визирь Мухинзаде-паша стал обмениваться письмами с русским командующим фельдмаршалом Румянцевым. Узнав об этом, английский посол в Петербурге высказал предположение, что России и Турции уже не нужны посредники. Так или иначе, но по итогам «предприятия» английский посол в Стамбуле получил лишь формальное письмо с благодарностью от фельдмаршала Румянцева уже после заключения Кючук-Кайнарджийского мира (1774).

Блестящая победа русского оружия стала особым, переломным моментом для восточной политики европейских государств. В зарубежной историографии эти события часто рассматриваются как новая точка отсчета в «Восточном вопросе»¹⁵. Боевые наступательные действия, развернувшиеся с участием военно-морских сил России в Восточном Средиземноморье и на территории Ближнего Востока, стали тревожным эпизодом, как для Османской Порты, так и для всей Европы, пристально следившей за судьбой слабеющей мусульманской империи. В то время как европейцы стремились к укреплению своего политического и экономического влияния в Стамбуле, Россия сделала ставку на прямой захват территорий турецких провинций. Причем если стремление Петербурга освободить православных братьев-христиан на Балканах можно было оправдать¹⁶, то поддержка русским командованием отношений с восставшими правителями ближневосточных провинций (Египта и Сирии), а также захват Крыма – исконно мусульманских территорий – не могли не дать повода предполагать наличия у России масштабных завоевательных планов в отношении южного соседа. Тем самым, европейские державы в самое ближайшее время ожидали получить нового и весьма достойного соперника¹⁷.

Для Англии ход и итоги очередной русско-турецкой войны тоже стали поворотным моментом, прежде всего в отношениях с Россией. Английское правительство предлагало России свое посредничество и обещало добиться сохранения за ней «Азова, Кубани и права навигации на Черном море». В обмен Англия просила Россию о предоставлении военной помощи в случае ведения боевых действий в Североамериканских колониях и Индии¹⁸. Екатерина II отвергла этот план. В ответ Англия отказалась помогать русским морякам непосредственно в Средиземном море

и выразила протест по поводу желания России устроить военно-морскую базу на одном из островов архипелага. Однако это не помешало России продолжать действовать самостоятельно и независимо. Следовательно, с идеей заключения русско-английского союза, подстроенного, прежде всего, под английские интересы, было покончено. По мнению некоторых зарубежных исследователей, после провала попыток посредничества в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Англия отвернулась от восточных дел, так как положительно повлиять на ее отношения с Россией она не смогла¹⁹.

Тем не менее было бы неправильным говорить о полном угасании внимания англичан к региону Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Напротив, именно в 70–80-е гг. XVIII столетия оно начинает активно проявляться в стратегии английского правительства, которая была призвана уже не просто сорвать планы своих соперников (главным образом, Франции), но защищать собственные интересы, связанные, прежде всего, с обострением «индийского вопроса».

«Индийскими делами» Англии с 1600 г. занималась Ост-Индская компания, регулярно получавшая от монарха и парламента обновленные хартии на право торговли со странами в акватории Индийского океана. Однако за полтора столетия Компания превратилась из торговой организации в солидную военную и политическую силу в регионе. В ходе Семилетней войны войска Ост-Индской компании сумели вытеснить из Индии своих конкурентов – представителей французской Компании Индий. В то же время был установлен контроль над некоторыми богатыми индийскими территориями. Фактически, частная торговая корпорация стала выполнять там функции государства, оставаясь при этом ответственной лишь перед собственными акционерами, но отнюдь не перед английским правительством²⁰.

Правительство, в свою очередь, было крайне обеспокоено подобным усилением Ост-Индской компании. В течение 60–70-х гг. XVIII столетия в английском парламенте шли активные дискуссии по «индийской проблеме», главной идеей которых была необходимость поставить индийские владения под правительственный контроль. В 1773 г. усилиями правительства лорда Ф. Норта был принят Регулирующий акт для улучшения управления Ост-Индской компанией. Согласно этому документу влиятельная торговая корпорация обязывалась назначать генерал-губернатора, его советников и судей для обеспечения действия британского законодательства. Акт вызвал протест со стороны акционеров, посчитавших это посягательством на собственные права. С их мнением, которое опиралось на мощное лобби в парламенте, нельзя было не считаться, и Акт исполнялся формально. Впоследствии к этому вопросу вернулся Уильям Питт-младший, заняв пост премьер-министра. Его Индийский билль 1784 г. предполагал создание специальной комиссии

из членов парламента и Тайного совета с целью установления надлежащего контроля над гражданской, военной и доходной деятельностью своенравной Компании. Был учрежден Контрольный совет по делам Индии, который возглавил друг и соратник премьер-министра Генри Дандас²¹.

Обеспечение государственного «присмотра» над индийскими владениями потребовало от правительства Англии налаживания надёжного способа сообщения с ними. Отправлять важные депеши в обход Африки представлялось неприемлемым по причине протяжённости данного маршрута. Гораздо более короткий путь в Индию лежал через территорию Ближнего Востока. Вариантов было два: из Англии в Средиземное море (через Египет и Красное море) или через территорию Восточного Средиземноморья (через Сирию, Ирак и Персидский залив). Англичане постарались получить согласие на транзит почты и товаров через турецкие провинции со стороны султана, тем более что на этих территориях уже были открыты фактории английской Левантийской компании²². Однако получить доступ к ним оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось. По сути дела, началась борьба на два фронта: между компаниями (Левантийской и Ост-Индской) и правительством Османской империи. В частности, Левантийская компания протестовала против сухопутной торговли, осуществлявшейся другой коммерческой организацией на её территориях. В то же время сама компания угасала. После Семилетней войны левантийцы уже не вели дел с Египтом, а в Сирии под их контролем оставался один порт – Алеппо. В соседнем Ираке фактории компании стали в 1773 г. жертвами эпидемии; их пришлось эвакуировать. В целом торговля в турецких провинциях, где господствовал произвол чиновников и взяточничество, становилась бесприбыльной, а порой и опасной²³.

Несмотря на сложности, Ост-Индская компания, напротив, стремилась поддерживать свою торговлю на Ближнем Востоке. Её сотрудники даже пытались в 1772 г. организовать еще одну, внутреннюю корпорацию для ведения операций через Суэц²⁴. Ситуация для этого складывалась вполне благоприятная. В Египте к власти пришел мамелюкский бей Али Аль-Кебир, который собирался в скором времени провозгласить независимость от Османской империи. Для подкрепления позиций Египта мамелюки планировали оживить внешнюю торговлю, в основном с европейскими христианскими государствами. Англичане незамедлительно воспользовались случаем. Несмотря на перемену политической обстановки (Аль-Кебира на его посту сменил свергнувший его бей Абу Эль-Доаб), англичане в 1775 г. получили разрешение приводить свои торговые корабли в Суэц и платить умеренную пошлину.

Договор англичан с представителями мятежной провинции вызвал недовольство Стамбула, особенно в контексте русско-турецкой войны

1768–1774 гг., в ходе которой англичане считались причастными к помощи русскому флоту в Средиземном море. Порта со своей стороны запрещала кораблям христианских стран углубляться в Красное море дальше порта Джидды. После прихода кораблей в этот порт надлежало произвести перегрузку товаров на арабские суда, идущие в Суэц. По официальной версии, турецкие власти не хотели подпускать «неверных» к Святым местам, однако на деле все было куда прозаичней: процветающая торговля и прямые контакты с иностранцами могли спровоцировать сепаратистские настроения в местных провинциях и новые попытки отделения²⁵.

Тем не менее англичане поставили перед собой задачу добиться более весомых торговых привилегий. В 1775 г. Ост-Индская компания отправила в Каир своего агента Джорджа Балдуина. Однако тот разочарованно констатировал: «Турки и власти Мекки считают, что порт Джидды пострадает, Ост-Индская компания считает, что пострадает ее торговля, Левантийская компания считает, что вовсе будет разорена»²⁶. Между тем в Египте начались новые волнения: мамелюкские беи разрешали христианским судам подходить к Суэцу, но требовали более высокую пошлину, чем турки в Джидде. Разгоревшийся «Суэцкий кризис» привел к тому, что к 1780 г. идея англичан относительно быстрого развития ближневосточной сухопутной торговли была на время предана забвению²⁷.

Вместе с тем, тема актуальности освоения ближневосточных территорий как ближайшего пути сообщения с Индией оставалась открытой. В частности, Балдуин полагал, что Египет может быть не только транзитной территорией для почты и товаров, но и площадкой для набора рекрутов в Индийскую армию, которая в условиях возможной войны с Францией должна быть обеспечена мобильными резервами. Подобные идеи заинтересовали Г. Дандаса, главу Контрольного совета по делам Индии. Он опасался, что после потери североамериканских колоний, в случае англо-французского вооруженного конфликта, Индия будет атакована в первую очередь. Еще в 1784 г. этот политик запрашивал английского посла в Париже на предмет наличия у французов планов в отношении Египта. Тот отвечал, что таковых нет, но французы ищут возможность сухопутной торговли через Ближний Восток и связи с индийскими княжествами²⁸. В 1785 г. посол сообщил о возросшей активности французов в Египте. В ответ Контрольный совет вновь отправил в Египет Балдуина, теперь в должности генерального консула. Его новая миссия заключалась в том, чтобы добиться равноправия англичан с французами, а также следить за действиями французских агентов.

В Египте в этот момент к власти пришла очередная коалиция мамелюков во главе с Мурадом и Ибрагимом беями (были разгромлены

Наполеоном в битве у Пирамид в 1798 г.). После 1783 г. они перестали платить дань султану, и в 1786 г. тот направил войска для наведения в Египте порядка. Со своей стороны английский консул обратился к турецкому командующему с просьбой открыть Красное море для британской торговли. Просьба была перенаправлена в Стамбул, откуда был получен ожидаемый отказ. Впрочем, в связи с начавшейся русско-турецкой войной (1787–1791), не желая оставаться без поддержки европейских государств, Порта оговорила возможность свободного судоходства для почтовых кораблей в Красном море. Любопытно, что вскоре после этого турецкая армия из Египта была эвакуирована, так и не выполнив своей главной задачи: подавить здесь волнения. Они продолжались в отложившейся провинции вплоть до вторжения армии Наполеона Бонапарта²⁹.

После ухода турецких войск представители Контрольного совета и Ост-Индской компании были вынуждены отказаться от развития политических и торговых связей с Египтом. Этому шагу поспособствовала и смена внешнеполитического курса Лондона. Дело в том, что «через голову» министра иностранных дел герцога Лидса внешней политикой на ближневосточном направлении занимался сам У. Питт-младший, консультируясь по делам Индии с Дандасом. В 1791 г. Форин Оффис возглавил У. Гренвилль, посчитавший, что меры по защите владений в Индии не должны осложнять приоритетного вектора британской политики в Европе. Заодно была пересмотрена необходимость постоянного содержания консульств и на Ближнем Востоке. По мнению Гренвиля, они не стоили затрат – при необходимости их должны были содержать заинтересованные торговые компании³⁰.

Столкновением разных взглядов английских политиков на «восточную проблему» стал «Очаковский кризис», разразившийся в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. У. Питт-младший, который поддерживал принцип целостности Османской империи и рассматривал Россию как соперника Англии на Востоке, в ультимативной форме потребовал у Петербурга вернуть Стамбулу захваченные территории и крепости, из которых наиболее существенным приобретением был Очаков, и принять английское посредничество в мирных переговорах. Категоричный отказ Петербурга спровоцировал дипломатический конфликт, едва не переросший в войну. Питт, убежденный в необходимости решить дело в свою пользу, воспользоваться моментом и утвердить английское влияние в Стамбуле, обратился к парламенту с просьбой о выделении военных кредитов. Однако его воинственный пыл победило благоразумие умеренных политиков, не желавших терять Россию в качестве торгового партнера, а также дипломатов и некоторых членов Кабинета, не видевших смысла начинать полномасштабные военные действия с целью помочь Турции, к тому

же первой объявившей войну³¹. Среди последних был и лорд Гренвилль, считавший необходимым сохранять союз с Россией для поддержания баланса сил в Европе. В целом английской стороной «Очаковский кризис» был признан столкновением интересов в Европе, а не на Востоке. Совсем скоро ближневосточные дела отошли для Лондона на второй план в связи с началом открытого противостояния с революционной Францией.

Подводя итоги, можно констатировать, что после Карловицкого конгресса 1699 г. английская политика на Востоке стала быстро отходить от принципов чисто экономического взаимодействия с Портой. Однако вплоть до начала Французской революции это направление внешней политики островного государства носило явно вспомогательный характер. Время от времени его могли «оживить» отдельные государственные персоны, а также создаваемые ими институты, однако в целом оно оставалось подчиненным интересам «большой», европейской политики и континентальным интересам Британии.

Примечания

- 1 См.: Lane M. The Diplomatic Service under William III // Transactions of the Royal Historical Society, 1927. Vol. 10. P. 108.
- 2 См.: Ferriol to Louis XIV, 4 April 1700 // Correspondance du Marquis de Ferriol, Ambassadeur de Louis XIV à Constantinople, Anvers, 1870. P. 108.
- 3 Ahmed III to R. Sutton, 1702 // Hammer M. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1841. Vol. 2. P. 42.
- 4 См.: Sutton R. The Dispatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714), ed. by A. N. Kurat. London, 1953.
- 5 См.: Coroban C. British Reactions to Charles XII's Stay in the Ottoman Empire // Revista Română de Studii Baltice și Nordice, 2011. Vol. 3, iss. 1. P. 50.
- 6 См.: Earl of Buckinghamshire (British Ambassador to Russia) to Lord Halifax, 2 August 1763, no number, P.R.O., S.P. 91/72.
- 7 См.: Weymouth to Murray, 1 November 1768, № 6, S.P. 97/44.
- 8 См.: Saint-Priest to Choiseul, 13 February 1769, № 4, Corr. Pol. Turquie 150.
- 9 См.: Murray to Weymouth, 26 April 1769, № 11, S.P. 97/45.
- 10 См.: Weymouth to Lt.-Governor Johnston, 15 November 1770, № 12, C.O. 174/6.
- 11 Например, реис-эффенди спрашивал Мюррея, почему англичане пропустили русских через Ла-Манш. Турок, судя по всему, даже не подозревал, что проливы не являются владением Англии, подобно тому как черноморские проливы являются владением Порты.
- 12 См.: Saint-Priest to Choiseul, 18 October 1769, № 30, Corr. Pol. Turquie 152.
- 13 Smilyanskaya E. Russian Warriors in the Land of Miltiades and Themistocles : the Colonial Ambitions of Catherine the Great in the Mediterranean. National Research University «Higher School of Economics», 2014. P. 6–13.
- 14 См.: Гребенищикова Г. Л. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770–1774 гг. // Вопр. истории. 2007. № 2. URL: <http://www.wap.kortic.borda.ru/> (дата обращения: 21.11.2014).
- 15 См. например: Macfie A. L. The Eastern Question, 1774–1923. L. ; N. Y. : Taylor&Francis, 1989. P. 2–4.
- 16 См. например: Смилянская И. М. Приготовления к русско-турецкой войне 1768–1774 гг. : российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. 2009. № 2(20). С. 40–51.
- 17 См.: Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование императрицы Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л. : Лениздат., 1989. URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- 18 См.: Rochford to Cathcart, 25 August 1770, № 17, S. P. 91/84.
- 19 См.: Anderson M. S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–74 // The English Historical Review. 1954. Vol. 69, № 270. P. 39–58.
- 20 См.: Фурсов К. А. Держава-купец : отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М. : Тов-во науч. изд. «КМК», 2006. С. 145.
- 21 Pitt's India Bill of 1784. URL: <http://www.indohistory.com/> (дата обращения: 21.11.2014).
- 22 См.: Ingram E. From Trade to Empire in the Near East – III : the Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804, Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14, № 3. P. 284.
- 23 См.: Bruce J. Travels to Discover the Source of the Nile in the Years 1768–1773. Edinburgh, 1790. P. 188.
- 24 См.: Ingram E. From trade to empire in the near East – I : the end of the spectre of the overland trade, 1775–1801 // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14, № 1. P. 4.
- 25 См.: Abir M. The «Arab Reblion» of Amir Ghalib of Mecca (1788–1813) // Middle Eastern Studies. 1971. Vol. 7, № 2. P. 185–187.
- 26 Baldwin G. Political Recollections Relative to Egypt. London, 1801. P. 7.
- 27 См.: Hoskins H. L. British Routes to India. London, 1928. P. 10–11, 14–18.
- 28 См.: Ingram E. In Defence of British India. Great Britain in the Middle East, 1775–1842. London : Frank Cass & Co. Ltd, 1984. P. 27.
- 29 См.: Shaw S. Between Old and New : The Ottoman Empire under Selim III, 1789–1807. Cambridge Mass., 1971. P. 217–128.
- 30 См.: Grenville to Dundas, 1 April 1792 ; Ingram E. From trade to empire in the near East – I : the end of the spectre of the overland trade, 1775–1801 // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14, № 1. P. 10.
- 31 См.: Black J. British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793. Cambridge University Press, 1994. P. 257 ; Сабитова Л. П. Начало англо-русского дипломатического противостояния в рамках «Восточного вопроса» («Очаковский кризис» 1791 г.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2014. Т. 14, вып. 4. С. 77–81.

УДК 94(420).08|+929Ньюмен

ДЖОН ГЕНРИ НЬЮМЕН И ОКСФОРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

А. К. Костина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sandrine.kostina@gmail.com

Джон Генри Ньюмен – одна из центральных фигур в духовной жизни Англии XIX в. Автор рассматривает эволюцию религиозных взглядов богослова вплоть до обращения в католицизм в 1845 г.
Ключевые слова: Англия, XIX век, католицизм, англиканство, Высокая церковь, Оксфордское движение, Д. Г. Ньюмен, *via media*.

John Henry Newman and the Oxford Movement

А. К. Kostina

John Henry Newman is one of the central figures in spiritual life of England of the XIX century. The author considers the development of his religious views up to the conversion to Catholicism in 1845.

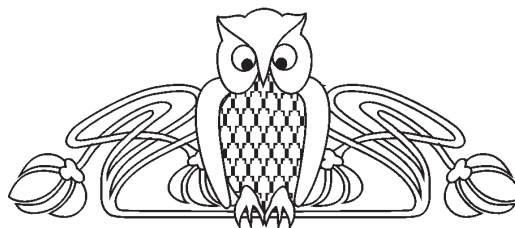
Key words: England, XIX century, Catholicism, Anglicanism, High Church, J. H. Newman, Oxford movement, *via media*.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-61-65

В России имя Джона Генри Ньюмена (1801–1890) известно в большей степени узким специалистам, теологам и философам, а его работы не переводились на русский язык. В частности, религиозным взглядам Джона Генри Ньюмена посвящены биографическая статья Водовозова¹, статьи Соловьевой² и Марковича³. При этом в Европе, в католической и англиканской церкви, кардинал Ньюмен считается одним из наиболее влиятельных богословов и спорных личностей. Как важная фигура, оказавшая влияние на развитие духовной мысли, он упоминается в работах различного характера: по истории Англии (см. например, «Викторианский Лондон» Лайзы Пикард⁴), истории церкви (сочинение Ги Бедуэлла⁵).

Жизнь его можно разделить на два этапа – на первом вплоть до 1845 г. Ньюмен был приверженцем англиканской церкви, затем перешел в лоно Римско-католической церкви. Нам представляется наиболее интересным роль Ньюмена в деятельности Оксфордского движения, возникшего в то время, когда католицизм – «старая вера» – рассматривался как нечто чуждое и неверное взглядам Ньюмена на взаимосвязь римской и англиканской религиозной традиции.

После проведенной «сверху» церковной реформации Римско-католическая церковь, крупнейшая христианская конфессия, играла сравнительно незначительную роль в духовной жизни Англии. Католики, оставшиеся в меньшинстве, оказались лишены ряда гражданских прав, например, не могли заседать в парламенте, владеть определенными видами имущества, а также

учиться в Оксфорде, Кембридже и других университетах, готовивших служителей англиканской церкви. Более того, периодически в моменты кризисов возникал вопрос о «католической угрозе» и начинались гонения на приверженцев «старой религии». Только к середине XIX века положение иноверцев начало изменяться.

В 1829 г. был принят билль, известный под названием «акт об эмансипации католиков», согласно которому были отменены Тест-акт и другие законы и положения, ограничивающие права католиков. Приверженцы католической веры получили почти равные права с англиканами и даже возможность быть депутатами, произнося иной текст присяги, хотя по-прежнему не могли занимать высоких должностей в парламенте⁶. В 1832 г. была проведена реформа о структуре и доходах официальной церкви в Ирландии, а в 1833 г. – билль о церковных владениях Ирландской церкви. Эти законопроекты не только вносили изменения в иерархию церкви (например, сокращение епископств в Ирландии с 22 до 12), но и в аренду церковных земель, что грозило привести к светскому присвоению церковного имущества. Мера по сокращению количества епископства была справедлива, поскольку в Ирландии последователи англиканства были в меньшинстве, но вопиющим был тот факт, что реформу проводили не духовные сановники, а государство, «люди, о которых мы не знаем, веруют ли они в нашего Создателя, Спасителя и Искупителя»⁷.

Эти события побудили теолога Джона Кебла (1792–1866) к написанию проповеди «О национальном отступничестве», которая прозвучала 14 июля 1833 г. с кафедры университетской церкви Святой Марии. Особенно вопиющим священнику показался тот факт, что реформы проводило государство: «Наша нация на протяжении веков считала совершенно необходимым, чтобы ее правители поддерживали христианскую Церковь и чтобы христианская вера была руководством во всех делах и установлениях».

Многие англиканские священнослужители верили, что реформа 1832 г. – это своего рода подготовительный шаг правительства к изменению устройства церкви и противостоянию государства церковному мнению⁸. Кебл, а вслед за ним другие богословы и преподаватели Оксфорда, присутствовавшие на проповеди, посчитали неспра-

ведливым и даже богохульным вмешательство в дела духовные государственных институтов, чьи представители не обязаны быть верующими. Они верили, что соединение религии с политикой, богатством и властью приводит «к разрушению веры, недостатку христианской покорности и благодарности, что приводит к пренебрежению и потере благодати Слова Божия»⁹.

Проповедь Кебла произвела на слушателей настолько большое впечатление, что уже в конце июля в Оксфорде было основано Общество друзей Церкви, а к архиепископу Кентерберийскому было отправлено прошение от священников и мирян поддерживать Англиканскую церковь.

Также проповедь о национальном отступничестве считается точкой отсчета Оксфордского движения. Сам термин часто ассоциируется с католическим возрождением в Англии, но первоначально «оксфордское движение» – небольшая группа богословов из Оксфордского университета, выступавшая против секуляризации английской церкви и стремившаяся вернуть утраченные традиции христианской веры в церковную практику. Среди главных участников оксфордского движения стоит назвать «человека великих замыслов»¹⁰ Эдварда Боувери Пьюси, «Кебла, который вдохновлял, Фруда, который давал импульс, и Ньюмена, который брался за работу»¹¹.

Участники вновь созданного Оксфордского движения занимались переводами сочинений богословов прошлых эпох, которые в дальнейшем были выделены: «Библиотека отцов Церкви» и «Англо-католическая библиотека». Кроме того, они начали выпуск серии брошюр под названием «Трактаты для времен» с целью «возродить учение Церкви, <...> которому недостаточно уделяется внимание в жизни общества»¹². Объем трактатов мог варьироваться от нескольких страниц до полноценной книги.

Большинство трактатов было обращением к определенной аудитории: *ad populum* (к народу), *ad clerum* (к духовенству), *ad scholas* (к ученым). Первоначально они либо публиковались анонимно или под псевдонимом, либо представляли собой отрывки из более ранних богословских сочинений.

Немалую роль в утверждении оксфордского движения сыграл Джон Генри Ньюмен, обладавший в равной степени способностями писателя и теолога. Как Ньюмен вспоминал в своей биографии «*arologia pro vita sua*», идея написания «Трактатов для времен» взялась прямо «из его головы»¹³, и первый из них, озаглавленный «мысли о министерской комиссии, с почтением обращенные к духовенству», он напечатал по собственной инициативе. Это сочинение имело целью попытку защитить и реконструировать основания англиканской веры, напомнить об апостольской преемственности. Всего перу Джона Генри Ньюмена принадлежат 24 трактата из 90, некоторых других сочинений, отстаивающих идеи движения

и, кроме того, он проводил еженедельные проповеди в церкви Святой Марии.

В юности Ньюмен думал, что обращение к католицизму – немыслимо. Он родился в 1801 г. в семье банкира Джона Ньюмена, правоверного англикана, и Джеймсы Ньюмен, происходившей из знатной семьи гугенотов (то есть французских кальвинистов), бежавших в Англию и бывшей сторонницей «низкого» евангелического англиканства, тяготевавшего к кальвинизму. Такие слова, как «папство» или «католицизм» произносились в семье Ньюменов только с оттенком отвращения и пренебрежения.

Как сам богослов вспоминал в автобиографии, до 15 лет он «не имел сформировавшихся религиозных взглядов»¹⁴ и интересовался скорее арабскими сказками тысячи и одной ночи, чем Библией и молитвами, любовь к которым пыталась привить его матушка. Духовное обращение он пережил в возрасте пятнадцати лет, в последний год учебы в школе, и «это было гораздо более определенным, чем тот факт, что у меня есть руки и ноги»¹⁵.

Перемена в мыслях произошла под влиянием его учителя Уолтера Майерса, который исповедовал кальвинизм и одолжил своему ученику книги по английской традиции кальвинизма. Вскоре Ньюмен «попал под влияние определенной веры» и стал подобно матери убежденным евангельским кальвинистом, придерживающимся мнения, что Папа Римский – воплощение антихриста. По словам Имона Даффи, историка, «он пришел, чтобы увидеть евангелизм, с его акцентом на религиозном чувстве и реформационное учение об оправдании одной лишь верой, подобный троянскому коню для недогматического религиозного индивидуализма, отрицающего роль Церкви в передаче истины откровения, что неизбежно приведет к субъективизму и скептицизму»¹⁶.

Религиозные взгляды Ньюмена начали меняться от евангелических, привитых с детства, к «высокоцерковным» во время пребывания в Оксфордском университете – именно тогда он впервые обратился к сочинениям отцов Церкви. В Тринити-колледже Оксфордского университета он получил степень бакалавра, а затем в 1822 г. получил должность преподавателя в Ориэл-колледже. Опеку над молодым стеснительным учителем взял на себя Ричард Уотли, в дальнейшем ставший англиканским архиепископом Дублина, он «был первым, кто научил <...> взвешивать слова и быть осторожным в суждениях»¹⁷. Он же познакомил Ньюмена с сочинением Саммера «Трактат об апостольской проповеди», после прочтения которого молодой богослов отказался от евангелических взглядов и начал разделять высокоцерковное учение, тяготевавшее к католицизму. Он написал ряд статей для Энциклопедического словаря *Encyclopaedia Metropolitana*, среди которых статья о чудесах в Ранней церкви, статьи о Цицероне и Аполлонии Тианском, и помогал Уотли в написании работы «Элементы логики».

Изучая историю Церкви и сочинения отцов Церкви, Ньюмен получил представление о Церкви как «божественном назначении и как основном органе, независимом от государства и наделенном собственными правами, прерогативами и полномочиями»¹⁸.

В 1822 г. Ньюмен был посвящен в сан диакона в соборе Крайст-Керч в Оксфорде и уже спустя несколько дней произнес свою первую проповедь в церкви Святой Троицы в Овер-Вортоне близ Банберри. Спустя год он занял вакансию vikария в церкви святого Климента в Оксфорде, а в 1828 г. – должность vikария в церкви Святой Марии с прикрепленным приходом Литтлмор.

Другим событием, повлиявшим на формирование религиозных взглядов Джона Генри Ньюмена, стала смерть его сестры Марии в январе 1828 г., после которой он погрузился в чтение сочинений Святых Отцов церкви «в хронологическом порядке, начиная со Святого Игнатия и заканчивая Святым Иустином»¹⁹, итогом стало сочинение «Арианство четвертого столетия» (1832). Ньюмен обнаружил, что Ранняя церковь, в отличие от современной, верно интерпретировала доктрины христианства и служила основой английской церкви. Англиканская церковь, в свою очередь, отказалась от большинства доктрин и особенно системы таинств и апостольского преемства, сменив, таким образом, основы веры на более «протестантское мировоззрение».

Хотя правоверные англикане называли эти догмы «римскими искажениями евангелия», лидеры движения пытались убедить своих прихожан и читателей в том, что Англиканская церковь (наряду с восточной православной и Римско-католической) является одной из трех ветвей Кафолической Апостольской церкви. Яркий пример – христианский гимн «Веди, Благодный свет», который был написан, чтобы показать, что различия между этими тремя церквями внешние и «каждый – и католик, и протестант, и тот, кто не связывает свой жизненный путь с определенной верой – может... присоединиться к общей молитве»²⁰.

Джон Генри Ньюмен выработал собственную манеру проповеди и, по словам современников, отличался от привычных проповедников: «Он не отрывал глаз от своей рукописи, никогда не двигаясь и не глядя на свою паству или повышая голос. Тем не менее он получил репутацию, возможно самого интеллектуального и духовно одаренного проповедника своего времени»²¹. Такая манера чтения была связана с теорией Ньюмена об отношении священника-проповедника к своей аудитории и роли проповеди. Он считал, что эмоциональность, характерная для евангельской проповеди, вызвана в первую очередь стремлением к саморекламе и стремлением заслужить благосклонность и популярность среди аудитории. Священник же должен проявлять святость в жизни: быть скромным и в поведении, и в словах, говоря о таинствах библии, уходить

в тень, но главное – последовательно и самоотверженно исполнять свои обязанности.

Трактарианцы говорили о важности таинств, о возрождении через крещение, присутствии тела и крови христовых в евхаристии и о самом таинстве Евхаристии как жертве Богу.

На протяжении веков в соответствии с Книгой общих молитв 1662 г., значение службы сводилось к минимуму: она могла происходить раз в неделю или раз в месяц, священник проводил службу в повседневном облачении, а убранство святого стола составляли только патена²² и потир²³. Участники оксфордского движения проповедовали возвращение Евхаристии как главного ежедневного богослужения и стремились напомнить о почти забытом жертвенном аспекте, который подчеркивался и в ранней церкви и в трудах англиканских богословов. И хотя трактарианцы были осторожны в заявлениях, эти настроения вызвали чувство оскорбления в обществе.

Ньюмен, Пьюси, Кебл и их сторонники обвинялись в пособничестве Римско-католической церкви, которой они якобы втайне служили и по указанию которой стремились обратить столь много англиканских душ, сколько это возможно, всеми честными и нечестными средствами. При этом стоит отметить, что участники оксфордского движения различали католицизм как «чистую веру», раннее христианство, идеи которого изложены в сочинениях Отцов Церкви, и католицизм как современную Римско-католическую церковь. Они утверждали, что Римско-католическая церковь сохранила многое из первоначального христианского учения, хотя со временем добавились учения и практики не соответствующие Евангелию. На протяжении многих лет примат папы служил препятствием к подлинному пониманию Священного Писания. Трактаты и проповеди оксфордских богословов были призваны уничтожить эту преграду, открыв слушателям и читателям суть подлинной веры.

Ньюмен развивал тезис *via media* – среднего пути. Чтобы оправдать свои «римские мировоззрения», Ньюмен отнес понятие среднего пути к работам Ричарда Хукера, богослова елизаветинской эпохи, в частности к книге «О законах церковной организации». Участники оксфордского движения полагали, что английская теология претерпела поворот именно после этого сочинения Хукера. Однако в действительности елизаветинский богослов не использовал в своих трудах понятия «*via media*» или понятия «средний путь», а лишь указал, что следует искать нечто среднее между верованиями крайних кальвинистов, лютеран и арминианской доктриной. Он выступал за решение, при котором светская власть соблюдает нейтралитет в религиозных вопросах и обеспечивает стабильность. Иначе говоря, *via media* – это «триумвират Священного Писания, разума и традиции»²⁴. Участники оксфордского движения пересмотрели замысел Хукера, пред-

ложив англиканство как срединный путь между крайностями протестантизма и католицизма. Ньюмен сосредоточил внимание на том, что английская церковь должна обратиться к наследию первых христиан, избегая тех наслоений, которые были внесены позднее как протестантами, так и католиками.

Согласно теории Ньюмена, концепция *via media* опиралась на три идеи – догмата, таинства и антикатоличества. Первая была направлена против либерализма, вторая – против евангелизма, третья – против Римско-католической церкви²⁵.

В 1839 г. Джон Генри Ньюмен обратился к учению монофизитов, которое заставило его усомниться, насколько англиканское богословие соответствует принципам древнего христианства и насколько истинна сама идея *via media*: «Слова святого Августина поразили меня с такой силой, которую я не чувствовал ранее от других слов <...> *Securus judicat orbis terrarum*²⁶! С этими словами Отца церкви, истолковавшими и подытожившими длинный и разнообразный ход церковной истории, теология *via media* совершенно измельчала»²⁷. Монофизиты, так же как англикане, обращались к древности и пытались следовать среднему пути между Римской церковью и другими ересями. Но церковь отвергла их учение и на халкедонском соборе утвердила формулу о двух природах в лице Иисуса Христа. Соответственно если монофизиты были еретиками, еретиками могли оказаться и последователи *via media* в XIX в.

В 1841 г. Ньюмен написал 90-й трактат, «замечания о некоторых отрывках из 39 статей», который стал последним из «Трактатов для времен». В нем Ньюмен заметил, что «39 статей» – основополагающий документ англиканской теологии – были направлены не против католицизма, но чтобы устранить имеющиеся в учении ошибки и преувеличения. То есть 39 статей можно читать, принимая древнее католическое учение, но отвергая при этом папистский вариант католицизма. Сам документ не только может, но и должен быть прочитан с точки зрения умеренного католицизма. Это заявление было встречено очень настороженно: многие посчитали, что богослов Ньюмен зашел слишком далеко, епископ Оксфорда запретил продолжать писать трактаты. Преподаватели и главы колледжей Оксфорда обвинили Ньюмена в том, что он «предлагает и открывает новый способ, которым люди могут нарушить обязательства, данные университету».

В это же время в 1841 г. было основано англикано-лютеранское епископство, которое заставило Ньюмена окончательно убедиться, что церковь Англии не является апостольской и полностью зависит от светской власти. Две церкви объединились под юрисдикцией англиканского епископа. Ньюмен написал письмо епископу Оксфорда с протестом, в котором заявил, что «лютеранство и кальвинизм – ереси, противные Писанию <...> анафемствованные как востоком,

так и Западом», однако на протест не последовало никакой реакции. И богослов окончательно утвердился во мнении, что англиканство – не более чем ересь, а «39 статей», о которых он писал в своем 90 трактате, без сомнения «были составлены еретиками»²⁸.

После этого события Ньюмен пережил кризис веры: если англиканская церковь не была (или не желала быть) ветвью истинной католической церкви, то он больше не мог принадлежать к числу ее прихожан. В июле 1841 – сентябре 1843 г. Ньюмен перестал исполнять обязанности священника, переехал в местечко Литтлмор близ Оксфорда, где организовал полумонашескую общину, отказался от антикатолических заявлений, которые он когда-либо публиковал. В Литтлморе он изучал становление идей христианства и пришел к выводу, что все то, что он считал нововведениями, в действительности было более полным выражением той же истины.

Спустя два года Ньюмен начал новую жизнь, перейдя в католичество. Этот акт он сравнил в одном из своих сочинений с вхождением в гавань из штормящего моря. Официально он был принят в лоно церкви 9 октября 1845 г., а спустя год был рукоположен в сан священника.

Англиканский этап религиозной деятельности Ньюмена – яркий пример возрождения религиозной активности в Великобритании. Хотя с развитием наук и технологий, религия утратила свой авторитет, Библия по-прежнему оставалась для викторианцев моральным руководством. Доктрины Ньюмена, хотя и не принятые современниками, способствовали росту интереса к духовной сфере и в дальнейшем – обновлению англиканства.

Примечания

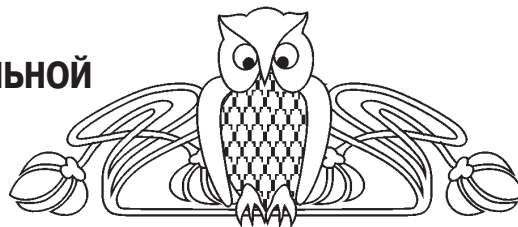
- 1 См.: *Водовозов В. В.* Эмансипация католиков в Англии // Энциклопедия Брокгауза и Евфрона : в 86 т. Т. 40а. СПб., 1904. С. 708–709.
- 2 См.: *Соловьева Т.* Оксфордское движение : Борьба за церковное возрождение в Англии. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/025/025-solov.htm> (дата обращения: 12.09.2015).
- 3 См.: *Маркович К.* Джон Генри, кардинал Ньюмен. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/649027.html> (дата обращения: 13.09.2015).
- 4 См.: *Пикард Л.* Викторианский Лондон. М., 2011.
- 5 См.: *Бедуэлл Ги.* История Церкви. М., 1996.
- 6 См.: *Водовозов В. В.* Указ. соч. С. 708–709.
- 7 *Keble J.* National Apostasy. URL: <http://www.victorian-web.org/religion/sermons/apostasy.html> (дата обращения: 28.08.2015).
- 8 *Church. R. W.* The Oxford Movement. Twelve years, 1833–1845. L., 1970. P. 68.
- 9 *Keble J.* National Apostasy. URL: <http://www.victorian-web.org/religion/sermons/apostasy.html> (дата обращения: 12.08.2015).

- ¹⁰ Ollard S. L. A short History of the Oxford Movement. L., 1915. P. 47.
- ¹¹ Rigg J. H. Oxford High Anglicanism and its chief leaders. L., 1899. P. 49.
- ¹² Соловьева Т. Оксфордское движение: Борьба за церковное возрождение в Англии. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/025/025-solov.htm> (дата обращения: 28.08.2015).
- ¹³ Rigg J. H. Oxford High Anglicanism and its chief leaders. L., 1899. P. 56.
- ¹⁴ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 1.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Duffy E. Hero of the Church URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2010/dec/23/hero-church> (дата обращения: 28.08.2015).
- ¹⁷ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 8.
- ¹⁸ Lilly W. S. John Henry Newman. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Newman,_John_Henry_%28DNB00%29 (дата обращения: 12.08.2015).
- ¹⁹ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 29.
- ²⁰ Цит. по: Маркович К. Джон Генри, кардинал Ньюмен. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/649027.html> (дата обращения: 13.09.2015).
- ²¹ Poston L. Newman's Tractarian Homiletics // Anglican Theological Review. Vol. 87, № 3. Chicago, 2005. P. 419.
- ²² Патена – литургический сосуд, представляющий собой блюдо с изображениями сцен из Нового Завета.
- ²³ Потир – литургический сосуд, чаша, используемая для освящения вина и принятия причастия.
- ²⁴ Brydon M. The Evolving Reputation of Richard Hooker: An examination of Responses 1600–1714. N. Y., 2006. P. 1.
- ²⁵ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 29.
- ²⁶ Тверд вердикт всего мира (лат.).
- ²⁷ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 132.
- ²⁸ Цит. по: Соловьева Т. Оксфордское движение: Борьба за церковное возрождение в Англии. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/025/025-solov.htm> (дата обращения: 12.09.2015).

УДК 94 (100) |1990/1995|

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАТО В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-Х ГОДОВ

Е. С. Корнев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: korenev.es@mail.ru

В статье рассматривается начальный этап разработки региональной стратегии НАТО в 1990–1995-е гг. в контексте кардинальных изменений геополитической обстановки в мире. Проводится общий анализ методов, применявшихся НАТО для реформирования регионов, представлявших для блока стратегическую значимость. Отдельное внимание уделяется изучению сюжетов, связанных с процессом создания программ партнерства НАТО, глобализацией Альянса, формированием специфической «балканской» модели региональной стратегии организации.

Ключевые слова: НАТО, Балканы, региональная стратегия НАТО.

The First Stage of NATO's Regional Strategy Elaboration in the Context of Geopolitical Changes in the First Half of 1990s

Е. С. Korenev

The article examines the first stage of NATO's regional strategy elaboration in 1990–1995 in the context of fundamental changes of geopolitical situation in the world. General analysis of methods, which NATO used to reformat strategically significant regions is carried out. Special attention is paid to a study of subjects, which connected with the process of NATO's partnership programs 'creation, the Alliance's

globalization, shaping of specific «Balkan» model of organization's regional strategy.

Key words: NATO, Balkans, regional strategy of NATO.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-65-71

Современная региональная стратегия НАТО прошла длительный эволюционный путь развития и несет на себе отпечаток целого ряда событий. Особый интерес вызывает начальный этап ее формирования, который пришелся на период 1990–1995 гг. и был связан с выработкой базовых принципов работы Альянса с различными регионами и, прежде всего, с государствами Восточной Европы, ранее бывшими союзниками СССР. Именно в это время начинает складываться специфический «балканский» вариант региональной стратегии организации, а также возникает система партнерств, оказавшая серьезное влияние на эволюцию Альянса в постбиполярном мире. Попытаемся проанализировать начальный этап разработки региональной стратегии НАТО в 1990-е гг. в контексте происходивших масштабных геополитических трансформаций в Европе и в мире, для того чтобы лучше понять, каким образом сложилась современная конфигурация Альянса.

Новая эпоха в международных отношениях, которая наступила после окончания холодной войны, поставила перед руководством Североат-

лантического альянса целый ряд фундаментальных вопросов, ответ на которые имел решающее значение для определения будущей конфигурации евроатлантической безопасности. И если главная дилемма, касавшаяся роспуска организации или продолжения ее деятельности в условиях исчезновения основного противника в лице Организации Варшавского договора, была успешно разрешена, и Альянс был сохранен в качестве военно-политического актора, то в отношении путей его возможного развития шли постоянные дискуссии.

Представители неореализма¹, предрекавшие в одно время даже скорый распад НАТО², полагали, что Альянс в новой геополитической реальности будет выполнять лишь вспомогательные функции и оказывать содействие другим международным институтам при проведении миротворческих операций. По их мнению, НАТО не смогла бы занять более выгодное положение в новой архитектуре международной безопасности, поскольку крушение биполярной системы неминуемо должно было привести к обострению противоречий между ведущими державами Запада и к борьбе за обеспечение собственных национальных интересов, что осложнило бы достижение консенсуса по общей повестке дня³. По мнению других авторов и, прежде всего, представителей неолиберального институционализма, Альянс должен был сосредоточиться на развитии военного сотрудничества с другими государствами, а также активно участвовать в миротворческих операциях, даже за пределами географической зоны ответственности⁴. Именно данный подход после определенных дискуссий был взят на вооружение НАТО и затем нашел отражение в практической деятельности организации. Однако сразу же стало понятно, что, выбрав подобный путь своего развития, НАТО должна была вступить в фазу кардинальных изменений.

В новых геополитических обстоятельствах руководству Альянса необходимо было не только существующим образом обновить философию евроатлантизма, казавшуюся незыблемой на протяжении нескольких десятилетий холодной войны, но и, что более важно, найти конкретные механизмы для реализации новых принципов военно-политической активности НАТО в пост-биполярном мире. Сделать это было не просто, поскольку военные организации в большинстве случаев являются достаточно консервативными структурами, и Североатлантический альянс не был исключением.

Для того чтобы приступить к кардинальным трансформациям, требовалось сначала произвести кадровые перестановки в организации, заменив «ястребов» холодной войны на более умеренных деятелей, и, главное, определить союзников и противников Альянса в новых геополитических реалиях. Выполнение этой задачи было связано, прежде всего, с изменением подхода НАТО к восприятию бывших коммунистических государств Европы, которые в начале 1990-х гг. вступили в

фазу ускоренной демократизации и экономической либерализации. Не везде этот процесс происходил бескровно, в частности, развал Югославии и декоммунизация возникших на ее обломках государств сопровождалась ростом националистических настроений и авторитаризма, что привело к возникновению целого ряда крупномасштабных военных конфликтов в этом регионе.

Для НАТО это был серьезный вызов, поскольку никому не было понятно, какой может и должна быть степень интеграции европейских постсоциалистических государств в евроатлантические структуры, и, самое главное, как реагировать на вспыхнувший на Балканах кризис. Ситуация казалась по-настоящему беспрецедентной, никогда ранее в истории ни один военно-политический союз не сталкивался с задачей выстроить отношения с целой группой государств, входивших в течение длительного периода времени в антагонистический блок и не потерпевших прямого военного поражения от этого союза.

С одной стороны, требовалось в максимально короткие сроки освоить обширное геополитическое пространство и заполнить «вакуум силы», образовавшийся после ухода СССР из Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, при этом спешка объяснялась опасениями возможной реинтеграции Советского Союза в случае прихода к власти в постсоветских республиках определенных политических сил. С другой стороны, необходимо было сохранить идеологическую монолитность и не допустить размывания евроатлантической идентичности в процессе углубления сотрудничества с постсоциалистическими государствами Европы.

Решение этих двух задач потребовало не просто принятия определенных тактических мер, а формирования стратегических механизмов, которые могли бы позволить осуществлять постоянный контроль над ситуацией в Европе. Руководство организации приступило к созданию подобных механизмов сразу же после окончания холодной войны, заложив в основу своей деятельности принцип регионализма, предполагавший сотрудничество не только с конкретными государствами, но и работу с целыми регионами, обладавшими определенной военно-политической, социально-экономической или культурной гомогенностью.

Если обратиться к более ранней истории, то стоит отметить, что в 1950–1980-е гг. в документах НАТО разделение Европы на регионы осуществлялось исключительно по географическому принципу. Это было оправданно, поскольку с геостратегической точки зрения существовало лишь два крупных региона: Западная Европа, за безопасность которой отвечал Альянс, и Восточная Европа, входившая в сферу геополитических интересов СССР.

При этом в различных частях Европы к началу 1980-х гг. оставались государства, не вошедшие ни

в один из двух блоков (на западе – Австрия, Ирландия, Лихтенштейн, Швейцария, на севере – Финляндия и Швеция, на юге – Албания (входила в ОВД с 1955 по 1968 г.), Андорра, Ватикан, Мальта, Монако, Сан-Марино и Югославия). Большинство этих стран в случае крупномасштабного военного конфликта между ОВД и НАТО либо постарались бы сохранить благожелательный нейтралитет для Североатлантического альянса, либо напрямую поддержали его, опасаясь советской угрозы. СССР и его союзники по ОВД могли рассчитывать, да и то лишь при определенных условиях, только на поддержку со стороны Албании и Югославии, а также на нейтральную позицию еще нескольких стран.

Стоит отметить, что помимо отдельных разведывательных операций на территории государств, не вошедших ни в один из двух блоков, и военно-технического сотрудничества с некоторыми из них, НАТО не реализовывала в их отношении определенной комплексной стратегии, основанной на учете региональной специфики. Вообще о региональной стратегии НАТО в период холодной войны можно говорить лишь как о наборе наиболее важных военных методов, которые планировалось использовать для противодействия оперативно-стратегическим объединениям Вооружённых Сил СССР, дислоцированным в государствах-участниках ОВД (Западная группа войск, Центральная группа войск, Северная группа войск, Южная группа войск) в случае начала крупномасштабного вооруженного конфликта.

В соответствии с осуществлявшимся стратегическим планированием каждое подразделение знало о том, какую задачу придется решать в боевых условиях и на каком участке фронта действовать. Политические же механизмы могли применяться лишь на определенном этапе военных действий, для того чтобы попытаться склонить одно или несколько государств-членов ОВД к сепаратному миру. Таким образом, в годы холодной войны региональной стратегии НАТО в современном понимании не существовало, поскольку целенаправленной работы с регионами не проводилось и, прежде всего, отсутствовал политический компонент, чрезвычайно важный в такой деятельности.

Ситуация в корне изменилась в конце 1980-х гг., когда в Восточной Европе развернулись стремительные процессы декоммунизации. В результате в восточноевропейских государствах к власти пришли прозападные политики, которые не были заинтересованы в продолжении существования ОВД. В этот переломный момент советское руководство не стало удерживать бывших союзников и не смогло предложить им альтернативную программу сотрудничества на новых условиях. В июле 1991 г. ОВД прекратила свое существование, а через несколько месяцев распался Советский Союз.

В новых геополитических реалиях пост-социалистические государства, в том числе и бывшие советские республики, стали заявлять о своих планах по интеграции в евроатлантические структуры⁵. Идеологом такой политики стал президент Чехословакии Вацлав Гавел, который в своей речи во время посещения штаб-квартиры НАТО в Брюсселе 21 марта 1991 г. отметил, что несмотря на то что в настоящий момент его страна не может стать полноправным членом Альянса, организация не должна закрывать двери для расположенных по соседству государств, разделяющих схожие ценности⁶. Кроме того, он предложил начать практическое сотрудничество между Чехословакией и НАТО в области безопасности, а также в сфере науки, информации и защиты окружающей среды⁷.

Эти события стали поводом для активизации Альянса на восточном направлении. Именно в 1990-е гг. началась разработка региональной стратегии НАТО, которая никогда не имела форму официального документа и, как следствие, не упоминалась в выступлениях первых лиц организации, но в течение практически четверти века неизменно выступала в качестве определенной системы методов работы НАТО с государствами из различных регионов, в том числе выходящих за географические рамки зоны ответственности Альянса. При этом в зону повышенного внимания организации еще в 1990-е гг. попала Восточная Европа, с которой и началось формирование региональной стратегии организации.

Те дискуссии о будущем Альянса, которые велись какое-то время, постепенно трансформировались в работу по подготовке аналитического и политического задела для осуществления действий по геополитическому реформатированию некогда монолитной Восточной Европы.

Для того чтобы выполнить эту сложную задачу, потребовалось разработать концепцию, объяснявшую разделение большой Восточной Европы на Центральную, Восточную и Юго-Восточную, и активно внедрить ее в общественное сознание, прежде всего, в самих постсоциалистических государствах с целью осуществления окончательной идеологической переориентации населения и предотвращения возможных попыток реинтегрировать общее культурно-историческое пространство бывшего социалистического лагеря.

Необходимо отметить, что подобные геополитические модели, предусматривавшие выделение в рамках региона Восточной Европы более мелких составных частей, конструировались еще представителями национальных школ геополитики в XIX–XX вв. (особенно активно шло обсуждение концепции Центральной Европы⁸). Однако тогда не было возможности реализовать их на практике, несмотря на постоянные перераспределения территорий и изменение их статуса по итогам развала империй, образования новых государств, крупномасштабных войн и революций.

В условиях окончания холодной войны, когда с международной арены исчез один полюс силы в лице СССР, у НАТО появилась уникальная возможность использовать теоретические наработки геополитиков в своей практической деятельности.

Таким образом, были созданы необходимые концептуальные основания, которые позволили провести искусственное разделение обширного региона Восточной Европы, обладавшего относительно высоким уровнем культурно-исторического, политического и социально-экономического единообразия, на три вышеобозначенных компонента: Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа. Эту готовую концепцию уже можно было использовать в конкретных геополитических проектах, в том числе при разработке и реализации региональной стратегии НАТО.

Как уже было отмечено ранее, вторым важным условием для разработки региональной стратегии НАТО на европейском направлении стала подготовка политического задела на будущее. Необходимо было сделать ряд важных заявлений идеологического характера на самом высоком уровне, для того чтобы продемонстрировать, прежде всего, лидерам постсоциалистических государств готовность Альянса к практическому сотрудничеству с ними по широкому кругу вопросов.

Одним из первых таких заявлений стало коммюнике Генерального секретаря НАТО М. Вёрнера от 14 декабря 1989 г., в котором он оценил происходившие в Центральной и Восточной Европе исторические изменения⁹. При этом было сказано, что все страны имеют право решать свои проблемы в ходе проведения реформ самостоятельно, но Альянс полагает, что сможет сыграть конструктивную роль в этом процессе, как в формате двусторонних отношений, так и на региональном уровне.

Крайне важным в идеологическом плане документом стала «Лондонская декларация» НАТО¹⁰, принятая 5 июля 1990 г. по итогам саммита глав государств и правительств стран-членов НАТО. В частности, в ней говорилось о готовности Альянса выстраивать партнерство со всеми государствами Европы и делалось предложение странам Центральной и Восточной Европы установить регулярные дипломатические контакты, а также интенсифицировать взаимодействие в военной сфере.

В заявлении «Партнерство со странами Центральной и Восточной Европы», принятом по итогам встречи Североатлантического совета на министерском уровне 7 июня 1991 г., Альянс еще раз обозначил свою поддержку двусторонним и региональным контактам, договорам и программам между странами-членами организации и государствами Центральной и Восточной Европы. На более высокий уровень должно было выйти сотрудничество НАТО с постсоциалистическими государствами согласно «Римской декларации»¹¹.

В частности, в документе говорилось о намерении Альянса развивать более институционализированное партнерство в форме консультаций и сотрудничества по вопросам политики и безопасности.

Именно в первые годы после окончания холодной войны были сформулированы негласные принципы интеграционной политики НАТО, которая стала неотъемлемым звеном региональной стратегии Альянса. Во-первых, в одну волну расширения НАТО попадают несколько государств из одного региона, обладающих относительно сходными характеристиками. Во-вторых, для успешной интеграции в организацию необходимо участие в программе «Партнерство ради мира». В-третьих, стране-кандидату требуется осуществлять активное сотрудничество с соседними государствами в рамках субрегиональных объединений, находящихся под непосредственным контролем НАТО. Апробация подобного подхода происходила на государствах – членах Вышеградской группы в 1990-е гг., и поскольку эксперимент оказался успешным, данные принципы стали базовыми элементами интеграционного компонента региональной стратегии НАТО.

Первые успехи в постбиполярном мире, достигнутые Альянсом в политическом диалоге и военно-техническом сотрудничестве с государствами Центральной и Восточной Европы, продемонстрировали руководству НАТО возможные пути эволюции организации. Стало понятно, что одним из направлений дальнейшей адаптации Альянса к новым геополитическим реалиям могла бы стать деятельность за пределами его географической зоны ответственности и, как следствие, постепенное превращение организации в глобального актора. Для такой траектории развития к тому времени сложились необходимые условия.

Глобализация, которая в 1990-е гг. при отсутствии жизнеспособных культурно-идеологических и социально-экономических альтернатив, стала развиваться исключительно по американскому сценарию, а также унилатерализм, ставший основным принципом внешней политики США, заложили мощный фундамент для трансформации НАТО. Появилась возможность не только транслировать однотипные культурные коды, поставлять на экспорт либеральные социально-экономические модели, но и формировать унифицированные стандарты безопасности. Североатлантический альянс, не встречая особых преград, начал постепенно глобализировать свою деятельность, навязывая все большему числу стран свое понимание международной и региональной безопасности. При этом, по мнению заведующего кафедрой регионального управления РАНХиГС В. В. Штоля, Альянс превращается в мощнейший военно-политический инструмент американоцентричной модели глобализации¹².

Как справедливо отмечают отдельные авторы в своих работах¹³, глобализации всегда сопутствует другой процесс – регионализация, т. е. укрепле-

ние экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион. Однако этот процесс лишь в идеале может быть объективным, т. е. происходящим в силу наличия интереса к сотрудничеству у всех региональных акторов, в реальности же им можно грамотно управлять, особенно если речь идет о небольших регионах, не обладающих серьезным конфликтным потенциалом. Именно принцип «управляемой регионализации» был положен в основу разработки региональной стратегии НАТО, поскольку Альянсу необходимо было скомпоновать государства в определенные группы, для того чтобы ускорить их переход на стандарты, принятые в организации, и тем самым повысить их управляемость. При этом внешне все могло выглядеть как желание НАТО обеспечить безопасность государств, разделяющих демократические ценности и стремящихся создать региональное объединение. Примером могут послужить Вышеградская группа, Группа Балтийской хартии, Вильнюсская группа, а также Группа Адриатической хартии, которые действовали под эгидой США и НАТО.

На наш взгляд, руководство НАТО еще в 1990-е гг. осознало взаимозависимость между процессами глобализации и регионализации и попыталось извлечь собственную выгоду из их комбинирования. В итоге региональная стратегия, позволившая достигнуть серьезных успехов в военно-политической сфере в различных регионах, стала необходимым условием для глобальной деятельности НАТО.

Завершением первого этапа разработки региональной стратегии НАТО стало формирование механизма партнерств по региональному признаку. Первым из них стала программа «Партнерство ради мира», образованная 14 января 1994 г. решением глав государств и правительств стран – членов НАТО на заседании Североатлантического совета¹⁴. В нее вошли европейские государства, не являвшиеся членами Альянса, а также бывшие советские республики, в том числе страны Центральной Азии и Южного Кавказа. Программа с самого начала была ориентирована на углубленное военно-техническое сотрудничество различных государств и НАТО, а также на налаживание политического диалога между ними¹⁵, поэтому именно государства – участники «Партнерства ради мира» затем становились полноправными членами организации, поскольку оказывались более подготовленными к этому и отвечали географическим критериям, обозначенным в Североатлантическом договоре.

Однако не только непосредственное геополитическое окружение в свете набиравшего ход процесса евроатлантической интеграции вызывало интерес у руководства НАТО. Все большее внимание, начиная с войны в Персидском заливе, уделялось региону Ближнего Востока и Северной Африки, богатого углеводородами и

политически нестабильного. Еще в Стратегической концепции НАТО 1991 г. было сказано о том, что «стабильность и мир в странах южной периферии Европы важны для безопасности Альянса»¹⁶. Географически этот регион нельзя было отнести к зоне ответственности Альянса, и для того чтобы подготовиться к его геополитическому реформатированию, которое активно началось лишь в 2000-е гг., требовалось создать здесь институализированную сеть партнерства из традиционных союзников, оставшихся со времен холодной войны.

Функции подобной партнерской сети были возложены на программу «Средиземноморский диалог», которая была запущена также в 1994 г.¹⁷ Ее участниками стали Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. С самого начала особое значение в практическом сотрудничестве Альянса с государствами данного региона уделялось вопросам взаимодействия ВМС стран НАТО с национальными вооруженными силами средиземноморских стран, поскольку для установления геополитического контроля НАТО на Ближнем Востоке и в Северной Африке необходимо обеспечить полное доминирование в Средиземном море и использование транспортной инфраструктуры прибрежных государств в своих целях. Это обстоятельство делает «Средиземноморский диалог» важнейшим элементом региональной стратегии НАТО на данном направлении.

Запуск такого формата сотрудничества с крупными регионами, как институализированные партнерские программы позволил создать определенную конкуренцию между государствами за военно-техническую помощь НАТО, что ослабляло их переговорную позицию по другим вопросам и заставляло идти на компромиссы. Подготовка офицерских кадров, а также гражданских специалистов в рамках образовательных программ только усиливала зависимость стран от Альянса. Как показал опыт проведения миссий и операций НАТО в 1990–2000-е гг., наличие механизма партнерских сетей позволяло более быстрыми темпами формировать необходимую инфраструктуру на территории государств, прилегающих к зоне боевых действий, что способствовало существенному снижению транспортных издержек. В целом при помощи механизма партнерств создавалась своего рода сетевая структура дружественных или готовых к конструктивному диалогу стран, многие из которых затем стали членами НАТО или же превратились в проводников геополитических интересов Альянса в регионах, расположенных далеко от зоны географической ответственности организации.

Важным событием, внесшим серьезные коррективы в процесс разработки региональной стратегии НАТО в 1990-е гг., стали войны, вспыхнувшие на Балканах. Казалось, это была единственная непосредственная опасность для НАТО в тот период, поскольку существовала

угроза экспорта нестабильности на территорию государств – членов Альянса, к тому же непрерывающийся поток беженцев, направившихся в благополучные страны Европы, и прежде всего в Германию, мог создать серьезные проблемы в сфере экономики и безопасности. Тем не менее стало ясно, что дестабилизация Балкан дает возможность использовать силовые инструменты для установления собственного геополитического доминирования в регионе под видом участия в миротворческих операциях.

Первое обозначение позиции НАТО по югославскому вопросу было сделано в форме пресс-релиза «Ситуация в Югославии», опубликованного 8 ноября 1991 г.¹⁸ Однако в нем содержались лишь оценки происходивших событий, но не конкретные предложения по урегулированию кризиса. Начавшаяся в Боснии и Герцеговине война в 1992 г. заставила руководство Альянса приступить к решительным действиям. В частности, была обозначена готовность оказывать поддержку миротворческой деятельности СБСЕ¹⁹. В 1992 г. ВМС НАТО приступили к патрулированию в водах Адриатического моря, а авиация Альянса взяла на себя функции гаранта режима «бесполетной зоны» над Боснией и Герцеговиной. Кульминацией практических усилий НАТО на боснийском направлении в этот период стало проведение операции «Преднамеренная сила» в 1995 г., изменившей баланс сил в регионе. Таким образом, НАТО продемонстрировала, что для реализации своей региональной стратегии на Балканах она готова использовать не только политические, но и силовые методы. Именно сочетание военного и политического компонента в форме активной интеграционной политики в дальнейшем станет отличительной особенностью балканской региональной стратегии НАТО.

Подводя итог, стоит отметить, что к 1995 г. завершился первый этап разработки региональной стратегии НАТО, который совпал по времени с кардинальными изменениями в системе международной безопасности и масштабными геополитическими трансформациями, прежде всего в Европе. В этот период были выработаны основные подходы к работе в различных регионах, а также начался процесс формирования системы партнерств, которые станут в дальнейшем важнейшим инструментом региональной стратегии НАТО, а также проводником его глобальной политики.

Примечания

- ¹ *Mearsheimer J.* Back to the Future? Instantly in Europe after the Cold War // *Intern. Security*. Summer 1990. Vol. 15, № 1. P. 5–56.
- ² U. S. Congress, Senate, Relations in a Multipolar World, Hearings before the Committee on Foreign Relations, 102nd Cong., 1st sess., 26, 28, and 30 November 1990. (Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 1991). 210.

- ³ *Hellmann G., Wolf R.* Neorealism, Neoliberal Institutionalism, and the Future of NATO // *Security Studies*. 1993. Vol. 3(1). P. 17–18.
- ⁴ *Sloan S.* NATO's Future : beyond Collective Defense. Washington, DC : Institute for National Strategic Studies, National Defense University: Supt. of Docs., U.S. G.P.O. [distributor], 1995. P. 2.
- ⁵ Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration. URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412> (дата обращения: 05.10.2015).
- ⁶ Václav Havel Speech at NATO Headquarters, Brussels, March 21, 1991 // NATO, Europe and the Security of Democracy – Václav Havel Selected Speeches, Articles, and Interviews 1990–2002 / ed. by Luboš Dobrovský. Washington, 2002. P. 29.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin., 1915. 299 S.
- ⁹ Final Communiqué Chairman : Manfred Wörner 14.12.1989. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23540.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁰ Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹¹ Declaration on Peace and Cooperation. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹² *Штоль В. В.* Трансформация Североатлантического альянса в условиях глобализации // *Обозреватель-Observer*. 2003. № 11. С. 57.
- ¹³ *Ратленд П.* Глобализация и посткоммунизм // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 4. С. 15.
- ¹⁴ The Partnership for Peace programme. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50349.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁵ Partnership for Peace : Framework Document. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24469.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁶ The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁷ NATO Mediterranean Dialogue. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_60021.htm? (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁸ The Situation in Yugoslavia. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23849.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁹ Final Communiqué of the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23983.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).

УДК 94 (4+470+571+5)

ВНЕШНИЙ КОНТУР ЕАЭС: ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ И ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М. В. Лапенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: lapenkotv@mail.ru

В условиях мирового экономического кризиса, общей геополитической нестабильности только углубление экономического партнёрства способно стабилизировать и ускорить развитие стран евразийского пространства. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) успешно прошел этап становления как международной региональной организации, получил международную правосубъектность и на данном этапе наиболее актуальная задача – это развитие сотрудничества Евразийского экономического союза с третьими странами и интеграционными объединениями. В статье дается анализ возможных вариантов и форм взаимодействия ЕАЭС с внешними партнерами.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), евразийская интеграция, региональная интеграция.

The External Contour of the EAEU: the Potential for Enlargement and the Search for Optimal Mechanisms of Interaction

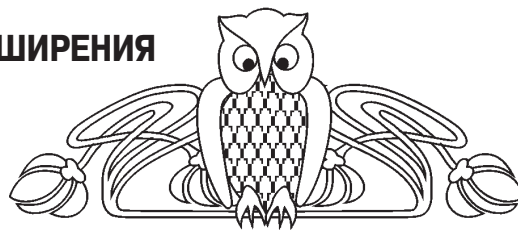
M. V. Lapenko

In the context of the global economic crisis, general geopolitical instability – only a deepening economic partnership is able to stabilize and speed up the development of the countries of the Eurasian space. The Eurasian Economic Union (EAEU) has successfully passed the stage of development as international and regional organization, has gained international legal personality and at this stage the most urgent task is the development of cooperation between the Eurasian Economic Union and third countries and integration associations. This article provides an analysis of possible variants and forms of interaction between the EAEU and external partners.

Key words: Eurasian Economic Union (EAEU), Eurasian integration, regional integration.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-71-76

29 мая текущего года исполнился год с момента подписания договора о Евразийском экономическом союзе, и за этот год проделана огромная работа по началу функционирования новой региональной экономической организации, выработке основных направлений взаимодействия ЕАЭС и внешних партнеров. Расширился первоначальный состав Союза (2 января 2015 г. Армения стала полноправным членом ЕАЭС, 12 августа 2015 г. – Кыргызстан), а также обозначился «внешний контур» ЕАЭС – система отношений с внешними партнерами. В соответствии с Договором от 29 мая 2014 г. Евразийский экономический союз имеет право осуществлять международную

деятельность в пределах своей компетенции, направленную на решение задач организации.

В рамках международной деятельности Союз имеет право осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Порядок осуществления ЕАЭС международного сотрудничества устанавливается решением Высшего Евразийского экономического совета.

На данный момент интерес к сотрудничеству с ЕАЭС проявили не только страны постсоветского пространства, но и дальше зарубежье. Именно поэтому в настоящее время на повестке дня ЕАЭС стоит вопрос о механизмах взаимодействия с внешними партнерами. Какие же существуют оптимальные формы взаимодействия?

Первый вариант – это расширение состава участников. Путь, который прошел Европейский союз, который потребовал выработки определенных критериев и процедуры вступления (в ЕС – это Копенгагенские критерии). Этот вариант рассматривается и в ЕАЭС. В настоящий момент анализируется возможность вступления Таджикистана¹.

Второй вариант – это создание зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и внешними партнерами или выстраивание особых партнерских отношений между ЕЭК и правительствами третьих стран для расширения экономического сотрудничества.

Современные соглашения о свободной торговле нацелены на создание благоприятных условий для дальнейшего развития и углубления торгово-экономического сотрудничества. Помимо классических вопросов либерализации торговли товарами через снижение таможенных пошлин такие соглашения могут включать и другие аспекты, такие, например, как развитие трансграничной торговли услугами, обеспечение необходимой защиты и поощрения капиталовложений и взаимную инвестиционную деятельность.

По словам премьер-министра России Дмитрия Медведева, около 40 государств хотят провести переговоры по аналогичному сотрудничеству с Евразийским экономическим союзом. При этом есть уже сейчас позитивные примеры такого рода сотрудничества.

25 мая 2015 г. между Вьетнамом и ЕАЭС было подписано Соглашение об образовании

зоны свободной торговли с целью увеличения товарооборота и улучшения торгово-экономических отношений между сторонами. Соглашение стало первым международным документом о зоне свободной торговли между ЕАЭС и третьей страной. Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Виктор Христенко назвал подписание данного документа историческим актом². Создание зоны свободной торговли позволит установить более либеральные правила в торговле и увеличить товарооборот.

Помимо Вьетнама в переговорный процесс с Евразийским экономическим союзом включились и другие государства. Например, приняты решения о создании совместных исследовательских групп по изучению целесообразности заключения соглашения о зоне свободной торговли с Израилем, Индией и Египтом. В состав таких групп входят представители заинтересованных ведомств сторон и профильных департаментов Комиссии³.

Переговорный процесс с Израилем был запущен еще в период функционирования Таможенного союза. 18 марта 2014 г. министр по торговле Евразийской экономической комиссии Андрей Слепнев и министр экономики Израиля Нафтали Беннет анонсировали в Иерусалиме начало работы совместной исследовательской группы (СИГ) по изучению целесообразности заключения соглашения о свободной торговле между Таможенным союзом и Государством Израиль.

«Задача исследовательской группы – провести глубокий системный анализ перспектив создания зоны свободной торговли между нашими странами. Группа должна определить, какие вопросы такое соглашение может охватывать, и наметить возможные подходы к взаимовыгодному урегулированию чувствительных вопросов для конкретных отраслей, – прокомментировал итоги встречи Андрей Слепнев.

Не менее активно развивается и переговорный процесс между ЕАЭС и Египтом. 15 июля прошлого года в Евразийской экономической комиссии состоялась встреча председателя Коллегии ЕЭК Виктора Христенко с послом Арабской Республики Египет в Российской Федерации Мохамедом Абдельсаттар Эльбадри, в ходе которой обсуждались перспективы развития торгово-экономического сотрудничества между странами создаваемого Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Египтом⁴.

Вторая важная встреча состоялась в ЕЭК 15 сентября председатель Коллегии ЕЭК Виктор Христенко и член Коллегии (министр) по торговле Андрей Слепнев приняли делегацию Арабской Республики Египет в составе которой были представлены: министр торговли, промышленности и малого бизнеса Мунир Фахри Абдельнур, посол страны в Российской Федерации Мохамед Абдельсаттар Эльбадри и полномочный министр, директор Торгового представительства Мохамед Ахмед Абделаазиз Дауд. В ходе встречи стороны

обсудили потенциал торгово-экономического сотрудничества, а также различные форматы по развитию экономического сотрудничества⁵.

Механизм выстраивания особых партнерских отношений между ЕЭК и правительствами третьих стран для расширения экономического сотрудничества может работать и на основе такого типа документов, как Меморандум о сотрудничестве. В настоящий момент пример такого взаимодействия также уже есть в практике международного сотрудничества ЕАЭС. 17 июня 2015 г. в штаб-квартире Евразийской экономической комиссии был подписан Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и правительством Монголии.

Документ должен содействовать развитию всестороннего сотрудничества между государствами-членами Евразийского экономического союза и Монголией, повышению эффективности взаимной торговли и реализации мер, направленных на устранение барьеров, препятствующих увеличению товарооборота, росту деловой активности. Председатель Коллегии ЕЭК Виктор Христенко заявил, что «стороны заключили Меморандум, стремясь к открытию новых перспектив торгово-экономического сотрудничества между государствами-членами ЕАЭС и Монголией».

Меморандум предусматривает формирование рабочей группы по взаимодействию между Евразийской экономической комиссией и Правительством Монголии с целью развития диалога и проработки комплекса вопросов взаимного сотрудничества⁶.

На площадке Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) состоялось несколько принципиальных решений по развитию внешнего контура ЕАЭС.

18 июня председатель Коллегии ЕЭК Виктор Христенко обсудил развитие сотрудничества ЕАЭС и Индии с министром промышленности и торговли Индии Нирмалой Ситхараман. В ходе встречи стороны рассмотрели перспективы работы Евразийской экономической комиссии и индийской стороны по вопросу изучения целесообразности заключения Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Индией. Также в рамках ПМЭФ было объявлено о начале работы совместной исследовательской группы (СИГ) по изучению целесообразности заключения Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Индией⁷.

Министр сельского хозяйства Индии Муханбхай Кундария считает, что Соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом откроет для Индии новые рынки, поэтому нужно ускорить его принятие. «Индия очень желает добиться соглашения о свободной торговле, так как оно открывает новые рынки в странах ЕАЭС. Нам нужно ускорить это (принятие соглашения)», – прокомментировал индийский министр позицию Индии в интервью агентству Sputnik.

«Мы уже сформировали совместную рабочую группу. Теперь мы хотим присоединиться к исследовательской группе для быстрой работы по разрешению вопросов с целью быстрого достижения договоренности о свободной торговле», – также отметил индийский министр⁸.

В рамках Петербургского международного экономического форума также был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Чили⁹.

Меморандум о взаимопонимании направлен на развитие экономического сотрудничества между странами ЕАЭС и Республикой Чили, а также взаимодействия в таких направлениях, как: региональная экономическая интеграция, техническое регулирование, стандартизация, финансы, транспорт, энергетика, промышленная кооперация, развитие агропромышленного комплекса и другие. Меморандум также предусматривает формирование совместной комиссии по взаимодействию между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Чили с целью развития диалога и проработки вопросов сотрудничества, относящихся к сфере компетенций ЕЭК. Подписание данного документа является знаковым с точки зрения выстраивания системной работы ЕЭК и со странами Латиноамериканского региона.

6 октября 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Перу. Республика Перу стала уже вторым государством Латинской Америки, которое заключило Меморандум о взаимопонимании с Евразийской экономической комиссией. Это свидетельствует о растущем интересе стран Латиноамериканского региона к евразийскому интеграционному проекту и более тесному взаимодействию с Евразийской экономической комиссией.

Меморандум предполагает создание механизма консультаций в рамках совместной рабочей группы по экономическому взаимодействию сторон. *«Наша главная задача – способствовать росту товарооборота между государствами-членами ЕАЭС и Перу и обеспечить максимально комфортные условия для прямого взаимодействия деловых кругов»*, – заявила член Коллегии (министр) по основным направлениям интеграции и макроэкономике Татьяна Валова в ходе пресс-конференции по итогам церемонии подписания Меморандума¹⁰.

Третий вариант (механизм взаимодействия) – это выстраивание особых партнерских отношений между интеграционными объединениями.

Рассматривая перспективы развития взаимоотношений ЕАЭС с международными интеграционными объединениями, необходимо отметить позитивные перспективы развития сотрудничества с такими партнерами, как Европейский

союз (ЕС), Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Существуют реальные возможности установления постоянного взаимодействия с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Сотрудничество с данными партнерами планируется формализовать за счет заключения меморандумов о взаимопонимании, в рамках которых в дальнейшем могут быть развиты регулярные диалоги по торгово-экономическим вопросам. За счет данных инструментов появятся новые эффективные возможности продвижения интересов бизнеса ЕАЭС на внешних рынках, новые площадки для формирования деловых контактов и взаимовыгодного сотрудничества.

Одним из ключевых интеграционных объединений, с которым предстоит взаимодействовать ЕАЭС – Европейский союз (ЕС). Сотрудничество с ЕС является важной целью реализации евразийской интеграции и формирования ЕАЭС как конкурентоспособного союза, а в перспективе и создание платформы для построения новой, равновесной экономической системы на континенте. Перспектива развития взаимоотношений по линии ЕС – ЕАЭС на теоретическом уровне рассматривается как *«интеграция интеграций»*.

В последнее время, несмотря на сложные отношения и санкционный режим, ряд европейских чиновников уже заявил о возможности сотрудничества между ЕС и ЕАЭС.

Впервые о возможности создании зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС заявила Ангела Меркель, Канцлер ФРГ, еще в конце 2014 г., считая, что такое решение могло бы снять вопросы технического характера между Россией и Украиной, подписавшей соглашение о зоне свободной торговли с ЕС. *«Перспектива большой зоны свободной торговли с Россией важна и для нас»*, – еще раз подчеркнула А. Меркель на экономическом форуме в городе Штральзунде.

В свою очередь, члены Евразийской экономической комиссии высоко оценивают важность сотрудничества ЕС и ЕАЭС. Так, например, в рамках VIII Астанинского экономического форума (21 мая т. г.) состоялась панельная дискуссия «Векторы развития евразийской интеграции в глобальном контексте», где обсуждались перспективы развития евразийской экономической интеграции в контексте мирового интеграционного тренда с учетом опыта и достижений ведущих региональных интеграционных объединений мира.

Татьяна Валова, министр ЕЭК по основным направлениям интеграции и макроэкономике, отметила важность начала функционирования Евразийского экономического союза и становления ЕАЭС как части современной мировой архитектуры, в основе которой – формирование региональных интеграционных объединений и налаживание экономического партнерства между ними. *«Сегодня важно говорить как о вопросах*

внутренней повестки нашего объединения, так и о налаживании диалога с партнерами, представляющими другие региональные интеграционные объединения», – подчеркнула министр ЕЭК¹¹.

В рамках того же форума состоялись двусторонние переговоры Татьяны Валовой с г-жей Мартой Барсеной Коки (послом Мексики в Турции и послом в Казахстане по совместительству), в ходе которых обсуждались направления развития двусторонних взаимоотношений государств – членов Евразийского экономического союза и стран – участниц Тихоокеанского альянса, а также возможность подписания Меморандума о сотрудничестве между двумя интеграционными блоками¹².

Помимо Европейского союза также возможно установление особых отношений между ЕАЭС и АСЕАН (Ассоциацией Юго-Восточной Азии), которое в дальнейшем может дать выход на Восточноазиатское сообщество и Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС).

Перспективным может стать сотрудничество между ЕАЭС и Союзом южноамериканских наций (УНАСУР) для установления особых отношений со странами Южной Америки; между ЕАЭС и Африканским союзом, а также такими субрегиональными группировками, как Сообщество развития Юга Африки (САДК) и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) с целью развития сотрудничества со странами Африканского континента.

Если говорить о Китае, то с весны этого года начался переговорный процесс по торгово-экономическому соглашению ЕАЭС и Китая, а также научно-исследовательская работа по изучению возможности «сопряжения» проекта строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).

Этот термин впервые появился в «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути», подписанном 8 мая 2015 г. Президентом России В. В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином.

В июне т. г. президент РФ В. В. Путин на Петербургском экономическом форуме объявил о готовности включиться в интеграционный проект Пекина. «Двусторонний аспект – это чрезвычайно важно для Китая и России, потому что позволяет объединять наши усилия в высокотехнологичных сферах, в транспорте, в инфраструктуре. Для нас это важно, потому что мы рассчитываем, что это позволит нам развивать Дальний Восток», – подчеркнул Президент РФ.

С момента подписания совместного заявления представители государств-участников ЕАЭС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) не раз проводили совещания, семинары, конференции как в двусторонних, так и много-

сторонних форматах, для выработки конкретных мер по сопряжению двух интеграционных проектов – ЕАЭС и ЭПШП, такие, например, как II Пекинский международный экономический форум ВЕЕФ-2015 (г. Пекин, 4–5 сентября 2015 г.), II Международный культурный форум Шелкового пути (г. Москва 13–15 сентября 2015 г.), IV международный форум «Евразийская экономическая перспектива» (г. Астана, 6 октября 2015 г.) и другие.

Еще одной формой взаимодействия (**четвертый вариант**) между ЕАЭС и внешними партнерами может стать принцип установления особых отношений без членства и строгих обязательств по зоне свободной торговли. Такой механизм апробирован и успешно действует в Юго-Восточной Азии. Данный опыт нашел обобщение в теории открытого, или просвещенного, регионализма.

Не расширяя своего состава, Ассоциация Юго-Восточной Азии (АСЕАН) создала широкие региональные и межрегиональные структуры сотрудничества на основе принципа концентрических кругов особых отношений.

Первый – самый узкий, внутри группировки – это отношения 10 стран, второй – более широкий – по линии отношений в формате АСЕАН+3 (Китай, Япония и Южная Корея), еще более широкий в формате формирующегося Восточноазиатского сообщества АСЕАН+6 (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия), и, наконец, самый широкий круг, который включает все страны АТЭС. В данной схеме выстраивания отношений присутствует четкая логика: наращивая усилия по сотрудничеству внутри АСЕАН, эта интеграционная группировка может эффективно вступать в более широкие региональные объединения, а те, в свою очередь, могут содействовать продвижению интересов АСЕАН и усиливать сотрудничество стран-членов на глобальном и региональном уровнях¹³.

Каким образом можно использовать опыт АСЕАН для Евразийского экономического союза?

Данный механизм возможно выстроить в рамках внешнего контура ЕАЭС. Первый, к примеру, ЕАЭС+3 (Турция, Азербайджан, Иран). Для Анкары укрепление сотрудничества с ЕАЭС является весьма значимым, учитывая несостоявшуюся интеграцию с Европейским Союзом, а также стремление стать региональным лидером и играть более значимую роль на евразийском пространстве. Многие страны ЕАЭС также заинтересованы в установлении партнерских отношений с Турцией. Казахстан как тюркоязычное государство имеет тесные связи с Турецкой Республикой, между ними сложились доверительные отношения, и нет каких-либо острых противоречий.

Помимо этого, Российская Федерация, заключив в январе 2015 г. соглашение о строительстве «Турецкого потока», также укрепила свои отношения с этим государством. В перспективе Турция может стать важным звеном в развитии

отношений ЕАЭС – ЕС. Партнерские отношения между ЕАЭС и Турцией также создадут благоприятную почву для возможных форм сотрудничества с Азербайджанской Республикой, нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией.

Что касается Ирана – то это также перспективный внешний партнер, особые отношения с которым создадут предпосылки для активизации экономического сотрудничества.

В целом установление особых отношений между ЕАЭС и такими мощными региональными игроками, как Турция и Иран, принципиальным образом изменит расстановку сил не только в регионе, но и в мире.

Второй возможный формат взаимодействия: ЕАЭС+6 (Турция, Азербайджан, Иран, Китай, Индия, Бразилия). Данный формат позволит расширить сферу влияния ЕАЭС, использовать преимущества ШОС и БРИКС. При этом в рамках такого формата ЕАЭС-страны смогут сохранить самостоятельность и интегрироваться только в тех сферах, где есть выгода.

Возможные формы сопряжения синергетического эффекта от реализации интеграционных инициатив ЕАЭС и ШОС обсуждались в рамках Петербургского международного экономического форума.

Как отметила Карине Минасян, министр ЕЭК, «ШОС – это ближайший географический сосед ЕАЭС. Более того, Россия, Казахстан и Кыргызстан являются участниками обоих интеграционных объединений, а Беларусь и Армения стремятся упрочить свои контакты с ШОС». «У ЕАЭС и ШОС широкие перспективы для сотрудничества, – уверена Карине Минасян, – тем более, многие цели объединений совпадают: создание более эффективной инфраструктуры, развитие транспорта, инвестиций, снятие барьеров на пути движения товаров и услуг, совершенствование таможенных процедур, сближение правил технического регулирования и т. д.»¹⁴.

Особые формы взаимодействия с Индией и Китаем также важны в силу того, что данные региональные лидеры имеют собственные модели реализации проекта Шелкового пути, и для ЕАЭС необходимо сопряжение данных интеграционных проектов и формирование общих подходов к развитию инфраструктурных инициатив в Евразийском регионе.

Также важен и синергетический эффект от объединения потенциала ЕАЭС и БРИКС с учетом имеющегося у группировки политического, финансового, торгового и инфраструктурного взаимодействия.

И наконец, глобальная задача ЕАЭС в рамках данного варианта внешнего сотрудничества – это широкий круг взаимодействия, который бы включал все страны Евразии (например, в формате Большого евразийского сообщества) и был способен конкурировать с такими геополитическими проектами, как Трансатлантическое торговое и ин-

вестиционное партнерство и Транс-Тихоокеанское партнерство, а в итоге противостоять попыткам установления однополярного мира и гегемонии США. В своих программных заявлениях лидеры Евразийской тройки рассматривали Евразийский экономический союз не только как глобальный конкурентоспособный союз, но и как новый геополитический проект и составную часть нового мирового порядка. Перспектива создания Большого евразийского сообщества способна реализовать данную цель.

Таким образом, развитие ЕАЭС не стоит на месте. Данное объединение является привлекательным для многих государств на евразийском пространстве. Увеличение числа участников Евразийского экономического союза повышает его авторитет на международной арене, а особые формы сотрудничества могут сделать его конкурентоспособным интеграционным образованием.

Примечания

- 1 Подписаны документы о присоединении Кыргызстана к ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/08-05-2015-3.aspx> (дата обращения: 10.10.2015).
- 2 По итогам второго заседания Евразийского межправительственного совета подписано Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2015-5.aspx> (дата обращения: 10.10.2015).
- 3 Евразийская экономическая комиссия представила итоги работы за 2014 год и планы на 2015 год. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-06-2015-1.aspx> (дата обращения: 10.10.2015).
- 4 Состоялась встреча Председателя Коллегии ЕЭК Виктора Христенко с Послом Египта в России Мохамедом Абдельсаттар Эльбадри. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/098765.aspx> (дата обращения: 20.08.2015).
- 5 ЕЭК приняла делегацию Арабской Республики Египет. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-09-2014-3.aspx> (дата обращения: 25.09.2015).
- 6 Подписан Меморандум о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Правительством Монголии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-06-2015-2.aspx> (дата обращения: 20.06.2015).
- 7 Председатель Коллегии ЕЭК Виктор Христенко обсудил развитие сотрудничества ЕАЭС и Индии с министром промышленности и торговли Индии Нирмалой Ситхараман. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-06-2015-6.aspx> (дата обращения: 20.06.2015).
- 8 Индия желает ускорить переговоры о свободной торговле с ЕАЭС. URL: <http://ria.ru/economy/20151009/1299352632.html#ixzz3o57gcur> (дата обращения: 20.08.2015).

- ⁹ Подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Чили. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-06-2015-3.aspx> (дата обращения: 20.06.2015).
- ¹⁰ Министр ЕЭК Татьяна Валова подписала Меморандум о взаимопонимании с Правительством Республики Перу. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/07-10-2015-6.aspx> (дата обращения: 08.10.2015).
- ¹¹ Министр ЕЭК Татьяна Валова: «Для интеграционных объединений важно наладить диалог друг с другом». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/26-05-2015-7.aspx> (дата обращения: 20.08.2015).
- ¹² Министр ЕЭК Татьяна Валова и представитель Тихоокеанского альянса Марта Барсена Коки обсудили возможность подписания Меморандума о сотрудничестве. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/26-05-2015-6.aspx> (дата обращения: 20.08.2015).
- ¹³ Подробнее см.: *Васильев Л. Е.* АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М., 2010. С. 3–10.
- ¹⁴ Министр ЕЭК Карине Минасян : «Развитие цифрового пространства стран ЕАЭС и ШОС открывает совершенно новое направление для сотрудничества». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-06-2015-1.aspx> (дата обращения: 20.08.2015).

УДК [94:329.12:327](470)

РПР-ПАРНАС И СИРИЙСКИЙ КРИЗИС

Д. В. Редченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: engels-volga@yandex.ru

Статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных внешнеполитическим взглядам российской оппозиции. В этот раз речь пойдет об одной из самых заметных отечественных праволиберальных партий – РПР-ПАРНАС. В статье анализируется видение этой частью оппозиционных либералов основных причин, важнейших событий и наиболее вероятных перспектив гражданской войны, идущей с 2011 г. в Сирии. Особое место при этом отводится оценкам деятелями, входящими в РПР-ПАРНАС, роли России в сирийском кризисе.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика России, российская либеральная оппозиция, РПР-ПАРНАС, сирийский кризис.

RPR-PARNAS and the Syrian Crisis

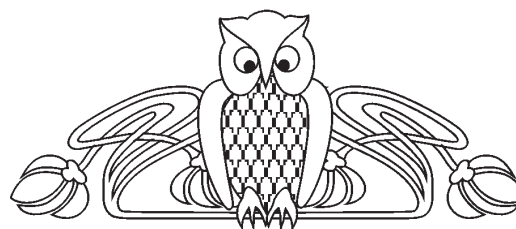
D. V. Redchenko

The article continues the cycle of publications devoted to views on foreign policy of the Russian opposition. This time it will be about one of the most notable Russian right-wing liberal parties RPR-PARNAS. The article analyzes the vision this part of the opposition liberals the main causes, major events and the most probable perspectives of the civil war, ongoing since 2011 in Syria. A special place is given to their estimates of Russia's role in the Syrian crisis.

Key words: international relations, foreign policy of Russia, Russian liberal opposition, RPR-PARNAS, Syrian crisis.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-76-79

Политическая партия РПР-ПАРНАС, позиционирующая себя в качестве ведущей силы российской либеральной оппозиции, конституировалась совсем недавно, и лишь в мае 2012 г. была официально зарегистрирована Минюстом России. При этом вместо своего организационного укрепления, партия за прошедшие несколько лет лишилась почти всех своих лидеров и во многом утратила заложенный в ней потенциал. Еще в ходе органи-

зационного строительства ее ряды покинул Владимир Милов, затем в феврале 2014 г. из партии была выдвинута группа Владимира Рыжкова, наконец, 28 февраля 2015 г. был убит, пожалуй, самый яркий политик, входивший в РПР-ПАРНАС, Борис Немцов. Тем не менее оставшиеся парнасовцы во главе с Михаилом Касьяновым по-прежнему демонстрируют оппозиционный задор и стараются формулировать свои позиции по самому широкому кругу проблем, включая международные. В этой связи любопытно проанализировать отношение отечественных оппозиционных либералов к опыту «арабской весны» на Ближнем Востоке как новому варианту экспорта США западных ценностей, приобретшего в Сирии форму долгой и до сих пор неоконченной гражданской войны.

События в Сирии действительно очень скоро привлекли внимание российских оппозиционеров. В самом РПР-ПАРНАС объясняют это тем, что «сирийский кризис не является «частным случаем», – он определит во многом будущий миропорядок (или беспорядок). Столкновение между Свободным Миром, возглавляемым западными демократиями, и тоталитарным (авторитарным) интернационалом во главе с Китаем, Россией, Ираном, Сирией и Северной Кореей проявляется на настоящем этапе именно в сирийском кризисе»¹. При этом парнасовцы убеждены в том, что «если Запад проиграет эту войну в Сирии, то это приведет к катастрофическим последствиям. Тоталитарные и авторитарные режимы и диктаторы поднимут голову, ибо будут знать, что неотвратимости наказания за их преступления больше не существует»².

Как считают члены ПАРНАСа, именно Россия, выступающая «могущественным покровителем» всех прочих «репрессивных режимов»,

широко использует имеющееся у нее в СБ ООН право вето как своего рода индульгенцию в отношении преступлений стран-изгоев³. По мнению единоличного ныне председателя РПР-ПАРНАС Михаила Касьянова, это право российское правительство не «заработало», а получило «по наследству от Советского Союза» и использует его, так же как и СССР, неправильно, совсем не так, как требуется для поддержания и установления глобального мира в XXI веке⁴. По словам Касьянова, применив право вето в Совбезе ООН 4 февраля 2012 г., «российское руководство в очередной раз противопоставило себя цивилизованному миру, безответственно встав на защиту преступного сирийского режима, систематически применяющего оружие против мирных граждан своей страны и уже уничтожившего десятки ни в чем не повинных людей»⁵.

Спустя полтора года, 2 сентября 2013 г., подтверждая данную оценку российской политики в сирийском вопросе, другой парнасовец Александр Завесов записал в своем блоге: «Уже почти два года продолжается политическое и военное противостояние между сирийской оппозицией и режимом Асада. Россия и Китай осуществляют политическую и военную поддержку сирийскому режиму, в том числе блокируя в СБ ООН любые действия мирового сообщества по прекращению гражданской войны в Сирии». После чего, оставя Китай за скобками, Завесов делал вывод, что «ответственность за гуманитарную катастрофу в Сирии несет, в первую очередь, российский политический режим и персонально, лидер этого режима, подполковник Путин»⁶. В более мягком варианте это обвинение в тот же день было озвучено в эфире «Радио Свобода» Михаилом Касьяновым: «То, что происходит сегодня в Сирии и возможное дальнейшее ухудшение состояния Ближнего Востока – это ответственность Российской Федерации в том числе»⁷.

Катастрофические для Сирии и Ближнего Востока в целом последствия такой политики Кремля, по мнению парнасовцев, должны были очень скоро привести к краху позиций самой России в регионе. Так, один из сопредседателей РПР-ПАРНАС Борис Немцов, находясь в Канаде и общаясь с местными СМИ, заявил, что «Россия со своим вето в Совете безопасности ООН действует наперекор Ближнему Востоку. На прошлой неделе Россия и Китай наложили вето на резолюцию, поддерживавшую план Лиги арабских государств по отстранению от власти сирийского лидера Башара Асада. ... Если Лига арабских стран поддержала резолюцию, а путинская Россия выступила против, это означает, что мы против Арабского мира – а это катастрофа»⁸.

При этом мотивы столь губительных, по мнению отечественной либеральной оппозиции, действий российского руководства в Сирии в РПР-ПАРНАС склонны объяснять довольно просто. По словам сопредседателя партии Михаила Касьяно-

ва, «банкротство внешнеполитической стратегии Кремля, солидаризирующегося сегодня с самыми одиозными режимами мира, – прямое следствие нелегитимности власти и ее неуверенности в будущем»⁹. Об этом же заявил и Владимир Рыжков, также являвшийся на тот момент одним из сопредседателей РПР-ПАРНАС: «РФ, официальные я имею в виду органы, любят поддерживать диктаторов. Мы дружим с Ахмадинежадом, мы дружим с Чавесом, мы сейчас поддерживаем чуть ли не последние в мире Башара Асада. Видимо, наши лидеры на себя примеряют вот эту печальную судьбу других диктаторов»¹⁰. Наконец, как всегда наиболее бескомпромиссно и персонифицированно эту же мысль выразил третий сопредседатель партии Борис Немцов: «Он считает, что сначала были Каддафи и Мубарак, теперь Асад, а следующим будет он, Путин. Поэтому, защищая Асада, он защищает себя»¹¹.

Однако любые попытки российских властей спасти себя и «другие диктаторские режимы», по мнению парнасовцев, в конечном счете обречены на провал. Характеризуя политику высшего руководства страны в сирийском вопросе и ее перспективы, Владимир Рыжков дал следующий комментарий: «Заранее, да, подстилают соломку. Но я хочу огорчить Владимира Владимировича и Дмитрия Анатольевича, что нет такой соломки в современном мире. XXI-й век отличается от XIX-го, XX-го тем, что ни один диктатор ни в одной стране мира, ни один авторитарный лидер и ни один коррупционер не может себя чувствовать в безопасности, потому что есть международное право, которое их наказывает, есть международное антикоррупционное право, которое их наказывает»¹².

Под карающим международным правом наши оппозиционные либералы подразумевают, прежде всего, политику стран Запада в области прав человека, а самым действенным ее механизмом в наиболее кризисных ситуациях – «гуманитарные интервенции», возглавляемые Соединенными Штатами. Более того, в силу исторически сложившихся обстоятельств только США, по мнению парнасовцев, являются силой, способной, а потому и обязанной, вести активную борьбу против преступных режимов по всему миру. Тем самым позиция российских оппозиционных либералов фактически совпадает с тезисом американского руководства об исключительности Соединенных Штатов в международных делах, наличии у них особых прав и обязанностей в процессе демократического переустройства мира.

Подобное видение нашло свое закономерное отражение в комментариях лидера РПР-ПАРНАС Михаила Касьянова в эфире «Радио Свобода» во время обсуждения вопроса о применении химического оружия в Сирии в августе 2013 года. Уверенность Касьянова в исключительности США проявилась уже на стадии определения стороны, применившей химическое оружие. Так, по словам

лидера РПР-ПАРНАС, «эксперты ООН на вопрос, кто применил газ, ответа не дадут, у них мандата такого нет, возможности определить нет», благо есть мощнейшие американские спецслужбы. По мнению Касьянова, именно на их вердикт и нужно опираться: «из всех документов, которые американцы предоставили, в том числе и России, может быть впрямую там не раскрываются конкретные факты, детали, но выводы и подходы к этим выводам сделаны, что да, это было применено официальным Дамаском, правительством Асада». Для определения виновника трагедии, по мнению Касьянова, выводов спецслужб США вполне достаточно¹³.

Таким образом, международный преступник определен, однако, как указывал сопредседатель РПР-ПАРНАС, возникала новая проблема: ни ООН, ни НАТО, ни Евросоюз по разным причинам не способны исполнить наказание. ООН (из-за противодействия России и Китая) неэффективна, к НАТО «эта проблема впрямую не относится, так как нет угрозы тому или иному члену НАТО», Германия как ведущая держава Евросоюза не готова участвовать в военной операции против правительства Сирии без согласия ООН. Таким образом, обеспечить защиту прав человека в Сирии силовыми методами, по мнению Касьянова, могли только Соединенные Штаты, в силу своей исключительности не связанные всякого рода юридическими формальностями, такими как санкция СБ ООН или решение международного суда. Даже для проведения наземной операции президенту США нужно было лишь заручиться поддержкой своего Конгресса¹⁴. При этом, по мнению парнасовца Александра Завесова, Обаме нужно было отказаться от идеи нанесения только воздушных ударов и выбрать именно оккупационный сценарий, аналогичный иракскому, который, как считал Завесов в сентябре 2013 г., доказал свою эффективность: не допустил к власти исламистов и предотвратил межэтническое военное противостояние¹⁵.

Однако, к большому неудовольствию парнасовцев, решение сирийского вопроса с середины сентября 2013 г. пошло в другом направлении. По этому поводу 16 сентября Завесов отмечал в своем блоге: «Развитие событий вокруг сирийского кризиса принимает в последние дни все более причудливые формы. Судорожные попытки режима подполковника Путина спасти дружественный режим Асада, похоже, могут достичь успеха. В качестве полномочного представителя и главного защитника режима Асада на переговорах с Западом, подполковник Путин выступил с предложением передать под контроль международных организаций запасы химического оружия, находящиеся на территории Сирии»¹⁶. В свою очередь, «президент Обама, начав переговоры с подполковником Путиным, допустил серьезную ошибку, предварительно отложив в Конгрессе США голосование по резолюции о начале вооруженных действий в Сирии», поскольку «единственной целью подполковника Путина на начавшихся в Женеве

переговорах является попытка выиграть время ... Министр Лавров уже озвучил сроки реализации этого плана – середина 2014 года»¹⁷. Таким образом, указывал Завесов: «Фактически, это будет означать сохранение режима Асада и, как следствие победу режима подполковника Путина и унижительное поражение США и союзников по коалиции. Условия, при которых начавшиеся переговоры могут быть признаны успешными, должно стать только принятие решения о незамедлительном и в кратчайшие сроки (не более двух недель) вывозе всех запасов химического оружия (с последующим его уничтожением) с территории, подконтрольной режиму Асада. Но и в этом случае вопрос об устранении режима Асада с повестки дня снят быть не может»¹⁸.

Однако наставления парнасовцев Вашингтону, по факту направленные на срыв женевских переговоров, услышаны не были. В связи с этим 27 сентября 2013 г. на конференции российских и европейских либералов в Москве сопредседатель РПР-ПАРНАС Михаил Касьянов отмечал: «Сегодня многие хвалят российское руководство за выдвинутую инициативу по передаче химического оружия Дамаска под внешний контроль и прагматичную позицию, которая, как утверждается, позволит найти взаимоприемлемую дипломатическую развязку сирийской проблемы»¹⁹. Сам Касьянов не был согласен с подобного рода оценками и предостерегал от содержащегося в них оптимизма: «С чего вдруг сирийский режим, который, наплевав на международное право, применил химическое оружие, теперь беспрекословно передаст это оружие под контроль международного сообщества? Очень хотелось бы ошибиться, но, боюсь вскоре международному сообществу придется срочно решать куда не девшуюся сирийскую проблему иными способами, но уже в заметно ухудшившейся ситуации»²⁰.

Теперь известно, что Касьянов ошибся. В течение девяти месяцев из Сирии было вывезено все химическое оружие, готовившаяся американцами и их союзниками военная операция против Дамаска отменена, российское руководство благодаря своей мирной инициативе значительно повысило свой авторитет на Ближнем Востоке и в мире. Таким образом, все апокалипсические прогнозы отечественных оппозиционных либералов и основанные на них предложения оказались несостоятельными. Результатом этого стала полная потеря в РПР-ПАРНАС в последующие два года всякого интереса к сирийской проблематике.

Начало воздушной операции ВКС России в Сирии в конце сентября 2015 г. застигло парнасовцев врасплох и внесло в их ряды сумятицу. Так же как и западные политики, лидеры РПР-ПАРНАС выступили с противоречивыми и несогласованными между собой заявлениями. Так, член Федерального политсовета РПР-ПАРНАС Алексей Табалов отмечал: «Итак, уже понятно, что Россия приступила к активному участию по

уничтожению боевиков ИГИЛ. В целом, я поддерживаю такое участие, если оно ограничится именно этим и будет согласовываться с другими союзниками по борьбе»²¹.

Через несколько дней, 1 октября 2015 г., председатель РПР-ПАРНАС Михаил Касьянов давал уже иную оценку российской военной операции в Сирии. Вопреки официальной версии о том, что Россия помогает сирийскому президенту Башару Асаду в борьбе с террористической организацией «Исламское государство», Касьянов отмечал, что в реальности Кремль помогает Асаду бороться с оппозицией, а не с ИГИЛ: «РФ вступила в войну на стороне Асада. ... Путин сильно рискует. Путин должен обеспечить уход Асада. РФ должна быть в коалиции с Западом в борьбе с ИГ, также и по Афганистану. Это жизненные интересы России»²².

Наконец, 7 октября 2015 г. член Федерального совета партии Вадим Лукашевич подверг сомнению и этот тезис. По его мнению, борьба с ИГИЛ не относится к «жизненным интересам России»: «... объяснить, что мы делаем в Сирии чрезвычайно сложно. Потому что ИГИЛ? Ну и что ИГИЛ? Где мы, где ИГИЛ?»²³. Соответственно и военная операция России в Сирии, пусть и в союзе с Западом, вряд ли приемлема. Как указывал Лукашевич, «даже если у России в Сирии не будет военных потерь, то все равно наши граждане понесут большие материальные потери, потому что этот «банкет» в Сирии стоит очень дорого и оплачивается за счет российских налогоплательщиков»²⁴. Более того, считает Лукашевич, учитывая напряженные отношения между Россией и США и уже прозвучавшее требование российской стороны, адресованное американцам, освободить воздушное пространство над Сирией, «сирийская война может стать для России не только новым Афганистаном, но и новой глобальной мировой войной»²⁵.

Таким образом, в течение первых двух недель ударов ВКС России по базам ИГИЛ и других террористических групп парнасовцы вернулись к традиционному для себя пониманию сирийского вопроса. Действия Москвы в Сирии, по их мнению, по-прежнему носят деструктивный характер и нацелены, в первую очередь, на сохранение родственного Кремлю режима Асада и подавление местной оппозиции, а заявленная борьба с ИГИЛ призвана нейтрализовать попытки Запада, направленные на демократизацию Сирии и защиту прав человека в стране. Практический смысл занятой РПР-ПАРНАС позиции тоже остается прежним: дискредитация политики Кремля внутри страны и перед мировым сообществом и подготовка тем самым условий для смены власти в России.

Примечания

¹ *Завесов А.* Сирийский излом. 16.09.2013. URL: <http://svobodanaroda.org/blog/zavesov/siriyskiy-izlom>.

[php?sphrase_id=1208363](http://svobodanaroda.org/?sphrase_id=1208363) (дата обращения: 25.05.2015).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Михаил Касьянов на «Радио Свобода»: о Сирии и Путине. 02.09.2013. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/4225/?sphrase_id=1208363 (дата обращения: 25.05.2015).

⁵ Михаил Касьянов. О российском вето на резолюцию Совбеза ООН по Сирии. 07.02.2012. URL: http://svobodanaroda.org/blog/kasyanov/520.php?sphrase_id=1208363 (дата обращения: 25.05.2015).

⁶ *Завесов А.* Для чего необходима оккупация Сирии. 02.09.2013. URL: http://svobodanaroda.org/blog/zavesov/dlya-chego-neobkhodima-okkupatsiya-sirii.php?sphrase_id=1208363 (дата обращения: 25.05.2015).

⁷ Михаил Касьянов на «Радио Свобода»: о Сирии и Путине.

⁸ Немцов: Россия наложила вето на резолюцию ООН по Сирии, чтобы защитить Путина («СВС», Канада). 09.02.2015. URL: <http://inosmi.ru/politic/20120209/185416484.html> (дата обращения: 25.05.2015).

⁹ Михаил Касьянов. О российском вето на резолюцию Совбеза ООН по Сирии. 07.02.2012.

¹⁰ Владимир Рыжков в программе «Перехват» на радиостанции «Эхо Москвы». 10.01.2012. URL: http://svobodanaroda.org/press/2958/?sphrase_id=1208362 (дата обращения: 25.05.2015).

¹¹ Немцов: Россия наложила вето на резолюцию ООН по Сирии, чтобы защитить Путина («СВС», Канада). 09.02.2015.

¹² Владимир Рыжков в программе «Перехват» на радиостанции «Эхо Москвы». 10.01.2012.

¹³ См.: Михаил Касьянов на «Радио Свобода»: о Сирии и Путине. 02.09.2013.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Завесов А.* Для чего необходима оккупация Сирии. 02.09.2013.

¹⁶ *Завесов А.* Сирийский излом. 16.09.2013.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РПР-ПАРНАС и ALDE провели международную конференцию «Россия и ЕС в глобальном мире сегодня». 27.09.2013.

²⁰ Там же.

²¹ *Табалов А.* Россия приступила к активному участию по уничтожению ИГИЛ. 25.09.2015. URL: <https://parnasparty.ru/opinion/117> (дата обращения: 10.10.2015).

²² *Касьянов М.* Россия вступила в войну на стороне Асада. 01.10.2015. URL: <https://parnasparty.ru/opinion/122> (дата обращения: 10.10.2015).

²³ *Лукашевич В.* Банкет в Сирии за счет российских налогоплательщиков. Зачем России вообще нужна Сирия? 07.10.2015. URL: <https://parnasparty.ru/opinion/127> (дата обращения: 10.10.2015).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.44–25) |1590/1604|

ИСТОРИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО САРАТОВА 1590–1604 ГОДОВ: ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ (до начала Смутного времени)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Саратова на протяжении первых пятнадцати лет с момента основания города. Подробно разобраны источники по истории Саратова данного периода. Особое внимание уделено источникам о зимовке в Саратове персидского посольства Перкулы-бека.

Ключевые слова: С. А. Белокуров, Н. И. Веселовский, А. Ф. Жировой-Засекин, Г. Ф. Елизаров, разрядные записи, воевода, персидские послы, волжские казаки.

The History of the Original Saratov in 1590–1604 Years: the Characteristics of Sources and the Chronology of Events (Before the Time of Troubles)

Ya. N. Rabinovich

The article describes the the unknown pages of the history of Saratov during the first fifteen years since the founding of the city. The sources of the history of this period of Saratov are discussed in detail. Particular attention is paid to the sources of wintering in Saratov Persian embassy of Perkula Bek.

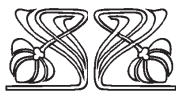
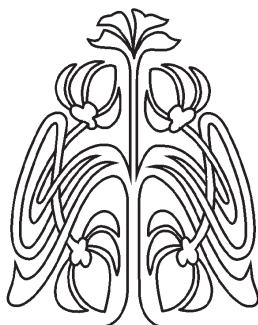
Key words: S. A. Belokurov, N. I. Veselovskiy, A. F. Zhirovov-Zasekin, G. F. Elizarov, discharge records, voivode, Persian ambassadors, Volgian Cossacks.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-80-87

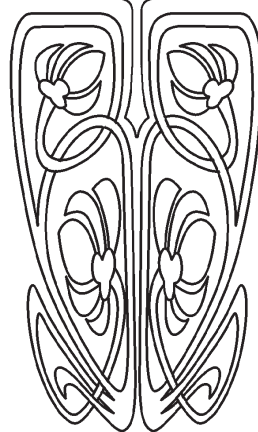
В данной статье основное внимание уделено опубликованным письменным источникам об основании Саратова и начальных людях города, о событиях, происходивших в нем до начала Смутного времени, а также о пребывании в первоначальном Саратове различных гостей, которых вынуждены были принимать местные воеводы. Источники о последующих событиях Смутного времени в районе Саратова чрезвычайно многообразны и заслуживают отдельного рассмотрения.

Источники об основании Саратова

Об основании Саратова и о действиях его первого воеводы Григория Засекина по борьбе с воровскими казаками можно найти сведения в хорошо известном «Наказе царя Федора Ивановича» астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину, который был дан в 1591 г.¹ «Наказ», в свою очередь, состоит из нескольких документов. Один из них – это «Память боярину и воеводам князю Ивану Васильевичу Ситцкому с товарищи». В данном документе говорится, что из-за длительной задержки астраханскими воеводами купеческих судов с солью и рыбой эти суда не успевают в течение одной навигации доплыть до Казани и Нижнего Новгорода. В лучшем случае купцам приходится зимовать в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

новых городах: Царицыне, Саратове и Самаре, а в худшем – бросать товары на пустынных волжских берегах². Таким образом, в 1591 г. Саратов упоминается как «новый город».

В том же «Наказе» имеются ещё две примечательные записи, относящиеся к первым месяцам Саратова и его первым воеводам (челобитная одного из атаманов и донесение саратовского воеводы). Первая запись – «Челобитная волжского атамана Никиты Болдыря», в которой этот атаман сообщает о состоявшемся в 1589/1590 г. (т. е. до сентября 1590 г.) походе «из новаго города с Саратова» против воровских казаков. Из данного источника мы узнаем, что организаторами экспедиции были первые воеводы Саратова князь Григорий Засекин и голова Федор Туров, а возглавлял этот отряд, куда входили служилые казаки Микиты Болдыря, стрелецкий сотник Иван Бирюев. Этот поход на реку Медведицу завершился успешно, был захвачен и приведен в Саратов воровской атаман Треня Щеголев³.

Второй документ, текст которого приводится в «Наказе», – это «Донесение саратовских воевод князя Григория Засекина и Федора Турова царю Федору Ивановичу». В данном донесении уточняется состав отряда Ивана Бирюева, куда входили казанские конные стрельцы, а также четыре станицы волжских казаков, которых возглавляли атаманы Микита Болдырь, Офона Губарь, Трофим Лавринов, Иван Погоняев⁴.

О времени основания Саратова (1590 г.) говорится в одной из летописей, отрывок которой обнаружил М. Н. Тихомиров в составе рукописного сборника разнородной тематики, написанного еще до Смуты. В данном летописном отрывке прямо сказано, что в 7098 г. (т. е. в 1589/1590 г.) «поставлен город Саратов»⁵.

Еще одним источником об основании Саратова (самым точным и информативным) может служить запись о начале строительства крепости, написанная на чистом листе рукописного Евангелия другим почерком. Эту книгу и запись в ней изучали в свое время члены СУАК, копия данной записи имеется в архиве Саратова (ГАСО). К сожалению, само Евангелие с записью вскоре исчезло, но другие источники не противоречат данной записи.

Важным источником об одном из первых воевод Саратова в 1590/1591 г. Федоре Турове может служить разрядная запись под 7099 г., где говорится о «новом городе на Саратове Острове», в котором служит «голова Федор Туров»⁶. Основатель Саратова Григорий Засекин к тому времени получил новое назначение на Кавказ.

В других разрядных записях приводятся сведения о назначении некоторых воевод в Саратов (Бориса Лодыгина, Ивана и Михаила Волынских, Григория Елизарова, Бориса Давыдова)⁷. Все эти разрядные книги были введены в научный оборот во второй половине XX в. В. И. Бугановым и Л. Ф. Кузьминой.

Источники о гостях Саратова

Теперь рассмотрим источники о пребывании в Саратове различных гостей. Этими гостями были, прежде всего, послы Ирана, правитель которого шах Аббас находился в дружественных отношениях с царем Федором Ивановичем и Борисом Годуновым (Россия и Иран готовились вместе воевать против Османской империи).

Гостями первоначального Саратова стали также послы грузинского царя Александра, который в сентябре 1587 г. вместе со своими приближенными присягнул на верность русскому царю. Первые грузинские послы прибыли в Москву еще осенью 1586 г. (священник Иоаким, старец Кирилл и черкашенин Хуршит), после чего в Грузию было отправлено русское посольство (Р. Биркин и П. Пивов). В октябре 1588 г. русские послы возвратились в Москву в сопровождении грузинского посольства во главе с князем Капланом. Послы привезли крестоцеловальную грамоту царя Александра. Вместе с ними приехали кабардинские князья Куденек Камбулатович и Мамстрюк Темрюкович Черкасские. Теперь русское правительство должно было заботиться о своих новых подданных⁸.

Русские послы, направлявшиеся через Астрахань в Грузию и Персию, довольно часто посещали первоначальный Саратов. Одной из важнейших задач, стоящих перед воеводами поволжских городов, в том числе и Саратова, было обеспечение безопасности всех этих посольских караванов от нападений воровских казаков. Интенсивность движения таких караванов по Волге резко возросла именно во второй половине 1580-х и в 1590-е годы. Эта безопасность обычно обеспечивалась двумя путями: сопровождением и охраной судов, а также предварительной расчисткой водного пространства. Плавание по Волге русских и иностранных послов вынуждало воевод Саратова принимать чрезвычайные меры для обеспечения их охраны, а посещение Саратова этими гостями, пусть даже кратковременное, затрагивало все слои населения.

Кроме посольских караванов, в Саратове останавливались для кратковременного отдыха воинские отряды правительственных войск (И. М. Бутурлина, Ф. И. Шереметева и др.).

Река Волга являлась в те годы основной транспортной артерией в Среднем и Нижнем Поволжье. До настоящего времени исследователи-краеведы как-то упустили из виду такой момент, что благодаря этому единственному пути можно значительно расширить наши представления о многих событиях, происходивших на её берегах, особенно в поволжских городах. Любое судно, любой караван, плывший вверх и вниз по Волге из Астрахани до Казани и назад, обязательно останавливался в Саратове. Здесь происходила смена гребцов, охраны судов (в роли гребцов и охраны выступали самарские, саратовские и

царицынские стрельцы), осуществлялся торг с местными жителями и кочевниками-ногайцами, пополнение запасов продовольствия, доставка служебной корреспонденции и т. д.

Имея сведения о том, когда посольство, купеческий караван, войско выехало из Казани или из Самары на Низ и прибыло в Царицын или Астрахань (и наоборот), можно довольно точно (с точностью до нескольких дней) выяснить, когда эти люди останавливались в Саратове. Время в пути от Самары до Саратова составляло 5–7 дней, а обратно – 10–12 дней. Примерно столько же времени затрачивалось на дорогу от Саратова до Царицына. Используя данную методику, нетрудно определить, например, когда судовая рать боярина Ф. И. Шереметева останавливалась в Саратове, следуя в 1606 г. из Нижнего Новгорода к Астрахани. При этом следует учесть некоторое время, необходимое Шереметеву для наведения порядка в поволжских городах, пострадавших от казаков самозванца Петра Федоровича, и более низкую скорость движения огромной массы людей, составлявших судовую рать. Зная, что в Самаре Шереметев был 25 июня 1606 г., а через месяц, 24 июля 1606 г., он уже находился в районе Царицына, можно подсчитать, что в Саратове он оказался 5–15 июля 1606 г.

«Незваными гостями», пытавшимися овладеть этой крепостью, были различные самозванцы, которых много развелось в Смутное время.

Особую ценность представляет выявление имен жителей города, участников различных событий, происходивших в районе Саратова в первые двадцать лет после его основания, ведь до последнего времени были известны имена лишь шести воевод, пяти послов (1 русский и 4 иноземца), а также четырех самозванцев-царевичей и одного служилого казачьего атамана. Источники, опубликованные еще до революции, позволяют пополнить этот список как минимум в два – три раза.

До последнего времени о первоначальном Саратове, о событиях в этом городе и о людях, посещавших эту крепость в первые два десятилетия после основания Саратова князем Григорием Засекиным, писали очень мало.

Ф. Ф. Чекалин (1892), а затем авторы-составители «Саратовской летописи» Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский (1893) упомянули единственный случай посещения первоначального Саратова представителями иноземного государства⁹. Речь идет о посольстве императора Священной Римской империи к персидскому шаху Аббасу, во главе которого стояли Стефан Какаш и Георгий Тектандер.

Через двадцать лет после публикации «Саратовской летописи» новое открытие о пребывании в Саратове иноземных послов сделал А. А. Гераклитов. Он в 1923 г. довольно подробно осветил зимовку в Саратове в 1600/1601 г. персидского посольства Перкулы-бека. Этот исследователь

широко использовал источники, введенные в научный оборот Н. И. Веселовским¹⁰.

Возможно, что первым из саратовцев на этот сюжет обратила внимание В. И. Оппокова, труд которой был опубликован в 1924 г., через несколько лет после ее кончины¹¹.

В книге С. Н. Уткина можно найти дополнительные сведения еще об одном иноземном госте – Вильяме Парри (Перри), который проплывал мимо Саратова в 1599 г.¹².

Подводя итог, можно сделать вывод, что к настоящему времени известно лишь о пребывании в первоначальном Саратове трех иноземных посольств. Это англичанин Вильям Парри, персидский посол Перкулы-бек и имперские послы Какаш и Тектандер.

Из русских посольств, побывавших в Саратове, было известно до последнего времени лишь посольство князя А. Ф. Жирового-Засекина (1600/1601), о котором писали многие исследователи начиная с А. А. Гераклитова.

Что касается самозванных царевичей (Петр Федорович – Илейка Муромец, а также Иван-Август, Осиновик и Лавр), то о борьбе правительственных войск с этими самозванцами на Волге писали много, начиная с Н. М. Карамзина. Автор этих строк в одном из ранних выпусков «Известий Саратовского университета» подробно останавливался на историографии вопроса об истории первоначального Саратова, поэтому можно ограничиться именами указанных исследователей¹³.

Попробуем несколько расширить круг гостей первоначального Саратова и выяснить имена некоторых жителей города. Для определения точной хронологии посещений Саратова различными посольствами важную роль играют источники, введенные в научный оборот С. А. Белокуровым о сношениях России с Кавказом. Особо следует отметить источники, опубликованные Н. И. Веселовским под названием «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» (далее – «Памятники...»). Эти источники широко использовали в своих трудах отечественные исследователи П. П. Бушев и Н. Т. Накашидзе, изучая историю взаимоотношений России с Ираном и Грузией¹⁴.

Особый интерес представляют документы, опубликованные Н. И. Веселовским в первом томе «Памятников...». Эти источники связаны с посольствами в Персию Григория Борисовича Васильчикова (1588–1589)¹⁵, князя Андрея Дмитриевича Звенигородского (1594–1595)¹⁶, князя Василия Васильевича Тюфякина (1597–1598)¹⁷.

В этом же томе содержатся материалы о персидских посольствах в Россию Анди-бека (1587), Бутак-бека и того же Анди-бека (1589–1590), Кая (1591–1593), Хаджи Хосрова (1592–1594), Хаджи Искандера (1593–1594), Али Хосрова и Анди-бека (1594–1596), Пакизе Имам Кули-бека (1596–1597). Данные источники до настоящего времени не были известны саратовским краеведам, в том чис-

ле А. А. Гераклитову. Заметим, что интенсивность иранских посольств в Россию до 1598 г. была намного выше, чем русских посольств в Персию (три русских и семь иранских посольств).

Во втором томе «Памятников...» содержатся сведения о хорошо известной зимовке в Саратове персидского посольства Перкулы-бека (Пер Кули-бека), который в 1599–1601 гг. находился в России. Здесь же говорится о русском посольстве князя Александра Федоровича Жирового-Засекина¹⁸.

Посольство кн. А. Ф. Жирового-Засекина вернулось из Персии в Москву, как выяснил автор этих строк, лишь в августе 1603 г. вместе с персидским посольством Лачин бека. Об этом прямо говорится в одной из разрядных записей: *«Того ж году августа в 28 день пришел к Москве кизылбашской посол Лачин бек, а с ним пришли государевы послы: князь Олександра Федорович Жировой Засекин, да Темир Васильев сын Засецкой да дьяк Ивашка»*¹⁹.

Некоторые исследователи, том числе П. П. Бушев, ошибочно полагали, что русские послы во главе с кн. А. Ф. Жировым-Засекиным после тяжелой зимовки в Саратове добрались по Волге лишь до Астрахани, а затем вернулись в Москву. Основанием для таких выводов ученых послужило то, что в архивах не сохранилось сведений о пребывании данного посольства в Персии (говорится только о плавании этого посольства в 1600/1601 г. до Астрахани).

Во втором томе «Памятников...» мы найдем также ценную информацию об очередном персидском посольстве в Россию Анди-бека (1597–1601). Здесь же приведены отрывочные сведения об отправке посольства в Персию князя И. П. Ромодановского (1607), чья судьба и трагическая кончина напрямую связаны с Саратовом²⁰. Значительная часть документов, опубликованных в данном томе, посвящена событиям первого года царствования Михаила Романова.

Важное значение для изучения истории первоначального Саратова представляет труд С. А. Белокурова об отношениях России с народами Кавказа, прежде всего с Грузией, в котором приведено много источников, до настоящего времени еще недостаточно используемых исследователями. Здесь мы найдем сведения о первом посольстве в Грузию Родиона Биркина (1587–1588), а также о последующих посольствах князя Семена Григорьевича Звенигородского (1589–1590), Василия Тимофеевича Плещеева (1591–1592), Ивана Никитича Всеволодского (1593–1594), Кузьмы Петровича Совина (1596–1599), Михаила Игнатьевича Татищева (1604–1605). Все они вместе с сопровождавшими их грузинскими послами, черкасскими князьями, кабардинскими и окоцкими мурзами останавливались в первоначальном Саратове. Среди грузинских послов можно назвать священника Иоакима (1586–1587), князей Каплана (1588–1589), Сулеймана (1590–1591 и 1598–1599),

Арама (1592–1593), Хуршита (1594–1595), старца Кирилла (1603–1604) и др.²¹

Труд С. А. Белокурова может служить дополнением к источникам, опубликованным Н. И. Веселовским, ибо грузинские и персидские дела тесно были переплетены. Например, у С. А. Белокурова содержатся сведения о посольстве в Россию Лачин-бека (1603–1604), а также о трагической кончине в Саратове русского посла в Персию князя И. П. Ромодановского.

После избрания царем Михаила Романова при отправке одного из посольств в Персию русскому послу были даны выписки из всех предыдущих дел, в которых рассматривались вопросы о Грузии, Кумыках и Кабарде в сношениях между Россией и Персией. Этот документ начинается с первого приезда в Россию от шаха Ходабенде посла Анди-бека в 1587 г., а завершается отрывком из Наказа послам Михаилу Тиханову и Алексею Бухарову, которые в начале 1614 г. отправлялись из Самары в Персию через Яик и Эмбу в обход Астрахани и Каспийского моря. Конца документа нет, поэтому трудно сказать, кому из русских послов были даны эти инструкции. После информации о Наказе князю Ромодановскому следует примечательная запись: *«И князь Ромодановской с товарищи до шаха не дошли, побили их воры на Саратове в 115-м году»*²².

Судя по данному тексту, убийство посла князя И. П. Ромодановского произошло в период с сентября 1606 г. по август 1607 г., а точнее летом 1607 г.

Гибель этого посла связана с походом к Саратову самозванца Ивана-Августа, но никак не «царевича» Петра Федоровича, как считали многие исследователи, включая Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова.

Об огромной ценности труда С. А. Белокурова можно судить по следующим словам этого неутомимого исследователя-архивиста: *«Желая придать настоящему сборнику возможную полноту, мы пересмотрели все дела Архива, где можно было только ожидать найти что-либо соответствующее цели. Иногда приходилось отыскивать документы или в делах позднейших годов (например, о событиях 1603 г. в делах 1615 г.) или в делах совсем другого разряда; нередко приходилось прочитывать понапрасну сотни листов, так как надежда найти что-либо оказывалась тщетной. После всех этих поисков остаемся при убеждении, что все документы, касающиеся сношений Московского государства с народами Кавказа за время по 1613 год, хранящиеся в Московском главном Архиве Министерства Иностранных дел, настоящим сборником исчерпаны»*²³.

Приходится сожалеть, что публикатор этих документов убрал часть информации, посчитав ее ненужной. С. А. Белокуров писал: *«При издании настоящих документов мы позволили себе выкидывать документы хозяйственного свойства, относящиеся к снаряжению посольства, о деньгах послам, корме, подводах, провожатых и т. п.»*²⁴.

А ведь именно в таких документах можно найти ценные сведения о внутренней жизни в поволжских городах, в том числе в Саратове.

Отдельно следует сказать о таких специфических источниках, как сочинения иностранцев, которые проплывали по Волге и посещали Саратов. Эти представители Запада и Востока сообщали отрывочные сведения о Саратове, о занятиях жителей, о флоре и фауне в окрестностях города, о кочевниках-ногайцах. Среди таких гостей Саратова можно назвать Дон-Хуана Персидского. Этот знатный персиянин Урух-бек (Орудж-бек) был одним из членов персидского посольства Хусейн-Али-бека (в русских источниках – Исен Алей). В 1599 г. шах Аббас отправил это посольство к европейским правителям для заключения с ними союза против Турции. После прибытия в Испанию этот Урух-бек крестился и стал называться Дон-Хуан Персидский. Этот Дон-Хуан известен как автор сочинения об истории Персии. В заключительной части данного труда он писал о своем путешествии из Персии через Россию в Испанию²⁵. Это посольство в октябре 1599 г. останавливалось в Саратове по пути из Астрахани в Москву и далее через Архангельск в Западную Европу.

Дон-Хуан отмечал, что *«через каждые десять дней высаживались в каком-нибудь местечке, потому что по берегам реки расположены небольшие селения с деревянными домами. В каждом селении мы оставляли гребцов и брали других на свои галеры – все это делалось по распоряжению ратников, которые провозжали нас по приказанию московского царя... Каждую ночь мы проводили на берегу в открытом поле под охраной и защитой ста ратников»*²⁶.

Одним из таких «небольших селений» был Саратов. Путешественник верно отметил, что расстояние между крепостями Царицын, Саратов и Самара составляет в среднем десять дней пути при плавании вверх против течения Волги. В связи с тем что плавание осуществлялось лишь в светлое время суток, дневное расстояние, пройденное летом, когда световой день был длинным, оказывалось при прочих равных погодных условиях (ветер) больше, чем в апреле или в октябре.

Общее руководство посольством осуществлял англичанин Антоний Ширли, который находился на службе у шаха Аббаса. Среди других членов посольства можно назвать Вильяма Перри (Уильяма Парри). Этот англичанин, так же, как и Дон-Хуан, оставил записки о своем путешествии по Волге²⁷. Оба этих описания дополняют друг друга.

В. Перри отмечал, что по пути от Астрахани до Казани *«мы не видели ничего достопримечательного, кроме трех или четырех деревянных крепостей или блокгаузов, для охраны реки, по которой доставляется царю чрезвычайно много товаров»*²⁸.

В составе персидского посольства Хусейна-Али-бека находились, кроме Урух-бека (Дон-Хуана), еще трое участников посольства. Их сопровождали 15 слуг. Вместе с персидскими

послами и англичанами плыли также два португальских монаха, уроженца Лиссабона. Это доминиканец Николай Мело и францисканец Альфонс. Можно сказать, что это первые известные представители католического мира (францисканский и доминиканский монахи), а также первые англичане (Антоний Ширли и Вильям Перри), которые побывали в Саратове. Ранее английские путешественники проплывали здесь по Волге в 1558–1581 гг., когда Саратов еще не был построен.

Другое персидское посольство в Москву к новому царю Борису Годунову возглавил Перкулы-бек, хорошо известный по своей зимовке в Саратове в 1600/1601 г. при возвращении в Персию. Это посольство прибыло из Ирана в Астрахань несколько ранее Дон-Хуана, который писал, что в Астрахани *«мы застали другого посланника от персидского шаха; он ехал в Московию со свитой в триста человек»*. Оба посольства Хусейна-Али-бека и Перкулы-бека плыли из Астрахани по Волге в составе одного каравана. Караван состоял из пяти галер. Дон-Хуан отмечал: *«Мы поместились на них (на галерах. – Я. Р.) все: персияне, англичане и монахи и более ста ратников московского царя, которые отправлялись с нами для охраны и прикрытия, по приказанию главного начальника. Галеры были очень хорошо устроены и имели по сту гребцов»*²⁹. Огромные размеры этих судов поражают. Можно понять волнения воевод небольших поволжских крепостей, включая Саратов, которые стремились поскорее выпроводить далее этих гостей. Задержка каравана в недостаточно оборудованной для зимовки крепости была чревата многими осложнениями.

О послахе императора Священной Римской империи к шаху Аббасу Стефане Какаше и Георгии Тектандере, которые направлялись в Персию через Смоленск и Москву, уже говорилось. Эти послы останавливались в Саратове в 1603 г., а также на обратном пути при возвращении из Астрахани в Москву в 1604 г. (только Тектандер, т. к. Какаш умер по дороге в Персию)³⁰.

Источники о зимовке в Саратове в 1600–1601 гг. русского и персидского посольств.

Источниками для выяснения состава населения Саратова к 1600 г. являются уже упоминавшиеся документы о зимовке двух посольств, опубликованные Н. И. Веселовским³¹. В этом деле об отправке посольства князя А. Ф. Жирового-Засекина особую ценность для изучения истории первоначального Саратова представляют свыше 30 документов. Перечислим лишь некоторые из них.

Самый первый документ данного дела – это царский указ об отправке посольства в Персию. Из данного указа мы узнаем о составе посольства. В конце дела имеются три ценовых памяти, благодаря которым можно составить представление о составе судов каравана, который отплыл из Казани

в Астрахань, их водоизмещении. Все эти суда вынуждены были зимовать в Саратове, некоторые из них серьезно пострадали, их пришлось в Саратове всю зиму 1600/1601 г. ремонтировать.

Накануне отплытия из Казани посол А. Ф. Жировой-Засекин 7 октября 1600 г. отправил донесение царю, из которого наряду с «Росписью подарков для шаха Аббаса» (также весьма ценным источником) мы узнаем о том, что же везли послы в Иран. В этих документах говорится о ценной одежде (однорядка), «самогонном аппарате» (кубы, трубы и таган), птицах и животных (кречеты, собаки, медведи и др.).

Это донесение посла Жирового-Засекина интересно сравнить с тремя письмами царю Борису Годунову воеводы Казани Василия Кузьмина от октября 1600 г., которые дополняют друг друга.

Воевода Казани одним из первых узнал о несчастии, произошедшем с караваном в Саратове. Об этом ему сообщили купцы, приплывшие из Астрахани в Казань в ноябре 1600 г. Это донесение Василия Кузьмина царю от ноября 1600 г. – важный источник об обстановке на Нижней Волге, о нападениях воровских казаков на караваны судов.

Находясь в Саратове, посол А. Ф. Жировой-Засекин с ноября 1600 г. по апрель 1601 г. отправил в Москву не менее 12 донесений. Эти 12 опубликованных документов – ценный источник о внутренней жизни в Саратове. Существенным дополнением к данным донесениям могут служить челобитные казанских стрельцов, кречатников и толмача, которые вынуждены были зимовать в Саратове.

Для изучения внутренней жизни в Саратове наиболее ценными являются два донесения воеводы города Григория Елизарова (февраль 1601 г.), который прилагал все усилия, чтобы не допустить крупного международного скандала. Из этих донесений мы узнаем о том, в каком критическом положении находились жители Саратова, которым пришлось кормить полгода несколько сотен людей. Судя по данным донесениям, в Саратове имелись в распоряжении воеводы в государевых житницах запасы ржаной муки и овсяной крупы, а также деньги в государевой казне. В местном кабаке варили пиво, жители разводили коров, коз и кур. В окрестностях города водились лоси, а вот овец не было совсем, что свидетельствует об отсутствии в те годы тесных контактов с кочевниками-ногайцами. Не было также гумна и пашни (зерна в Саратове не выращивали), поэтому в Саратове отсутствовали голуби, так необходимые для корма кречетам.

В донесениях Григория Елизарова приводятся имена некоторых саратовцев. Среди них – жилец Василий Чулков (жилцы в провинциальных городах – это низшая категория служилых людей по отчеству, близкая к детям боярским), стрелецкий пятидесятник Неустройка Обрютин, целовальники, толмачи, одного из которых звали Василий, дети боярские Буян Порецкий и Иван

Барсуков. Зимовал в Саратове терский стрелецкий сотник Василий Смагин, который часто ездил с донесениями в Москву. Среди жителей Саратова известны немцы, которые именно здесь производили уксус, столь необходимый персам для еды и разных ритуалов.

Особый интерес представляют письма персидского посла Перкулы-бека из Саратова царю Борису Годунову и персидскому купцу Магмету, находящемуся в Москве.

Писем из Москвы в Саратов сохранилось в этом деле о посольстве кн. А. Ф. Жирового-Засекина мало – всего две грамоты царя воеводе Елизарову и две – послу Жировому-Засекину (все написаны в январе 1601 г.).

Осенью 1601 г. через полгода после завершения зимовки в Саратове персидских послов воеводе Григорию Елизарову едва не пришлось снова принимать на зимовку очередной посольский караван. Речь идет о посольстве в Грузию Ивана Афанасьевича Нащокина и Ивана Леонтьева вместе с грузинским послом князем Сулейманом. Источники, опубликованные С. А. Белокуровым, в том числе донесения воевод Казани и послов Нащокина и Леонтьева, подробно сообщают об этом плавании. Саратовским краеведам данные события неизвестны.

Послы отплыли из Казани в сторону Самары 27 сентября 1601 г. Их сопровождало 100 стрельцов, 141 торговый человек, 116 «кормщиков и гребцов в гребле». Вместе с посольскими людьми всего было свыше 400 человек. Буря в районе Тетюшей 30 сентября повредила часть судов. После некоторой задержки караван 7 октября пошел из Тетюшей на Самару, куда прибыл 10 октября. Отправившись из Самары 14 октября, послы Нащокин и Леонтьев в своем донесении царю Борису Годунову сообщали, что за Самарой 40 верст «под Васильчиковым островом встало погодьё великое, и пришел мороз и снег выпал и оборник и затоны все стали». Вскоре началось потепление, и караван отправился дальше к Саратову, куда послы прибыли 22 октября.

В это время готовился очередной поход на Терек войска князя Ивана Петровича Ромодановского, отдельные отряды которого находились во всех поволжских городах, где им пришлось зимовать. Эти города, включая Саратов, были достаточно снабжены продовольственными запасами, в отличие от Астрахани, где накануне случился грандиозный пожар, уничтоживший многие дворы и запасы продовольствия и припасов. Воевода Саратова Григорий Елизаров был готов выдать грузинским послам корм на 10 дней до Царицына («колачи и хлебы и мясо и мед и вино»). Но послы, не испытывая нужды в продуктах, требовали вместо еды денег. 23 октября караван отправился из Саратова в Царицын, куда благополучно прибыл 28 октября. В день прибытия каравана в Астрахань 7 ноября «Волга тотчас стала». Русские и грузинские послы зимовали в Астрахани³².

По различным причинам, как внутренним, так и внешним, данный поход на Терек войска кн. И. П. Ромодановского так и не состоялся. В Москве было принято решение о переносе похода против тарковского шамхала на следующий год. Новая судовая рать, отправленная на Кавказ, возглавляемая боярином Иваном Михайловичем Бутурлиным, осенью 1603 и весной 1604 г. сосредоточивалась в Астрахани, откуда войска весной 1604 г. были посланы на Терек. Русский посол в Грузию Михаил Игнатьевич Татищев должен был сказать царю Александру, что войско И. М. Бутурлина послано на Шевкала князя, «а будут они к Тарком и пойдут на Шефкалову землю в августе месяце». Посольство М. И. Татищева, отправленное из Москвы в конце апреля – начале мая 1604 г. вместе с грузинским посольством, уже 19 мая выехало из Нижнего Новгорода в Казань, а в конце июня убыло из Астрахани на Терек. М. И. Татищев писал Борису Годуну, что русские послы с грузинским послом старцем Кириллом «пошли из Асторохани к Терке в судах морем июня в 26 день ... пришли мы, холопы твои, на Терку июля в 1 де»³³. Следовательно, в начале июня 1604 г. М. И. Татищев останавливался в Саратове.

Мы видим, что в конце XVI – начале XVII в. Россия все больше втягивалась в дела на Кавказе. В этих событиях новая крепость Саратов стала играть важную роль. Разгром русского войска И. М. Бутурлина (1605 г.) и начавшееся Смутное время на долгий срок прервали это наступление России на Кавказ. События последующих нескольких лет истории первоначального Саратова, до того момента, как он прекратил свое существование (это произошло по различным оценкам в 1609–1613 гг.), выходит за рамки данного исследования. Трагические события Смутного времени и походы по Волге самозванных царевичей и правительственных войск боярина Ф. И. Шереметева имели большое значение для всей дальнейшей истории Саратова. После Смуты все пришлось начинать заново. Но это уже история нового левобережного Саратова.

Примечания

- 1 См.: Царский наказ астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину. 1591 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1, № 230. С. 436–446.
- 2 См.: Память боярину и воеводам князю Ивану Васильевичу Ситцкому с товарищи // АИ. 1841. Т. 1, № 230. С. 436–437.
- 3 См.: Челобитная волжского атамана Микиты Болдыря // АИ. 1841. Т. 1, № 230. С. 445.
- 4 См.: Донесение царю Федору Ивановичу воевод Саратова Григория Засекина и Федора Турова. 1590 г., лето – осень // АИ. 1841. Т. 1, № 230. С. 445–446.
- 5 Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в.: Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков : в 118(131) т. 1941. Т. 10. С. 93–94.
- 6 Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. текста, ввод. статья и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 436.
- 7 См.: Разрядная книга 1475–1605 : в 4 т. Т. 3, ч. 3. М., 1987 ; Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638. М., 1974 ; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
- 8 Подробно об этих событиях см.: Рабинович Я. Н. Основание Саратова и «Новая Саратовская летопись» (1590–1599) // Поволжский край : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 14. Саратов, 2015. С. 4–26.
- 9 См.: Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 56, 67, 80; Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893.
- 10 См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией : в 3 т. Т. 2 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества (далее – Труды...). СПб., 1892. Т. 21.
- 11 См.: Отпокова В. И. Прошлое Саратовского края. Саратов, 1924.
- 12 См.: Уткин С. Н. Саратов глазами путешественников. XVII – первая половина XIX века. Саратов, 2005.
- 13 См.: Рабинович Я. Н. Первоначальный Саратов в 1590–1609 гг. : историография вопроса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 90–97.
- 14 См.: Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976 ; Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.
- 15 См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (далее – Памятники...) : в 3 т. Т. 1. Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова // Труды... СПб., 1890. Т. 20. С. 1–112.
- 16 См.: Памятники... Т. 1. Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского // Труды... Т. 20. С. 221–326.
- 17 См.: Памятники... Т. 1. Посольство в Персию князя Василия Васильевича Тюфякина // Труды... Т. 20. С. 334–453.
- 18 См.: Памятники... Т. 2. Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина // Труды... СПб., 1892. Т. 21. С. 1–143.
- 19 Разрядная книга 1475–1605. М., 2003. Т. 4, ч. 2. С. 63.
- 20 Памятники... Т. 2: Посольство князя Ивана Петровича Ромодановского // Труды... Т. 21. С. 144–150.
- 21 См.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. Вып. 1 (1578–1613 гг.). М., 1889. С. I–CXXIX, 1–582.
- 22 Вопрос о Грузии, Кумыках и Кабарде в сношениях России с Персией. 1588–1614 гг. // Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом... Вып. 1, № 33. С. 576.

²³ Белокуров С. А. Указ. соч. С. СХХVI.

²⁴ Там же. С. СХХVIII.

²⁵ См.: Из рассказов Дон-Хуана Персидского : Путешествие персидского посольства чрез Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. / пер. с исп. С. Соколова // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. III–IV, 1–19. (М.: Университетская типография. Страстной бульвар, 1898).

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ См.: *Пери В.* Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 г. / пер. с англ. С. Соколова // ЧОИДР. 1899. Кн. 4. С. 1–10 (М.: Университетская типография. Страстной бульвар, 1900).

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Из рассказов Дон-Хуана Персидского... С. 6–7.

³⁰ См.: Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. / пер. с нем. А. И. Станкевича // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. Материалы иностранные. С. 1–54.

³¹ См.: Памятники... Т. 2. Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина // Труды... СПб., 1892. Т. 21. С. 1–143.

³² См.: Посольство в Грузию Ивана Афанасьевича Нащокина и Ивана Леонтьева. 1601–1603 гг. // Белокуров С. А. Указ. соч. № 21. С. 347, 354–356.

³³ Посольство в Грузию Михаила Игнатьевича Татищева и дьяка Андрея Иванова. 1604–1605 гг. // Белокуров С. А. Указ. соч. № 25. С. 420, 430, 448.

УДК 94(40.44) «1780/1800»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ САРАТОВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА в 1780-е – начале 1800-х годов

М. А. Лукоянова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sakhalynka@bk.ru

На основе архивных и опубликованных источников автор исследует численность и занятия жителей уездных городов Саратовского наместничества в 1780-е – начале 1800-х гг. Сделаны выводы об изменениях в социально-экономическом развитии поселений при получении ими городского статуса.

Ключевые слова: история русского города, Саратовское наместничество, городское население, социально-экономическое развитие, уездные города.

Social-economic Development of District Towns of Saratov Region in 1780-s – Early 1800-s

М. А. Lukoyanova

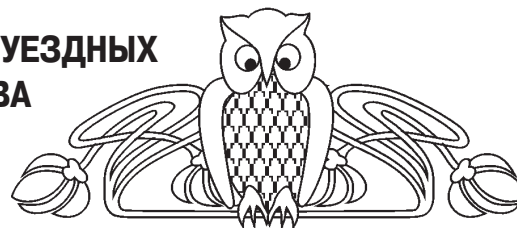
On the basis of archival and published sources, the author explores the number and occupations of the inhabitants of the district towns of Saratov province in the 1780s – early 1800s. This article also tells about changes in the social-economic development of settlements after receiving city status.

Key words: history of Russian towns, Saratov region, population of the towns, social-economic development, district towns.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-87-93

Изучение социально-экономического положения уездных городов Саратовского наместничества в конце XVIII в. представляет особый интерес для историка. Он вызван малой изученностью данной темы, т. к. исследователи обычно не углублялись в эту проблематику, предпочитая либо освещать отдельные ее аспекты, либо «проходить по верхам».

Эпизодическое исследование истории городов Саратовского края велось с начала XX в. Так,

Н. Е. Кушев посвятил отдельный труд истории Петровска с момента основания города до конца XIX в.¹, а А. Н. Минх в своей работе «Город Аткарск. Материалы для историко-географического описания Саратовской губернии» собрал все доступные ему сведения об этом населенном пункте, в том числе и легендарные².

В книге «Саратовский край в XVIII веке»³ В. А. Осипова нашли свое отражение такие вопросы, как колонизация региона, занятия населения, административное оформление Саратовской губернии. Ученый также уделил внимание и развитию городов, посвятив этому вопросу отдельную главу. Правда, основное внимание здесь уделено истории Саратова, а уездные города упоминаются для подтверждения разных выводов автора и сведения о них носят отрывочный характер. В. А. Осипов отмечает, что регион в 1780–1790-х гг. «прочно занял одно из первых мест на Юго-Востоке России по вывозу хлеба на продажу»⁴. Центрами скупки хлеба, без ссылки на источники, исследователь называет Аткарск, Балашов, Вольск, Петровск, Сердобск и Хвалынский и отмечает, что в Вольске, Царицыне и других городах «не утратила своего значения торговля рыбой и скотом»⁵. При этом в связи с изменением внешнеполитической обстановки старые города крепости Петровск и Царицын утратили свое оборонное значение, что видно и по структуре их населения – военнотрудовые там не упоминаются.

В главе «Очерков истории Саратовского Поволжья»⁶, посвященной развитию региона в XVIII в., городам уделяется минимальное внимание. В основном здесь рассказывается об источниках пополнения населения Саратовского наместничества и о его занятиях. По сути, глава

«Очерков» представляет собой сжатый пересказ одной из глав книги В. А. Осипова, освещающей те же самые проблемы, но более подробно.

Авторы книг серии «Города Саратовской (Пензенской) области»⁷ предпочитали не углубляться в XVIII в., вскользь упоминая о получении несколькими населенными пунктами – Аткарском, Балашовом, Вольском, Кузнецком, Сердобском, Хвалынском городского статуса и планов застройки. Недавно вышло исследование А. С. Майоровой, посвященное народной и дворянской культуре региона, а также культурному потенциалу Саратовской губернии⁸. В одном из разделов освещается культурная среда уездных городов Саратовской губернии, но используемые данные относятся только к первой половине XIX в.

В статье М. В. Булычева «Динамика населения городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.»⁹ освещается демография региона в указанный период с использованием архивных и опубликованных источников, анализируется численность и состав городского населения. Ценность данной статьи заключается в том, что впервые в местной историографии была предпринята попытка комплексного исследования населения всех городов губернии (раньше ученые обращали внимание в основном только на Саратов). Исследование М. В. Булычева базируется на широком круге источников, в первую очередь архивных. Однако при этом он не использует такие издания, как «Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясажные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч.» А. М. Щекатова (созданный в 1780-е гг.), «Краткое описание Саратовского наместничества вообще и порознь каждой округи, составляющее оное» (1783 г.), документы по истории Вольска начала XIX в.¹⁰, «Статистический журнал» (1806 г.), «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» (1807 г.) и др. Имеет смысл привлечь эти источники для анализа городской демографии указанного периода. Кроме того, М. В. Булычев в своей работе сделал акцент на численность и социальную структуру городского населения, тогда как моей задачей была попытка увязать демографические данные с социально-экономическим развитием уездных поселений Саратовского наместничества в конце XVIII – начале XIX в.

Цель моей статьи заключается в разностороннем (по возможности, предоставляемой источниками) освещении положения уездных городов

Саратовского наместничества в 1780–1800-е гг., изучении их населения, промыслов и торговли. Хронологически работа ограничивается 1780 и 1804 гг., поскольку в 1780 г. было образовано Саратовское наместничество, а в 1804 г. Аткарску и Балашову вернули статус городов, что завершило формирование городской сети региона.

Одним из главных вопросов при исследовании социально-экономического развития городов является динамика численности их населения. Данный показатель имеет очевидную связь с основными тенденциями экономического развития города, наглядно демонстрирует негативные и позитивные стороны городской инфраструктуры. Большое значение также имеет социальная структура городского населения, тесно связанная в ту эпоху с профессиональными занятиями.

Рассмотрим десять городских поселений, из которых шесть получили этот статус только 11 января 1780 г., когда именным указом императрицы Екатерины II Сенату было учреждено Саратовское наместничество¹¹. 7 ноября 1780 г. вышел указ уже об открытии наместничества, в состав которого вошли девять уездов (Аткарский, Вольский, Кузнецкий, Саратовский, Хвалынский, Петровский, Сердобский, Балашовский, Камышинский)¹². В границы новой административной единицы было включено все черноземное нижневолжское побережье от Хвалынска до Царицына. К уже существующим городам – Саратову, Камышину, Петровску и Царицыну – прибавились Аткарск (бывшая слобода Еткара), Балашов (село Балашово), Вольск (слобода Малыковка), Кузнецк (село Нарышкино), Сердобск (слобода Большая Сердоба), Хвалынский (село Сосновый Остров). 3 февраля 1781 г. состоялось открытие Саратовского наместничества, о чем астраханский губернатор И. В. Якоби сообщил Сенату¹³.

Указом «О новом разделении государства на губернии» 12 декабря 1796 г. Саратовская губерния была упразднена, а ее уезды отошли к Пензенской и Астраханской губерниям¹⁴. Но уже 5 марта 1797 г. Саратов из уездного города вновь был переведен в статус губернского¹⁵. 11 октября того же года территория ликвидированной Пензенской губернии была разделена между Саратовской, Нижегородской, Тамбовской и Симбирской губерниями¹⁶.

Указом императора Павла I в 1797 г. Аткарск потерял городской статус и со своим уездом был приписан к Саратовскому уезду. Несмотря на это там остался городской магистрат и частный пристав. Осенью 1797 г. Аткарск вновь стал городом, но теперь уже безуездным. По утверждению А. Н. Минха, городу был возвращен его уезд в 1804 г.¹⁷ При этом о восстановлении уездного города Аткарска говорится уже в указе от 24 мая 1803 г. Такое расхождение в датах восстановления можно объяснить длительностью реализации правительственных распоряжений и, возможно, Аткарск стал уездным городом фактически в 1804 г.

В упомянутом указе от 24 мая 1803 г. отмечено, что инициатива восстановления статуса исходила от властей, тогда как купцы и мещане в своем прошении в Сенат отмечали, что им эта процедура невыгодна. Они считали, что местоположение Аткарска неудобно для «важных торговых промыслов». У чиновников была иная точка зрения по данному вопросу: им нужен был уездный город для контроля над большой территорией¹⁸.

В «Кратком описании Саратовского наместничества...» среди жителей Аткарска в 1783 г. упомянуты 15 купцов и 995 мещан, бывших раньше пахотными солдатами села Еткары – предшественника города. Эти «горожане» занимались скотоводством и хлебопашеством, некоторые из них заготавливали изделия из древесины, вместе с иногородними промышленниками, и отправляли их весной на малых судах по Медведице в донские станицы, Азов, Таганрог, Черкасск. Каждую неделю в городе проводился торг¹⁹. В «Словаре...» А. М. Щекатова, составленном ориентировочно в 1780-х гг.²⁰, среди горожан уже названы только 659 мещан – бывших пахотных солдат села Еткара, которые занимаются скотоводством и хлебопашеством²¹.

До 1790 г. по реке Медведице, на берегу которой расположен Аткарск, судоходство осуществлялось на бударах – грузовых лодках. 20 судов каждую весну в половодье перевозили на Дон лес, хлеб, чиновки, рожи, деревянную посуду, смолу, деготь и прочие товары. Коммуникация прервалась из-за подорожания строительства будар, причиной которого стало обезлесение берегов Медведицы. Кроме того, во владениях казенных и помещичьих крестьян увеличилось число водяных мельниц, которые препятствовали следованию судов по реке. В 1789 г. аткарский купец Пчелинцев отправил по воде казенный провиант, но будары были задержаны мельницами. В результате купец пропустил время, удобное для сплава к Дону, и понес большие убытки²².

К 1797 г. в Аткарске официально значились 176 купцов и 1184 пахотных солдата – такие данные приводит в своей работе А. Н. Минх без указания источника цифр²³. Согласно «Статистическому журналу...» в 1802 г. в Аткарске жили 240 купцов и 1122 мещанина²⁴. При этом составитель издания отмечает, что большая часть жителей продолжала заниматься той же деятельностью, что и в составе села Еткара. В городе было несколько казенных служащих (в источнике не указано, сколько именно), и Аткарск «весь... состоит из платящих государственные подати»²⁵, то есть там не было представителей сословий, освобожденных от подобных выплат. В «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», составленном в 1807 г., говорится, что относящиеся к категориям купцов и мещан аткарчане были записаны в эти сословия «по необходимости, а потому ни мало не имеют пристойных капиталов и в торгах никто не обращается, а потому из ку-

печеского и мещанского звания 1100 душ просят в Правительствующем Сенате о обращении их в первобытное крестьянское звание»²⁶.

Жителями Балашова к 1783 г. числились дворцовые крестьяне (их количество не указано), шесть дворцовых крестьян, записанных в купечество, и 49 мещан. Тем не менее эти «купцы и мещане» занимались только хлебопашеством, в городе не было ни ярмарок, ни недельных торгов. Причиной их отсутствия автор документа считает недавно поселившихся жителей, большинство из которых «перешли из разных верховых городов», и не занимавшихся поэтому непривычным для них ремеслом²⁷. По данным Щекатова, в 1780-х гг. в Балашове жили 743 «записные из дворцовых крестьян в мещанство»²⁸. В ревизской сказке Балашова за 1795 г. (5-я ревизия) указана численность нескольких городских категорий, причем как мужчин, так и женщин. Так, в указанное время в городе проживали 8 священнослужителей, 278 купцов, 154 мещанина и 972 дворовых человека²⁹.

О балашовских купцах конца XVIII в. известно, что они, «в сие звание быв при начальном открытии города записаны по необходимости, большею частию не имеют свойственного сему званию капитала и торгов. Есть, однако же, капиталисты, которые обращаются в покупке рогатого и мелкого скота, а другие в мелочной торговле, как то в закупке мерлушек и разных кож, привозимых сельскими жителями на базары, бываемые в городе Балашове и уезде оного. Некоторые закупают хлеб и отвозят оный в Моршанскую пристань Тамбовской губернии, а кожи и мерлушки продают по ярмаркам. Несколько из купцов и мещан находятся в сидельцах по питейным домам, а другие производят кузнечное ремесло»³⁰.

В 1797 г. Балашов определили в заштатные города, его уезд отошел к Новохоперскому и Сердобскому уездам. До этого времени в городе насчитывалось десять «порядочных» домов, построенных дворянами и чиновниками. Эти постройки по упразднении города дворяне отвезли в свои деревни³¹. Указом от 24 мая 1803 г. Балашову был возвращен статус уездного центра³². При этом отмечалось, что Балашовский уезд не надо причислять к Сердобску, поскольку будет превышено число жителей административной единицы, и это пойдет вразрез с Учреждением об управлении губерний Екатерины II. Кроме того, слияние создало бы неудобства «исправному управлению и надзору земской полиции и другим начальствам». Учтя все доводы, император велел восстановить уездный статус Балашова, в городе были открыты присутственные места³³.

Среди жителей Вольска в 1783 г. были 286 купцов и 2070 мещан. В это время каждую неделю в городе проводилась торговля хлебом, а 29 июня проходила ярмарка. Мещане занимались хлебопашеством и рыболовством, купцы в основном отправкой хлеба в низовые города³⁴. В обывательской книге Вольска за 1786 г. значатся

5545 человек (без указания сословной принадлежности)³⁵. В 1802 г. в городе жили 47 дворян, 596 купцов и 1122 посадских³⁶.

Известно, что в 1792 г. в Вольске произошел крупный пожар, когда было уничтожено 372 дома, но сведений о человеческих жертвах нет³⁷. 1 июля 1802 г. в городе прошел «редкостный ливень», смывший понизовые дома³⁸ – Вольская городская дума сообщила о двух погибших женщинах³⁹. Больше в источниках за исследуемый период не упоминаются какие-либо стихийные бедствия, которые могли бы привести к массовой гибели людей. Следовательно, этот фактор не оказывал влияния на численность городского населения и, скорее всего, не препятствовал социально-экономическому развитию. В 1795 г. здесь была открыта регулярная переправа через Волгу, в начале XIX в. уже существовало 40 мануфактурных лавок⁴⁰; все это вместе с ярмарками способствовало развитию торговли и, следовательно, экономики. Совокупность данных факторов, в свою очередь, привела к увеличению численности населения Вольска.

Дубовка уже существовала не позднее 1732 г., а в 1734 г. она стала главным городком волжских казаков. По преданию, содержащемуся в работе А. Н. Минха, до появления здесь казаков волжские берега охраняли солдаты, жившие в укреплении, расположенном на месте будущего посада. Населенный пункт участвовал в Пугачевском восстании, в связи с чем в 1771 г. отсюда были выселены 517 казаков, чье место заняли переселенцы. Дубовку, по сведениям А. Н. Минха, заселили украинцы и другие выходцы из соседних регионов, а также малоземельные экономические крестьяне из разных губерний. 2000 семей новых переселенцев получили из казны земли, отобранные у выселенных казаков⁴¹. Из выселенных жителей был сформирован Моздокский казачий полк⁴², который занимался охраной южной границы государства на Моздокской линии на Кавказе – по Тереку до Азова. Оставшихся жителей Дубовки с 1804 г. причислили к Астраханскому казачьему войску вместе со станицами Александровская и Пичужинская.

10 июля 1785 г. императрица Екатерина II подписала именной указ, адресованный Саратовскому и Кавказскому генерал-губернатору Г. А. Потемкину «О разных распоряжениях касательно устройства Саратовских колонистов». Среди прочих положений в нем имеется пункт «Бывшее главное селение Волжских казаков Дубовку, по выгодыности его положения, обратит в посад»⁴³. Дубовка располагалась на берегу Волги у начала сухопутного волока к Дону. Постепенно здесь сосредоточились склады товаров, которыми регионы Верхнего Поволжья обменивались с южными⁴⁴. К сожалению, пока не удалось найти информацию о численности населения Дубовки в конце XVIII – начале XIX в.

К 1783 г. в Камышине жили 128 купцов и 323 мещанина⁴⁵, чья торговля и промысел зависе-

ли, главным образом, от соляной пристани. Горожане продавали многочисленным возчикам, прибывшим на пристань, вещи и продукты питания. Многие камышинцы занимались скотоводством и хлебопашеством на городских землях. По другим данным, в 1780-е гг. в Камышине жили 65 купцов, 301 мещанин и цеховой, 720 бобылей (крестьяне, не имевшие наделов)⁴⁶. В 1795 и 1800 гг. в городе произошли два пожара⁴⁷, но сведений о погибших в огне людях не имеется, поэтому вряд ли пожары оказали значительное влияние на численность горожан. В 1802 г. среди камышинцев указаны 130 дворян, 200 купцов и 568 мещан⁴⁸.

Кузнецк был известен с конца XVII в. как село Труево-Нарышкино. Датой основания села считается 7 февраля 1699 г. – день открытия церкви Воскресения Христова. В 1780 г. оно было переименовано в Кузнецк и стало уездным городом Саратовской губернии. Свое название он получил благодаря тому, что «сей город наполнен кузнецами»⁴⁹.

При новом разделении Саратовской губернии на уезды (12 апреля 1798 г.) и издании нового штата Саратовской губернии (24 мая 1803 г.) Кузнецк продолжал оставаться уездным городом, сохранив свой статус⁵⁰. По данным на 1783 г., в городе жили 127 купцов и 2300 мещан⁵¹, А. М. Щекатов называет горожанами в 1780-х гг. 62 купцов и 2200 мещан⁵². Купцы занимались торговлей, мещане были задействованы в кузнечном ремесле и хлебопашестве. Они либо продавали свои изделия на месте, либо сдавали купцам для реализации в других городах. Каждую неделю в Кузнецке проводился торг, ежегодно на десятую пятницу после Пасхи – ярмарка. В городе находились кожевенные заводы, число которых в источнике не указано⁵³.

В 1786 г. в Кузнецке проживало 2405 купцов и мещан⁵⁴, в 1795 г. – 891 купец, 1528 мещан и цеховых⁵⁵, в 1802 г. – 50 дворян, 1394 купца и 1415 мещан⁵⁶. По данным священника А. Смирнова, все население Кузнецка в конце XVIII в. составляли дворцовые и ясачные крестьяне, которые в основном занимались хлебопашеством. Этот историк-любитель, живший во второй половине XIX в., отмечал ряд факторов, замедлявших рост населения города: отсутствие судоходной реки, удаленность от крупных промышленных и торговых центров, отсутствие посторонних сил, способных «подвинуть и усилить развитие по разным отраслям ремесел и промышленности»⁵⁷.

Петровск, созданный в 1698 г., около ста лет служил крепостью для обороны от набегов татар. А. М. Щекатов отмечает среди населения Петровска в 1780-х гг. только 21 купца⁵⁸, Н. Е. Кушев в 1781 г. – 1427 человек⁵⁹. По данным на 1783 г., в Петровске сохранилась четырехугольная крепость с башнями, внутри которой была расположена каменная церковь. Улицы города были прямыми, на них находились типичные крестьянские постройки. Население Петровска тогда составляли

33 купца, 254 цеховых и мещанина, пахотные солдаты (их количество в источнике не указано)⁶⁰. Они занимались хлебопашеством, скотоводством и продажей мелких вещей. Каждую неделю в Петровске проходила торговля хлебом и «нужными для крестьянства» вещами. На ежегодную ярмарку, проводившуюся 8 июля, привозились мелкие товары из Пензы и Саратова. К 1790-м гг. он утратил военно-стратегическое значение, в связи с чем из цейхауза города в 1797 г. вывезли затинную пищаль и девять пушек, тогда же была уничтожена ограда⁶¹. В 1802 г. в Петровске жили 65 дворян, 471 купец и мещанин⁶².

Жителями Сердобска в 1783 г. числились 40 купцов и 1754 мещанина, которые перешли в эти сословия, будучи до того пахотными солдатами слободы Сердоба. Но и как горожане они продолжали заниматься хлебопашеством и скотоводством. Торг в Сердобске проводился еженедельно, ярмарка – 8 июля⁶³. В 1802 г. население города составляли 535 купцов, 390 мещан и 15 цеховых мастеров⁶⁴.

В «Топографическом и историческом описании...» прямо указано, что при открытии Хвалынска 9 из 106 экономических ясашных крестьян были «переименованы» в купцов третьей гильдии, 33 из 517 экономических крестьян – в мещан⁶⁵. Источник поясняет, что новые члены городских сословий не имели промыслов и капиталов, связанных с полученным званием. Богатыми названы только новые купцы – записавшиеся в это сословие крестьяне, жившие ранее в других селениях; основным занятием населения было хлебопашество⁶⁶.

Хвалынскими жителями в 1783 г. числились 358 купцов и 610 мещан. Каждую неделю здесь торговали хлебом, ежегодная ярмарка проводилась 8 июля. Купцы в основном отправляли скупленный ими хлеб в Астрахань по Волге, мещане занимались хлебопашеством и рыболовством⁶⁷. В 1780-х гг. в Хвалынске жили 130 купцов и 562 мещанина⁶⁸, в 1795 г. – 2774 купца и посадских⁶⁹. В 1802 г. источники указывают среди горожан 34 дворян, 688 купцов, 649 мещан, 2 цеховых⁷⁰.

В 1783 г. Царицын, основанный в 1589 г. как крепость, еще был укреплен рвом, валом и восемью бастионами с южной и северо-западной сторон по реке Царица, палисадом – со стороны Волги. Здесь жили 320 цеховых и мещан, 304 купца, которые торговали с донскими казаками из близлежащих станиц и калмыками, кочующими неподалеку. Мещане и «не малая часть» купцов занимались обработкой арбузных бахчей, рыболовством, скотоводством, сеяли просо. Некоторые из них держали виноградные сады на хуторах на городских землях, которые приносили «нарочитые прибитки»⁷¹. В 1780-х гг. в Царицыне жили 938 купцов, мещан, цеховых мастеров, бобылей и инородцев⁷². Среди горожан в 1802 г. указаны 101 дворянин, 264 купца, 470 мещан, 11 цеховых мастеров⁷³.

Основываясь на изложенных выше фактах, можно сделать вывод о том, что получение городского статуса не изменило принципиально жизнь населения в Аткарске, Балашове, Вольске, Кузнецке, Сердобске и Хвалынске. Занятия жителей остались прежними, каких-либо новых в исследуемый период не появилось. Изменился статус живших в городах дворцовых крестьян и пахотных солдат, которых записывали в купцы и мещане. Судя по тому что ни в одном из изученных источников не упоминаются органы власти и правопорядка, их роль в жизни населенных пунктов была незначительной. Смена статуса оказалась формальностью, которая не привела к качественному улучшению жизни населения.

Анализ сведений источников показывает, что к 1783 г. население городов в основном составляли купцы и мещане; только в Балашове, Петровске и Царицыне среди сословий также указаны пахотные солдаты, цеховые либо дворцовые крестьяне. К 1802 г. в сословной структуре шести из девяти городов, наряду с вышеупомянутыми категориями, встречаются дворяне, одного города – казенные служащие. Я полагаю, что увеличение числа сословий можно объяснить особенностями статистического учета. Очевидно, источник 1783 г. отображал сведения только о податных сословиях, к которым ни дворяне, ни казенные служащие не относились. В 1802 г., видимо, статистики уже внесли их в число городских жителей. В городах Саратовской губернии дворяне могли служить в казначействах, присутственных местах, на артиллерийских дворах и в инженерных арсеналах. С другой стороны, источники внутри обеих пограничных дат редко упоминают крестьян. Возможно, во время сбора информации представители данного сословия либо перешли в купеческое и мещанское состояния, либо не были причислены к числу горожан, поэтому сведений о них в документах мало. Как бы то ни было, изменение сословной принадлежности не оказало значительного влияния на жизнь крестьян – их занятия оставались теми же. Изучив источники 1795 г., основанные на данных пятой ревизии, М. В. Булычев отмечает небольшой процент крестьянского населения в городах, который он объясняет возможным недоучетом⁷⁴. На основании анализа наших источников можно утверждать, что в 1780–1800-х гг. уездные города Саратовской губернии были купеческо-мещанскими по составу населения.

Скудные данные документов позволяют сделать некоторые выводы об экономике городов в указанный период. К 1783 г. жители всех городов занимались хлебопашеством. В качестве основных занятий населения скотоводство указано в пяти городах, торговля – в пяти, рыболовство – в трех, перевозка товаров – в двух. При этом промышленное производство, как показывают источники, практически отсутствовало, за исключением небольших предприятий в Кузнецке. «Статистический журнал...», в котором рассказывается о

жизни уездных городов губернии в 1802 г., почти не содержит информации об их экономике. В нем только говорится, что в Кузнецке находилось несколько кожевенных фабрик, и произведенные на них товары продавались на территории всей губернии.

А. С. Майорова в своей монографии приводит условную классификацию уездных городов губернии. К первой группе исследователь отнесла города-крепости – Камышин, Петровск и Царицын, ко второй – остальные города, которые были сельскими поселениями до 1780 г. Вторая группа, в свою очередь, делится на города, «в которых до получения ими статуса уездных городов значительную роль играла торговая, промысловая или ремесленная деятельность населения»⁷⁵, и на уездные центры, фактически оставшиеся сельскими поселениями по характеру хозяйственной деятельности жителей. Я бы не стала обособлять старые города от вновь учрежденных, основываясь на данных приведенных выше источников. Почти во всех поселениях после учреждения наместничества среди занятий горожан числилось хлебопашество, а торговлей и скотоводством занимались жители пяти уездных городов. Как показано в статье, по социально-экономическим критериям старые города практически ничем не отличались от новых. Не могу согласиться с делением городов по занятиям их населения. Возможно, А. С. Майорова при составлении классификации имела в виду весь период от конца XVIII до середины XIX в., тогда как настоящее исследование ограничено 1780-ми – 1800-ми годами.

Примечания

- 1 См.: *Кушев Н. Е.* Двухсотлетие города Петровска Саратовской губернии. Петровск, 1898.
- 2 См.: *Минх А. Н.* Город Аткарк. Материалы для историко-географического описания Саратовской губернии. Аткарк, 1908.
- 3 См.: *Осинов В. А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985.
- 4 Там же. С. 53.
- 5 Там же. С. 68.
- 6 См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья* : в 2 т. Т. I. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 75–131.
- 7 См.: *Бульин Н. П., Махалкин С. М.* Сердобск. Саратов, 1979 ; *Игнатьев В. Н., Лебединский М. И.* Город Аткарк. Саратов, 1981 ; *Кутырев П. Г., Чулков А. Г.* Город Вольск. Саратов, 1985 ; *Печурин Е. А., Танонин В. В.* Город Балашов. Саратов, 1979 ; *Пичиенко Ф. Г.* Хвалынский. Саратов, 1977 ; *Позин Я. С.* Кузнецк. Саратов, 1979.
- 8 См.: *Майорова А. С.* История культуры Саратовского края : Культура Саратовского края до начала XX века (Ч. 1. Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов, 2013.
- 9 См.: *Бульчев М. В.* Динамика населения городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине

XIX в. // Документальное наследие и проблемы истории Саратовского края. Саратов, 2015. С. 147–169.

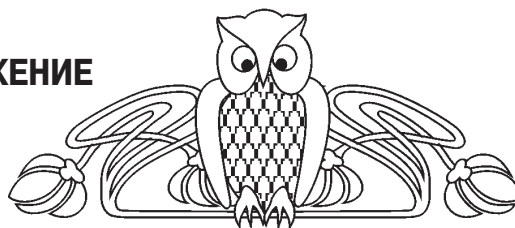
- 10 См.: Первая обывательская книга города Вольска 1786 года (по изданию: *Гуцихина Л. С.* От Мальковки до Вольска (конец XVIII – начало XIX веков). Саратов, 2008 ; Протокол заседания Вольской градской думы о происшедшем 1 июля 1802 года дождевом наводнении // *Гуцихина Л. С.* «Каменный» расцвет города Вольска и история сел Вольского уезда (начало XIX века ; конец XIX века). Научный сборник архивных документов. Саратов, 2012.
- 11 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее ПСЗ-1). Т. XX. СПб., 1830. С. 909.
- 12 Там же. С. 1012.
- 13 Там же. Т. XXI. С. 70.
- 14 Там же. Т. XXIV. С. 229–230.
- 15 Там же. С. 509.
- 16 Там же. С. 766.
- 17 См.: *Минх А. Н.* Указ. соч. С. 6.
- 18 См.: ПСЗ-1. Т. XLIV. Книга штатов, Ч. 2. Штаты по гражданской части (1801–1808). С. 20–22.
- 19 См.: Краткое описание Саратовского наместничества вообще и порознь каждой округи, составляющее оное / под ред. М. С. Полубаярова // <http://gorodkuzneck.ru/download/%20%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%201783.pdf> (дата обращения: 11.07.2015). С. 26–27.
- 20 См.: *Чечулин Н. Д.* Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 64.
- 21 См.: *Щекатов А. М.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч.. М., 1801. Ч. 1. С. 286, 288.
- 22 См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011. С. 103.
- 23 См.: *Минх А. Н.* Указ. соч. С. 6.
- 24 См.: Материалы для статистики Саратовской губернии // Статистический журнал. СПб., 1806. Т. 1, ч. 1. С. 102, 112–113.
- 25 Там же. С. 118.
- 26 Топографическое и историческое описание... С. 102.
- 27 Краткое описание Саратовского наместничества... С. 24.
- 28 *Щекатов А. М.* Указ. соч. Ч. 1. С. 327.
- 29 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 57. Л. 44об, 45об, 46об, 48об, 62об, 83.
- 30 Топографическое и историческое описание... С. 107.
- 31 Там же. С. 106.
- 32 См.: ПСЗ-1. Т. XLIV. Книга штатов, Ч. 2. Штаты по гражданской части (1801–1808). С. 20–22.

- ³³ См.: Топографическое и историческое описание... С. 106.
- ³⁴ См.: Краткое описание Саратовского наместничества... С. 30.
- ³⁵ См.: Первая обывательская книга города Вольска 1786 года (по изданию: *Гуцихина Л. С.* От Малыковки до Вольска (конец XVIII – начало XIX веков). Саратов, 2008.
- ³⁶ См.: Материалы для статистики Саратовской губернии. С. 112–114.
- ³⁷ См.: *Кутырев П. Г., Чулков А. Г.* Указ. соч. С. 14.
- ³⁸ См.: Там же. С. 16.
- ³⁹ См.: Протокол заседания Вольской градской думы о происшедшем 1 июля 1802 года дождевом наводнении // *Гуцихина Л. С.* «Каменный» расцвет города Вольска и история сел Вольского уезда (начало XIX века; конец XIX века). Научный сборник архивных документов. Саратов, 2012. С. 67.
- ⁴⁰ См.: *Кутырев П. Г., Чулков А. Г.* Указ. соч. С. 8.
- ⁴¹ См.: *Минх А. Н.* Указ. соч. С. 251.
- ⁴² *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. С. 63.
- ⁴³ ПСЗ-1. Т. XX. С. 426–427.
- ⁴⁴ См.: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. URL: <http://www.dubovreg.ru/region/history.php> (дата обращения: 19.06.2015).
- ⁴⁵ См.: Краткое описание Саратовского наместничества... С. 20.
- ⁴⁶ См.: *Щекатов А. М.* Указ. соч. М., 1804. Ч. 3. С. 277.
- ⁴⁷ См.: Топографическое и историческое описание... С. 66.
- ⁴⁸ См.: Материалы для статистики Саратовской губернии. С. 112–114.
- ⁴⁹ Города России. М., 1998. С. 226.
- ⁵⁰ См.: Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 4. С. 440.
- ⁵¹ См.: Краткое описание Саратовского наместничества... С. 27.
- ⁵² См.: *Щекатов А. М.* Указ. соч. М., 1804. Ч. 3. С. 953.
- ⁵³ См.: Краткое описание Саратовского наместничества... С. 28.
- ⁵⁴ См.: *Смирнов А.* Материалы для истории города Кузнецка // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. I. С. 73.
- ⁵⁵ См.: *Позин Я. С.* Кузнецк. Саратов, 1979. С. 7.
- ⁵⁶ См.: Материалы для статистики Саратовской губернии. С. 112–114.
- ⁵⁷ *Смирнов А.* Указ. соч. С. 72.
- ⁵⁸ См.: *Щекатов А. М.* Указ. соч. М., 1805. Ч. 4. С. 1109.
- ⁵⁹ См.: *Кушев Н. Е.* Указ. соч. С. 14.
- ⁶⁰ См.: Краткое описание Саратовского наместничества... С. 18.
- ⁶¹ См.: *Лунин А. А.* Очерк города Петровска // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. I. С. 236.
- ⁶² См.: Материалы для статистики Саратовской губернии. С. 112–114.
- ⁶³ См.: Краткое описание Саратовского наместничества... С. 25.
- ⁶⁴ См.: Материалы для статистики Саратовской губернии. С. 112–114.
- ⁶⁵ См.: Топографическое и историческое описание... С. 41.
- ⁶⁶ Там же. С. 42.
- ⁶⁷ См.: Краткое описание Саратовского наместничества... С. 29.
- ⁶⁸ См.: *Щекатов А. М.* Указ. соч. Ч. 6. М., 1808. С. 731.
- ⁶⁹ См.: ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 90. Л. 60 об, 106 об, 183, 191, 209, 212 об.
- ⁷⁰ См.: Материалы для статистики Саратовской губернии. С. 112–114.
- ⁷¹ Краткое описание Саратовского наместничества... С. 22.
- ⁷² См.: *Щекатов А. М.* Указ. соч. М., 1809. Ч. 7. С. 9–10.
- ⁷³ См.: Материалы для статистики Саратовской губернии. С. 112–114.
- ⁷⁴ См.: *Бульчев М. В.* Указ. соч. С. 151.
- ⁷⁵ *Майорова А. С.* Указ. соч. С. 184.

УДК 94(470+571)«1877/1878»:347.781.52

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «САРАТОВСКИЙ СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОК»

С. А. Кочуков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Статья посвящена анализу публикаций газеты «Саратовский справочный листок» в период Русско-турецкой войны 1877–

1878 гг. Автор приходит к выводу о специфике отражения событий в региональной печати. Рассматриваются взгляды саратовского общества на причины национально-освободительного движения на Балканах и войны России с Османской империей.

Ключевые слова: периодические издания, общественное мнение, национально-освободительное движение, армия, Русско-турецкая война.

The National Liberation Movement in the Balkans and Russian-Turkish War of 1877–1878 the Newspaper «Saratov Data Sheet»

S. A. Kochukov

This article analyzes the publication of the newspaper «Saratov data sheet» during the Russian-Turkish war of 1877–1878. The author comes to a conclusion about the specifics reflect events in the regional press. The ideas of the Saratov society on the causes of the national liberation movement in the Balkans and Russia's war with the Ottoman Empire.

Key word: periodicals, public opinion, national liberation movement, army, Russian-Turkish war.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-93-98

События на Балканском полуострове в 1876 г. и последовавшая за ними Русско-турецкая война 1877–1878 гг. нашли живое отражение на страницах российских периодических изданий. В отечественной исторической науке сложилось мнение, что действительно интересную и актуальную информацию преподносили читателям только газеты и журналы Москвы и Санкт-Петербурга. Распространено представление о второстепенности периферийной периодики, обусловленной отсутствием своих корреспондентов на Балканах и Кавказе. Вследствие этого провинциальная пресса якобы просто перепечатывала материалы центральной. Безусловно, и подобные факты имели место, но отводить региональным периодическим изданиям тривиальную роль распространителя сведений и идей, почерпнутых из центральной прессы, было бы не оправданно.

Ярким примером в этом отношении является «Саратовский справочный листок». Первоначально эта газета называлась «Справочный листок г. Саратова» и начала регулярно выходить с 1863 г. В 1865 г. газета поменяла название на «Саратовский справочный листок» и стала выходить ежедневно. Газета пользовалась достаточно большой популярностью в городе. Особенно это заметно после 1869 г., когда существенно изменился характер отражаемого газетой информационного потока. Если в 1863 г. «Саратовский справочный листок» наполнялся в основном частными объявлениями, то с конца 60-х гг. XIX в. в газете появляются литературные произведения, а также отдел местной корреспонденции. Начиная с 1870 г. в газете регулярно печатаются передовые статьи, появляется политическое обозрение, земская и судебная хроника.

«Саратовский справочный листок» акцентировал свое внимание не только на сугубо городских или губернских вопросах. С началом очередного витка национально-освободительного движения на Балканском полуострове на страницах губернской периодики все чаще стали появляться заметки, в которых обсуждались и рассматривались международные политические и военные события.

Первоначально «Саратовский справочный листок», представляя своим читателям события на Балканах, перепечатывал из центральных газет те или иные корреспонденции, но по мере того как саратовское общество стало проявлять интерес к проблеме южных славян и к участию России в их судьбе, редакция газета меняла подход к освещению событий. Безусловно, батальные составляющие никогда не исчезали с газетных полос, но вместе с ними стали появляться материалы, которые дают возможность проследить, как Саратовская губерния реагировала на события новой войны.

Первые сообщения о ситуации на Балканах, в которой непосредственно были задействованы саратовцы, появились на страницах «Листка» в сентябре 1876 г. Из Саратова для участия в Сербско-турецкой войне отправились 42 волонтера¹. На первый взгляд может казаться, что в этом ничего примечательного нет, так как поездки русских волонтеров на театр боевых действий в 1876 г. стали в порядке вещей², но, с другой стороны, «Саратовский справочный листок» поднимал очень важную для всех волонтеров проблему, а именно проблему финансовой составляющей. В обстановке общественного воодушевления и почти эйфории, являвшейся эмоциональным фоном оказания военной помощи славянам, большинство добровольцев порой забывали, а иногда и просто не знали, на какие деньги они отправятся на фронт. Безусловно, Славянские комитеты старались, как могли, помочь русским волонтерам, но их возможности были ограничены. Желавших отправиться на Балканский полуостров было много. Все добровольцы проходили определенную процедуру. Необходимо было направить в Славянский благотворительный комитет прошение. Писались подобные прошения одинаково, а состав волонтеров был достаточно пестрым: от сидельца в лавке до чиновника³. Большое количество прошений было от женщин, которые хотели работать в среде волонтеров в качестве сестер милосердия⁴.

Признавая беззаветность и энтузиазм волонтеров, «Саратовский справочный листок» ставил им в вину то, что их отправка на Балканы не была тщательно продумана. Газета вынуждена была констатировать по этому поводу: «...многие из русских людей стремятся на помощь к страждущим славянам, борющимся за православную веру и свободу, очень характерны и замечательны; но вместе с тем нельзя не удивляться тому безрассудству и непредусмотрительности, с которыми люди рискнули пуститься в дальний путь, не имея достаточных средств на проезд. На что они рассчитывали?»⁵.

Примечательно, какие выводы были сделаны в заметке «Саратовского справочного листка». Если бы была объявлена кампания по сбору средств для поддержки саратовских добровольцев, то это бы никого не удивило. Но «Листок» пошел еще дальше. По мнению газеты: «...мы

помещаем настоящую заметку на тот конец, что родственники и знакомые наших путешественников, вероятно, не откажутся своей помощью вывести их из затруднительного положения»⁶. Это выглядело как признание принципа «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

В целом на страницах саратовской газеты преобладали заметки, в которых сама идея отправки добровольцев на Балканский полуостров всячески культивировалась. Например, в письме редактора «Саратовского справочного листка» А. Соколова, которое было адресовано в Московский славянский комитет, говорилось: «... Вас (имеется в виду один из лидеров комитета Н. А. Попов. – С. К.) напрасно пугает мысль, что наши волонтеры “сядут на шею” Московскому комитету... Надеемся, что они не причинят срама земле русской. Настоящее письмо имеет целью просить у вас на следующий вопрос определенного ответа: можете ли вы давать нашим волонтерам даровой билет от Москвы до Кишинева?»⁷.

Все русские добровольцы перед отправкой на Балканы проходили в России специальную подготовку. Занимался этим И. С. Аксаков, который сумел организовать совершенно разрозненные силы, которые рвались на Балканский полуостров, создав «Московский славянский благотворительный комитет». Помимо финансовой помощи, Аксаков проводил своеобразную идеологическую подготовку добровольцев. Им, в частности, внушалось, что «нашему народу вовсе не интересен вопрос о проливах, о Константинополе, о торговле с Индией и т. д. Ему важно только, что “наших бьют” и что, следовательно, нам важно освобождение турецких христиан и это есть нравственный долг и назначение православной России»⁸.

Совершенно невозможно определить хотя бы приблизительную цифру погибших добровольцев в Сербии и Болгарии. Не существовало даже специальной команды, которая бы вела подсчет боевых потерь. Гибли в ходе Сербо-турецкой войны и саратовцы-добровольцы. Гибель некоторых из них находила отражение и на страницах «Саратовского справочного листка».

Героической смерти саратовских волонтеров Е. Н. Левашева и Е. Д. Коровина были посвящены в газете специальные сообщения⁹. В завершении одного из сообщений звучало: «Мир праху вашему, наши добровольцы! Мир праху вашему, наши доблестные граждане! Соотечественники наши вполне оценили ту жертву, которую вы принесли, и имена ваши с уважением произносятся одинаково с именами Киреева, Раевского и других...»¹⁰

Возвращение русских волонтеров из Сербии после 19 января 1877 г. было не таким триумфальным, как их отправление на Балканский полуостров. Фактически они были предоставлены сами себе. Да и все российское общество уже было поглощено новыми проблемами, связанными с приближавшейся Русско-турецкой войной.

Объявление войны Турции в апреле 1877 г. произвело эффект разорвавшейся бомбы. Причем само объявление было встречено далеко не однозначно и в русском обществе, и в прессе¹¹. Конечно, большинство было за скорейшее открытие боевых действий. Но имели место и критические взгляды на войну. Например, газета «Голос» подошла к проблеме военной кампании 1877 г. весьма осторожно. В одном из апрельских номеров отмечалось: «Высокая задача, идеальная цель! Готовы ли мы к ней внутренне? Если бы были готовы, давно бы уже достигли бы цели, исполнили задачу, свершили святое призвание без тех кровавых жертв, которые может быть скоро потребуются»¹². Что же касается «Саратовского справочного листка», то газета встретила известия о начале войны в полном соответствии с официальным курсом. В номере от 19 апреля 1877 г. отмечалось: «17-го сего апреля в день рождения императорского величества нашего августейшего монарха, произошло обнародование у нас высочайшего манифеста о войне с Турцией как кафедральном соборе, так и во всех приходских церквях города Саратова. По совершении литургии в соборе, прочитан был преосвященным Тихоном манифест при громадном стечении народа, после чего его преосвященством произнесена была глубоко прочувственная речь. За сим преосвященным было совершено молебствие»¹³.

Значительная часть саратовского общества была настроена достаточно воинственно. Например, Саратовское земство заготовило специальный «Адрес» Александру II, в котором четко определялось отношение саратовцев к Русско-турецкой войне. В нем указывалось: «Саратовское городское общество, непоколебимо веруя в ваши высокие предназначения во имя ограждения чести дорогой нам России и освобождения единоплеменников и единоверных нам славян от невыносимого гнета исконного врага христианства, считают священным долгом, при настоящих политических событиях, выразить свои верно-подданнические чувства с полной готовностью пожертвовать собой и всяким достоянием, если избранный вашим императорским величеством из любви к своим подданным, мирный путь не приведет к желаемым результатам. Пусть враги наши знают, что сыны России всегда готовы, по первому призыву своего возлюбленного монарха, явиться достойными потомками своих предков в любви и преданности престолу и отечеству. Молим бога, да защитит он правое дело, да поможет царю-освободителю освободить наших братьев на Балканском полуострове от четырехвекового мученичества и организовать славное царствование еще новым славным деянием»¹⁴.

Помимо батальных сцен на страницах «Саратовского справочного листка» уделялось немало внимания отношению церкви к войне. основополагающая идея Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – борьба за освобождение

угнетенных православных народов Османской империи – не могла не вызвать сочувственного отношения Русской православной церкви. Отношение церкви к начавшейся войне с Турцией развивалось в целом в том же направлении, что и Славянских комитетов. Более того, церковь была даже заинтересована в работе аксаковского общества. Дело в том, что Славянские комитеты – это единственные легальные организации в России, которые имели право собирать и переправлять благотворительную помощь нуждающимся на Балканский полуостров, а также в действующую армию. Церковь же таким правом не обладала, хотя всегда сочувственно относилась к национально-освободительной борьбе южных славян.

Священнослужители Русской православной церкви положительно восприняли начало Русско-турецкой войны. 12 июня 1877 г. саратовский епископ Тихон произнес речь перед отбывающими на войну войсками, которая потом была опубликована в газете «Саратовский справочный листок». Помимо приветственных слов о начале активных боевых действий¹⁵, епископ предложил собравшимся определенное видение балканской проблемы. Он заявил: «Война, которую Россия ныне ведет с Турцией, имеет всемирное значение. Это война креста с полумесяцем, христианства с магометанством. Это война просвещения с варварством, война Европы с Азией, хотя из всех европейских держав лишь только одна Россия приняла на себя всю тягость этой войны... Стало быть для России это война не ради каких бы то ни было приобретений, но война совершенно бескорыстная, хотя по своим последствиям в случае успеха с нашей стороны война в высшей степени для России выгодна. За эту дорогую кровь, которую прольют русские воины; за те несметные суммы, какие израсходуют на эту войну русское государство и русский народ, Россия раз и навсегда привлечет к себе сердечное расположение со стороны всех славянских народов»¹⁶.

Если сравнить речь епископа Тихона, напечатанную в газете «Саратовский справочный листок», и высказывания лидера Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксакова, то можно говорить об их смысловой идентичности. В речи, которая была произнесена в Московском славянском комитете 6 марта 1877 г., И. С. Аксаков заявил: «Восточный вопрос для России в существе своем прав и ясен. Это вопрос нашего собственного бытия, наш русский, а не западно-европейский. Ибо христианский Восток есть область христианства восточного, во главе которого мы стоим и иного быть не может. Россия и все славяне Балканского полуострова – это целый особый мир православно-славянский, все оторванные его члены должны быть возвращены этому миру. Его призвания – развить, проявить и воплотить в исторической жизни те духовные начала, которые лежат в основе славянской народности и обуславливаются главным образом

православным вероисповеданием... Это война историческая необходимость; это война народная, и никогда ни к какой войне не относился народ с таким сознательным участием»¹⁷. И для епископа Тихона, и для Славянского комитета в лице Аксакова цель Российской империи в начавшейся войне была очевидна. Это выполнение Россией своей исторической миссии защиты православия на международной арене¹⁸.

Священнослужителям долгое время не разрешалось в своих проповедях даже затрагивать проблему войны России и Турции. После начавшегося очередного витка национально-освободительного движения на Балканском полуострове до официальных кругов России стала доходить информация, что ряд священников начинает призывать своих прихожан к вооруженной поддержке южных славян. На тот момент, с точки зрения государственной власти, подобные призывы церкви были явно преждевременными. Россия к войне с Османской империей была еще не готова, более того, у Александра II фактически отсутствовал свой взгляд на эту проблему. Поэтому в августе 1876 г. Александр II предельно конкретно высказался относительно обращений священников, приказав обер-прокурору Синода следить за тем, «чтобы духовенство, касаясь этого важного в политическом отношении предмета, соблюдало надлежащую, свойственную духовному сану умеренность и воздержанность от произнесения возбуждающих и неосмотрительных речей»¹⁹. Но как только война против Турции была объявлена, большинство священников воспользовались периодическими изданиями, чтобы донести до прихожан свое видение проблемы освобождения Балкан от турецкого владычества, и сотрудничество саратовского епископа Тихона с «Саратовским справочным листком» – яркое тому подтверждение.

Рассматривая публикации «Саратовского справочного листка», нельзя не коснуться материалов, которые характеризуют помощь саратовцев раненым в ходе боевых действий²⁰. Эти сообщения и статьи занимают в газете значительное место, уступая лишь описанию подвигов русских солдат и офицеров.

Примечательно, что на страницах «Листка» не просто констатировался факт открытия того или другого лазарета, но и давалась подробная характеристика. Сразу же после объявления войны Турции 29 апреля 1877 г. на страницах периодического издания было помещено сообщение об устройстве лазарета в Саратове для солдат Действующей армии: «...был сформирован для посылки на место войны в Сербию лазарет на 25 человек, располагающий всеми необходимыми медицинскими и хирургическими инструментами и всеми другими материальными принадлежностями, изготовление коих произведено на поступившие на этот предмет пожертвования, с какой целью и было отчислено 2350 р.»²¹. Сумма значительная.

Нашло отражение на страницах «Саратовского листка» участие саратовских землевладельцев в деле помощи раненым. В номере от 29 июня 1877 г. «Саратовского справочного листка» отмечалось: «Землевладельцы Балашовского уезда села Зубриловки князь Александр Федорович Прозоровский-Голицын и Сердобского уезда села Бекова Михаил Адрианович Устинов заявили председателю саратовского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах начальнику губернии, что они желают принять на излечение в свои больницы, находящиеся у первого - при селе Зубриловке, а у последнего при селе Бекове – каждый по десяти человек раненых...»²² Данная акция была обставлена достаточно пышно, как и все подобные мероприятия. В частности, при открытии в Саратове лазарета для раненых 19 июля 1877 г. корреспондент «Саратовского справочного листка» сообщал: «День открытия отпразднован молебном в лазарете, отслуженным нашим епископом Тихоном. На молебне присутствовали губернатор, губернские власти, некоторые из представителей города и публика. Открытие лазарета преосвященный приветствовал краткой речью, в которой указывал, что искренняя любовь к ближнему есть несомненный признак истинной религии...»²³ Газета предоставила читателям подробную характеристику новому лазарету: «Лазарет № 2 открыт в одном из трех домов, устроенных под казармы, на Московской площади, близ станции железной дороги. Бывшие в казармах раньше из присутствовавшей на открытии лазарета публики удивлялись той быстроте, с которой это здание приведено в такой прекрасный вид»²⁴.

Осенью 1875 г. земства предпринимали первые попытки по сбору пожертвований для южных славян и сразу же циркуляром от 14 октября 1875 г. Министерство внутренних дел запретило земствам и городским думам «назначать из земских и городских сумм пособий семействам, принадлежавшим к населению, обитавшему вне пределов губерний и городов»²⁵. По сути, власть запретила земствам даже думать о благотворительной деятельности в сфере внешней политики. Однако в действительности было сложно осуществить этот запрет. Остановить процесс вовлечения общественности в решение балканского вопроса было нельзя никакими циркулярами и высочайшими распоряжениями. Московский славянский комитет отправил телеграмму подобного содержания в Саратовскую губернскую управу: «Средства Славянского комитета истощены, желающих ехать в Сербию сражаться много, отправлять без денег нельзя. Ради бога собирайте, что можете, отправляйте пожертвования телеграфом комитету»²⁶. После подобных телеграмм государственный аппарат пробовал держать ситуацию под контролем и 3 ноября 1876 г. Министерство внутренних дел снова запретило использовать земские средства «в пользу славян Балканского полуострова»²⁷.

Однако к концу 1876 г. международная ситуация существенным образом изменилась. Россия прочно встала на путь войны, и «отмахиваться» от помощи земств было уже нерационально. Поэтому, подготавливая русскую армию к войне с Турцией, правительство 30 октября 1876 г. приняло «Положение о государственном ополчении», по которому на земства возлагалась обязанность по хозяйственному обеспечению частей ополчения. Земства должны были снабжать ратников обмундированием и снаряжением.

«Саратовский справочный листок», конечно же, не мог не отразить на своих страницах процесс набора ратников-ополченцев в Действующую армию. В одном из сообщений от 2 августа 1877 г. «Листок» писал: «В воскресенье 31 июля, как известно, в местном городском присутствии по воинской повинности происходил прием ратников ополчения. При этом случае обнаружился в полной силе тот патриотический энтузиазм, которым воодушевлен в настоящую минуту весь русский народ. Мы присутствовали при необыкновенном зрелище. Печального настроения, жалоб, слез или чего-нибудь такого подобного, что неразлучно было в прежнее время со всяким призывом на военную службу, - тут и в помине не было; желания избавиться от службы по болезни и т. п. тоже. Напротив, даже забракованные по физическим недостаткам упрашивали членов присутствия принять их»²⁸. «Саратовский справочный листок» лишний раз показал всеобщее воодушевление в связи с активными военными действиями против Турции.

Национально-освободительное движение на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах «Саратовского справочного листка» получили широкое освещение. Саратовская газета старалась рассмотреть и дать характеристику событиям не только в целом, но и с учетом региональной составляющей, которая, по сути, являлась связующим звеном между русской армией и обществом. Начиная свою деятельность первоначально лишь как издание, которое перепечатывало информацию со страниц столичных периодических изданий, «Саратовский справочный листок» проявил собственную позицию. Он предоставил возможность саратовскому обществу следить не только за боевыми действиями, но и за общественными явлениями, сопряженными с процессом поддержки вооруженных сил Российской империи.

Примечания

- 1 См.: Саратовский справочный листок. 1876. 1 сентября
- 2 См.: Кочуков С. А. Русские добровольцы на Балканах в 1876 году (по материалам визуальных источников) // Война и оружие. Новые исследования и материалы : в 4 ч. СПб., 2015. Ч. 2. С. 386–399 ; *Он же*. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офицера Белевского полка Э. В. Гофману) // Славянский сборник : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 8. С. 119–123.

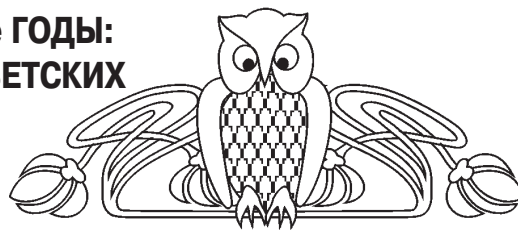

- ³ Прошение отставного канцелярского служащего М. А. Липского: «Имею желание поступить в ряды русских добровольцев, сражавшихся против турок в княжестве Сербском, я покорнейше прошу комитет сделать распоряжение об отправлении меня куда следует и снабдить меня на экипировку и путевые издержки деньгами; т. к. я собственных средств на это не имею». (ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5); Прошение фельдшера А. Н. Черняева: «Имея в виду бедственное и несчастное положение в настоящее время наших единоверцев и желая верно служить в Сербии; по части фельдшерской... но не имея наличных средств проехать в Сербию, покорнейше прошу Комитет сделать распоряжения об отправке меня в Сербию на место военных действий и какое будет сделано распоряжение прошу меня уведомить» (Там же. Л. 6–6 об.).
- ⁴ Например, «Прошение» мещанки города Борисоглебска Феодосии Юрасовой: «Имею желание отправиться в Сербию для поступления в число сестер милосердия и получила уже все необходимые для этой цели документы, но не имею никаких средств на путевые издержки и поэтому прибегаю к покровительству Московского славянского благотворительного комитета, имею честь почтительнейше просить, не найдется ли возможным оказать мне денежную помощь исполнить страстное желание сердца моего принести хоть малую лепту на алтарь помощи угнетенных христиан на востоке» (ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 237. Л. 4). Не менее показательно в этом отношении «Прошение» Л. Д. Манойловой: «В прошедшем 1876 году я имела честь заявить СК о желании своем поступить в сестры милосердия, но получила уведомление, что Комитет больше сестер милосердия по назначению не направляет, имея желание отправиться я имею честь покорнейше просить Славянский благотворительный комитет в случае открытия военных действий отправить меня на счет комитета, куда будет нужно, ежели в случае надобности получить уведомление о сроке, в который я буду обязана явиться и какие должна представить документы, чтобы иметь возможность поступить в сестры милосердия» (Там же. Л. 1–1 об.).
- ⁵ Саратовский справочный листок. 1876. 1 сентября.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 57. Л. 49–50.
- ⁸ Цит. по: *Апостольский П.* Нравственные основы настоящей войны. М., 1877. С. 14–15.
- ⁹ См.: Саратовский справочный листок. 1876. 9 октября; Там же. 10 октября.
- ¹⁰ Саратовский справочный листок. 1876. 10 октября.
- ¹¹ См.: *Кочуков С. А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 годов в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.
- ¹² Голос. 1877. 15 апреля.
- ¹³ Саратовский справочный листок. 1877. 19 апреля.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–1об.
- ¹⁵ См.: Саратовский справочный листок. 1877. 16 июля.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 136. Л. 10об, 14об.
- ¹⁸ Подобная тенденция была характерна не только для саратовского епископа Тихона. Сразу после объявления об открытии военных действий против Турции епископ Кишиневский и Хотинский Павел, присутствовавший на смотре войск перед переходом границы, обратился ко всем собравшимся со словами, риторически обращенными к императору Александру II: «Жребий войны брошен. Как отец отечества, призови благословение божие и изреки твое отчее благословение на славные войска твои, всегда готовые, по твоему слову, защищать святое, правое дело. Под осенением небесных и земных благословений, они, предводимые своим доблестным, беспредельно, восторженно любимым, тезоименным победою вождем, августейшим братом твоим – да порадуют тебя своими бранными подвигами и славными победами, как доселе, конечно, радовали тебя превосходным воинским духом, порядком и благочинием, и в своем победном шествии да перейдут тот предел, до которого в начале своего царствования дошел славный ваш родитель, император Николай, предписавший Порте мир в Адрианополе. От блеска подвигов и побед твоих войск да померкнет луна, и да воссияет, как солнце христов крест!» (Цит. по: *Крестовский В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию газеты «Правительственный Вестник»: в 2 т. СПб., 1879. Т. 1. С. 57).
- ¹⁹ Цит. по: *Гусев А. Д.* Совершенное и ожидаемое. (По поводу отставки гр. Д. А. Толстого). СПб., 1880. С. 24.
- ²⁰ См.: *Кочуков С. А.* «Земство должно отдать себя на служение армии» (к вопросу о благотворительной деятельности российского земства в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.) // XXIV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского университета. М., 2014; *Он же.* Деятельность земских учреждений накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов // От земских учреждений к местному самоуправлению России: традиции, опыт, перспективы (к 150-летию Земской реформы): сб. науч. тр. Саратов, 2015.
- ²¹ Саратовский справочный листок. 1877. 29 апреля.
- ²² Там же. 29 июня.
- ²³ Там же. 19 июля.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1875 г. СПб., 1877. С. 279.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 271. Л. 1.
- ²⁷ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел... С. 257.
- ²⁸ Саратовский справочный листок. 1877. 2 августа.

УДК [94+271,2](470,44)|1929/1939]

БОРЬБА С ЦЕРКОВЬЮ НА МЕСТАХ В 1930-е ГОДЫ: К ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНИИ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ ФУНКЦИОНЕРОВ НИЗОВОГО ЗВЕНА И РЯДОВЫХ ВЕРУЮЩИХ

Ж. В. Яковлева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: jgv1972@yandex.ru

В статье анализируются взаимоотношения партийно-советских функционеров низового звена и рядовых верующих, связанные с изъятием у церкви храмов в период антирелигиозной кампании 1930-х годов. Реконструированы модели поведения участников отношений, объясняются причины довольно легкой победы над верующими.

Ключевые слова: церковь, верующие, закрытие церквей, изъятие церковных зданий, религиозные общества, жалобы, прошения верующих.

Fighting Church on the Site in 1930: on the Behavior of the Party and Soviet Functionaries of the Grass-roots Level Managers and Ordinary Believers

Z. V. Jakovleva

The article analyzes the relationship between the party and the grass-roots level Soviet functionaries and ordinary believers associated with the withdrawal from the church temples during the anti-religious campaign of the 1930s. Reconstructed model of behavior of participants of relations, explains the reasons for relatively easy win over the believers.

Key words: church, believers, closing churches, confiscation of church buildings, religious societies, complaints, petitions believers.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-99-103

13 апреля 1928 г. в условиях обострения взаимоотношений власти и деревни, вызванного затруднениями в хлебозаготовках, И. В. Сталин выступил на собрании актива Московской организации ВКП (б) с речью, в которой поднял вопрос о колхозном строительстве – переходе от единоличного хозяйства к коллективному. Прозвучали в его речи и слова о необходимости вести широкую антирелигиозную кампанию так, чтобы она была поддержана массами¹. Речь Сталина стала сигналом к подготовке нового наступления на церковь и верующих в СССР, которое получило активное развитие в Саратовском Поволжье.

Далее последовало циркулярное письмо ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», утвержденное ЦК ВКП (б) 24 января 1929 г. и подписанное секретарем ЦК Л. М. Кагановичем. В письме заявлялось, что «религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организа-

цией, имеющей влияние на массы»². Следом, 8 апреля 1929 г., ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях»³, которое резко ухудшило положение церкви в Советском государстве и поставило ее в полную зависимость от власти и ее целей.

Целью власти было окончательное уничтожение конкурирующей идеологии, замена религиозного мировосприятия советским мировоззрением. Большевикам это удалось: фактически они создали новую религию и новых богов. Парадокс состоит в том, что помогли им в этом нередко и сами верующие. Прежде всего, отмеченное относится к Русской православной церкви. Священник Александр Ельчанинов сказал по этому поводу: «Равнодушие верующих – вещь гораздо более ужасная, чем тот факт, что существуют неверующие»⁴.

В его словах содержится косвенное признание того, что коммунистическое мировоззрение на местах насаждалось не только репрессиями и давлением. Почему верующие порой добровольно отказывались от своих храмов и веры? Только ли равнодушием верующих можно объяснить все происшедшее? Представляется, что корни неверия нужно искать глубже. Ко времени прихода большевиков к власти сложилась благоприятная обстановка для осуществления их антирелигиозных планов. Церковь постепенно растеряла свой авторитет, поскольку со времен Петра I являлась частью государственного аппарата. Она все хуже и хуже выполняла функции духовного ориентира, перестала бороться за «душу» каждого человека, заменив эту работу административно-командными методами управления верующими. Для усиления своего влияния церковь нуждалась в обновлении, но этого не происходило. Поэтому большевики, заменив религиозное мировоззрение на коммунистическое, веру в Бога верой в коммунизм, по сути дела, предложили верующим новую религию, для многих из которых, особенно для молодежи, она стала даже привлекательнее старой.

Религиозные объединения еще с 1918 г. не являлись субъектами права, не могли обращаться в суд за защитой своих прав. Церковные здания и другое имущество религиозных общин еще в 1918 г. были национализированы и объявлены общенародной собственностью, т. е. принадлежали государству. Новый документ конкретизировал старые решения: «Сделки, связанные с управлением и использованием культовым имуществом, как-

то: договоры о найме сторожей, о поставке дров, ремонте молитвенного здания и имущества культа, по приобретению продуктов и имущества для совершения религиозных обрядов и церемоний и тому подобных действий, тесно и непосредственно связанных с учением и обрядностью данного религиозного культа, а также по найму помещений для молитвенных собраний, могут заключаться отдельными гражданами, состоящими членами исполнительных органов религиозных обществ или уполномоченными групп верующих»⁵.

Начиная с 1929 г. основной формой организации верующих являлось религиозное общество или группа, в пользовании которой находится только одно молитвенное здание. Оно могло быть предоставлено в пользование верующим исполкомом горсовета (райсовета) или арендовано верующими.

Вся юридическая, материальная и иная ответственность за соблюдение объединением верующих советского антицерковного законодательства ложилась на конкретных граждан, заключавших договоры с государством от имени религиозного объединения. Именно они фактически должны были расплачиваться за любые «нарушения», совершенные религиозным объединением, что требовало немалого мужества и самоотверженности.

Здание и имущество, необходимое для управления культа, являлось национализированным и передавалось религиозному обществу только на правах пользования в соответствии с договором, заключаемым между религиозным обществом и исполкомом горсовета (райсовета). В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК договор мог быть расторгнут из-за невыполнения обществом верующих обязанностей, касающихся содержания молитвенного здания. Чаще всего именно вопрос содержания помещения являлся камнем преткновения между верующими и органами власти и выступал основной причиной закрытия церкви или молельного дома⁶.

С постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» началась активная кампания по ликвидации церковных общин, отъем храмов у верующих и передача их на нужды государства либо разбор под строительные материалы. Кампания широко проводилась и в Саратовском Поволжье. На территории региона было закрыто огромное количество храмов и других культовых сооружений различных конфессий, значительная часть из них была разрушена. Большевики, уничтожая храмы, преследовали цель уничтожить вещественное напоминание о прошлом. Культовое здание являло собой символ уходящей эпохи и конкурирующей идеологии. Не случайно при переоборудовании храмов здание, теряя свой предыдущий вид, изменялось до неузнаваемости: сносились колокольни, верхние ярусы, снимались купола.

Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК запретил колокольный звон. Кампания по снятию колоко-

лов сопровождалась варварскими методами: при снятии происходила порча здания церкви, лестниц и колоколен. Документы местных архивов свидетельствуют о том, что в качестве основной причины для снятия колоколов людям озвучивалась версия о необходимости металла для обороны страны⁷.

Общества верующих сдавали колокола на нужды государства с формулировками в протоколах: «Учитывая опасность новой войны, несущей угрозу рабочему классу и крестьянству... сдать все колокола и передать их в социалистический сектор...»⁸ или «В будущей войне пролетариат не колоколом, а пушкой будет защищать Советский Союз»⁹. Демонстрируемая в протоколах риторика явно заимствована из большевистских деклараций. Судя по тому, что в протоколах с такими формулировками иногда и очень робко проскальзывают просьбы все же оставить верующим хотя бы один колокол для осуществления церковной службы и разрешить колокольный звон¹⁰, можно заключить, что вся кампания по изъятию колоколов была верующим навязана и проводилась под принуждением. Этот вопрос, как представляется, требует отдельного исследования.

Пример в закрытии церковью подавал краевой центр – Саратов, в котором еще до начала новой антирелигиозной кампании был закрыт ряд церковей, монастырей и молельных домов. Их передавали под школы (из-за нехватки помещений саратовские школы работали в 3 смены), детские дома, культурные учреждения. В освобожденные корпуса бывшего мужского монастыря перевели ряд детских учреждений г. Саратова (дошкольные детские дома № 8 и № 11 и детский дом № 3, с общим количеством воспитанников – 198 человек)¹¹. Маминская церковь была передана под школу в связи с ходатайством родителей за расширение школы¹². Из-за нехватки школьных зданий в Агафоновском и Клиническом поселках под школу была передана Благовещенская церковь¹³. 22 февраля 1929 г. под культурные нужды города были переданы Казанская (старообрядческая) церковь, еврейская синагога, Спасо-Преображенская (единоверческая) церковь, Знаменская часовня и другие культовые здания¹⁴.

Здания церковей необходимы были под школы и культурные нужды, но закрывали их всегда по причине «несоответствия строительным правилам», «неудовлетворительного состояния», «нерациональности поддержания»¹⁵.

Отмеченное выше проиллюстрируем конкретным примером. В 1936 г. в Ртищевский РИК Саратовского края поступила жалоба от председателя и членов Урусовского религиозного общества¹⁶ о том, что к ним приехал техник из РИКа и составил смету на ремонт местной церкви. Сумма, фигурирующая в смете, была явно завышена, деньги техник потребовал незамедлительно, но обещал ремонт сделать скоро. Огромной суммы в двадцать пять тысяч пятьсот три рубля двенадцать

копеек у верующего коллектива, естественно, не оказалось. Верующие просили разрешения у РИКа сделать ремонт церкви постепенно, жаловались на завышенную смету, смета, сделанная ранее, была на существенно меньшую сумму – 18 тысяч, и верующие уже начали частичный ремонт, их остановили наступившие холода.

Верующие объясняли, что церковь не ветхая, не грозит обвалом, там вполне возможно проводить службы, жаловались на техника-спекулянта, с которыми советская власть должна вести борьбу. «Спекулянт» никоим образом не ассоциировался у просителей с советской властью, в которую они верили и на которую надеялись. Из жалобы становится известно, что у верующих уже были заготовлены строительные материалы на ремонт церкви, эти стройматериалы сельсовет у них отнял, они просили вернуть материалы, просили помощи, но...

Ответ РИКа был таков: «Церковь пришла в негодность (требует капитального ремонта)», «верующим в жалобе отказать, договор с верующими расторгнуть»¹⁷. Президиум РИКа решил поставить вопрос перед Президиумом крайисполкома о закрытии церкви и передаче ее под культурные нужды. В таких случаях сначала, как правило, вывешивалось объявление о том, не найдется ли какой-либо другой коллектив верующих, готовый взять на себя обязательства по ремонту церкви, уплате налогов, все те обязательства, которые прописывались в договоре с предыдущим коллективом верующих. Такое объявление висело на видных местах в селе, а через неделю, если не находились желающие взять на себя такие непростые обязательства, судьба церковного здания решалась в пользу переформатирования его в культурно-просветительное учреждение, чаще всего это мог быть дом культуры, изба-читальня, красный уголок и т. п. Именно по такому сценарию произошел отъем церкви у верующих в Урусово.

Однако Ртищевский РИК на этом не остановился. Верующих обвинили в подлоге – якобы подписи в послании РИКу были подделаны, председателя коллектива верующих Сальникова, а также священника-«подстрекателя» Пакровского упрекнули в «дискредитации советской власти» и поставили вопрос о привлечении их к судебной ответственности¹⁸.

Свидетельств спешного закрытия церквей под явно надуманными предлогами, демонстративных проволок с ремонтом, всякого рода других препятствий к сохранению церковных зданий в ведении верующих в архивах отложилось огромное множество. Таким образом закрывалось большинство церквей в Саратовском Поволжье.

Нередко протестующих против закрытия церкви просто разгоняли как скот, и они подчинялись, не решаясь на открытое сопротивление.

Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК получала бесконечные

жалобы от верующих на закрытие церквей без соблюдения «советской законности». Они были написаны по-разному. Встречаются письма, написанные твердо и уверенно: нарушены наши права, нарушены параграфы «Закона о религиозных объединениях», грубо нарушена статья 4 Конституции¹⁹.

Встречаются письма, где верующие демонстрируют свою лояльность советской власти, но требуют соблюдения своих прав: «Мы также твердо знаем, что (есть. – Ж. Я.) великий декрет по отделению церкви от государства, подписанный великим нашим учителем пролетариата тов. Лениным, где указывается, что мы в свободной стране... можем верить или не верить...»²⁰ Несмотря на разный характер жалоб – слезные, твердые и решительные – церкви закрывались, переоборудовались, разбирались на стройматериалы. Политика уничтожения церкви и веры шла по накатанной колее, и останавливать этот процесс советская власть не собиралась.

В качестве примера: закрытие церкви села Еремкино Хвалынского района Саратовской области. Уполномоченные от Еремкинской религиозной общины в заявлении Нижневолжскому краевому исполкому писали, что уже после закрытия церкви в январе 1930 г. ночью в храм зашли председатель сельского совета, милиционер еще другие люди. Они сняли иконы, предметы культа, погрузили все на возы и увезли под вооруженной охраной в г. Хвалынок. Такое поведение местных властей вызвало протест селян, они собрались вокруг церкви, пытались помешать вывозу церковной утвари. Для разгона толпы милиционеру пришлось произвести несколько предупредительных выстрелов поверх голов верующих²¹. После чего жители покорно разошлись по домам.

Не менее показательная история произошла в 1932 г. при закрытии Михайлово-Архангельской церкви села Малые Озерки Новобурасского района Саратовской области. Жители села написали жалобу в Краевой исполнительный комитет о бесчинствах председателя сельсовета Протасова²². Михайлово-Архангельская церковь была занята под ссыпку зерна без всякого разрешения верующих, при этом церковь серьезно пострадала: был выломан престол, поломаны окна, кругом царило разрушение. Как писали сами селяне, «верующие приходили в церковь из жалости» и просили не уродовать дальше их церковь, готовы были своими силами все восстановить и отремонтировать, но председатель... выгонял их из церкви кнутом²³. Верующие, надеясь на справедливость, писали и писали слезные письма во все инстанции, но очень редко на их письма была какая-либо реакция.

В качестве примера можно привести дело по закрытию Успенской церкви в селе Потьма Ртищевского района Саратовского края. Жители написали жалобы во все инстанции на незаконные действия своего председателя, который «на праздник Вербного 1 апреля 1934 года» вошел в

православный храм без головного убора и «стал силою их храма выгонять верующих, а затем и священника»²⁴. Председателю удалось закрыть церковь, отобрать у верующих ключи, а затем приспособить церковь под склад зерна, при этом лывину долю церковного имущества из церкви ему тоже удалось выкрасть. Когда жалоба дошла до ВЦИК, председателя сельсовета с должности сняли и наказали, но церковь не открыли.

Красноречивой иллюстрацией беспрецедентного произвола местной власти является дело о закрытии православной церкви в селе Селитьба Хвалынского района Вольского округа (1930 г.). Верующие написали жалобу во ВЦИК²⁵. Согласно Постановлению «О религиозных объединениях» обжалование закрытия церкви можно было подавать в течение 15 последующих дней. В жалобе верующие пишут о произволе бывшего председателя сельского совета Макарова, который, по их словам, принуждал угрозами подписаться за закрытие церкви, угрозы председатель «в большинстве случаев приводил в исполнение». Каким образом – остается только догадываться. Макаров за свои бесчинства поплатился, его отправили отбывать наказание в «исправительный дом». По словам верующих, Макаров человек «жестокий и в корне нарушавший советские законы», жители Селитьбы жаловались на то, как им тяжело «быть без службы в храме» и свою «душевную подавленность»²⁶. «Мы, нижеподписавшиеся, просим Ваше Превосходительство, возбудить перед кем следует ходатайство о разрешении службы в нашем местном храме», – писали верующие. По их словам, ключи от церкви у священника выкрал по поручению нового председателя Мудров Федор Кузьмич, все имущество было украдено, церковь начали разбирать на строительные материалы, люди пытались не отдавать кирпичи, но им снова начали грозить, уже новый председатель сельского совета Язблов и председатель колхоза²⁷. Эта жалоба также осталась без последствий.

Но не всегда для закрытия церковью нужна была только грубая сила. Перед тем как собрать подписи за закрытие храма или молельного дома, «умелые» ораторы рассказывали о полах, наживавшихся веками на простом люде, о вреде «религиозного дурмана», о светлом будущем, в котором все будут равны и счастливы. Антирелигиозная агитация и пропаганда стали составной частью советской политики, и очень часто могли оказать нужное воздействие.

В качестве иллюстрации приведем пример с закрытием церкви в ноябре 1929 г. в селе Елшанка Хвалынского района Вольского округа. В селе провели общее собрание граждан, на котором присутствовало 675 человек²⁸. Это собрание проходило под давлением ячейки ВКП (б) – на трибуну выходили по очереди партийные работники и произносили свои агитационные речи. Говорили о культурном строительстве на селе, построении социализма, которого невозможно добиться без

культуры, а культура нуждается в зданиях, которые занимают религиозные общества. Пламенные речи содержали следующую аргументацию: «долгогривые нам сулят царство свыше, а сами получают на земле»; «в революцию ...попы и их дети своих православных братьев расстреливали». Партийный функционер рассказал страшную историю об отрядах, которые состояли из одних только священнослужителей. Воевали они против Красной армии в Сибири под руководством Колчака²⁹. Другой партиец рассказал случай о том, как священник, осенив себя крестным знаменем, в 1917 г. на его глазах расстрелял красного солдата и сделал вывод: «попы держат в одной руке крест, а в другой револьвер». Как после такой речи не подписать петицию за закрытие церкви! Ведь религия одурманивает, тянет назад в прошлое, где попы наживались на труде простых людей, швырялись деньгами и получали все блага жизни, которые только хотели. Так и произошло в Елшанке.

О том, что не все жители села согласились с закрытием церкви, свидетельствует письмо одного из его жителей «крестьянскому старосте М. И. Калинину», написанное в октябре 1930 г. с просьбой не трогать их церковь. В письме есть такие строки: «Мы, как старики-религиозники, клянемся: быть верными советской власти, но дожить свою жизнь при религиозных обрядах»³⁰. Однако эта уловка не помогла.

Петиции за закрытие церкви или молитвенного здания часто подписывались селянами добровольно, практически без нажима. Так, например, в с. Шклово Ней Вальтерского района³¹ селян сагитировали отказаться от своей церкви, а заодно и от веры, объяснив, что религия – это вред, а здание можно использовать под дом культуры. Селяне подписали петицию в надежде, что теперь у них будет культурно-просветительное учреждение, но вместо этого у них не стало ни церкви, ни дома культуры. Следом приехал председатель РИКа Авдошин, взял подписные листы, разобрал дубовое здание и вывез в район. Из письма уполномоченных от села в редакцию «Крестьянской газеты» узнаем, что «колхозники в недоумении», они «отказывались от веры в церковь, но не от здания»³².

Анализ поведения организаторов закрытия церковью на местах свидетельствует о том, что они достаточно хорошо понимали всю демагогичность советского законодательства и партийных директив, которые, с одной стороны, требовали быстрого устранения церкви из общественной жизни, а с другой – говорили о необходимости соблюдения прав верующих.

Обвинения в мягкотелости по отношению к церкви местные власти боялись больше, чем обвинения в перегибах на местах, по причине того, что эта мягкотелость могла быть расценена как контрреволюционная деятельность, за которую можно было поплатиться гораздо серьезнее. Руководствуясь таким подходом, власти всеми

возможными способами пытались расторгнуть договоры с верующими, после расторжения закрыть церковь, быстро переоборудовав ее под культурные нужды, или разобрать культовое здание на строительные материалы.

Вышестоящие органы власти (центральное и краевое руководство) часто журили нижестоящие (окружные, районные, городские, сельские) за нарушение советской законности в отношении верующих, но происходило это только в том случае, если ВЦИК или краевые органы власти получали жалобу на перегибы на местах, и такие факты получали серьезную огласку, т. е. они могли скомпрометировать центральное руководство страны и края. Если же церковь или молельный дом получалось закрыть без шероховатостей, то, как правило, нарушения не исправлялись, церкви верующим не возвращались.

Описанные выше модели поведения различных звеньев партийно-государственной власти во многом были возможны потому, что не встретили массового и жесткого сопротивления верующих. Как правило, сопротивление было робким, в рамках полной лояльности власти, в форме прошений и жалоб. Немало было случаев, когда изъятие церкви и передача здания под другие нужды происходило с согласия верующих – явного или молчаливого. Такая модель поведения верующих свидетельствовала о том, что для них церковь уже не была непререкаемым нравственным авторитетом. За нее уже не хотелось отдавать свою жизнь и относительное благополучие.

Примечания

- 1 См.: *Сталин И. В.* Сочинения : в 13 т. Т. 11. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. С. 50.
- 2 О мерах по усилению антирелигиозной работы: циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2. См. также: URL: <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения: 25.02.2015).
- 3 О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК

и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: [http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787) (дата обращения: 07.09.2015).

- 4 URL://http://www.sinergia-lib.ru/index.php?page=elchaninov_a&view=print (дата обращения: 06.10.2015).
- 5 О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: [http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787) (дата обращения: 07.09.2015).
- 6 См.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях».
- 7 См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 678, 679.
- 8 Там же. Л. 679.
- 9 Там же. Л. 678.
- 10 Там же. Л. 666–666 об.
- 11 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1А. Л. 64.
- 12 Там же. Л. 65.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Л. 67.
- 15 Там же. Л. 65, 66, 164 и др.
- 16 См.: ГАНИСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155 А. Л. 149–152 об.
- 17 Там же. Л. 157.
- 18 Там же.
- 19 Конституция РСФСР 1918 г. URL: <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения: 25.02.2015).
- 20 ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 155а, 14.
- 21 Там же. Л. 375.
- 22 Там же. Д. 147. Л. 462.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Д. 155а. Л. 14–14об.
- 25 Там же. Д. 151. Л. 531.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 494–495.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л. 504.
- 31 В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.12.1937 Ней-Вальтерский (район Саратовской области) переименован в Свердловский.
- 32 ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 147. Л. 629 об.

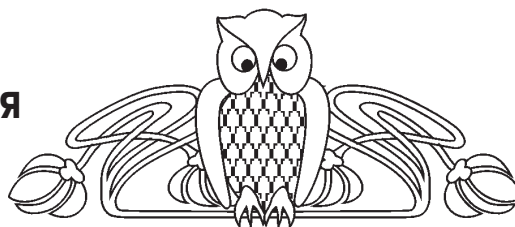
УДК 614 (470.44/47) |1953/1985|

ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР УЧРЕЖДЕНИЙ РОДОВСПОМОЖЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В статье анализируются изменения повседневных практик учреждений родовспоможения Нижнего Поволжья в период хру-

щевских и брежневских реформ. Работа базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, опубликованных источников, периодической печати.

Ключевые слова: акушер, гинеколог, медикаменты, смертность, женская консультация, роды, родильный дом, рождаемость, фельдшерско-акушерский пункт.

Daily World of the Obstetric Institution in Lower Volga Region in Second Half 1950 – First Half 1980th Years

A. A. Gumenyuk

In this article the change daily practices of the obstetric institution in the period of Khushchev's and Brezhev's Soviet reforms were analyzed. This article is based on the vast set of factual materials from the archives, published sources and periodical press.

Key words: obstetrician, gynecologist, medicines, mortality, women's consultation service, delivery, maternity hospitals, birth-rate, feldscher-obstetric station.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-103-109

В России в настоящее время наблюдаются одни из самых высоких в мире темпов естественной убыли населения. За последние 15 лет рождаемость в стране сократилась на 27 %. Одной из причин низкой рождаемости является значительное ухудшение здоровья женщин. Число нормальных родов в различных регионах РФ сократилось на 25–30 %. Уровень материнской смертности в 2,5 раза превышает аналогичный среднеевропейский показатель. Особую тревогу вызывает детская смертность, которая в Российской Федерации составляет 18 промилле, в то время как в США – семь¹. Это обуславливает необходимость обращения к опыту развития отечественного здравоохранения во второй половине 1950 – первой половине 1980-х гг., когда был значительно повышен уровень жизни советских людей, выросла продолжительность жизни. Использование материалов из фондов областных архивов делает научный анализ состояния службы родовспоможения в СССР в указанный хронологический период более доказательным и аргументированным.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. на Нижней Волге, как и по всей стране, наблюдался острый дефицит роддомов, фельдшерско-акушерских пунктов и работавших в них специалистов. В Саратове в 1953 г. единственным родовспомогательным учреждением, отвечающим требованиям санитарно-гигиенического порядка, было акушерское отделение при 1-й клинической больнице г. Саратова. В существовавших на тот момент в области родильных домах под лечебные нужды приспособляли подсобные помещения: чердаки, лестницы, коридоры. В 13 районах области колхозные родильные дома и фельдшерско-акушерские пункты (ФАП) находились в аварийном состоянии, неудовлетворительно снабжались медикаментами, необходимым инвентарем и кадрами². В 1956 г. из 35 колхозных родильных домов фактически работало только 16³. Еще меньше функционировало роддомов в Астраханской области. Летом 1954 г. их насчитывалось лишь 14, ряд фельдшерско-акушерских пунктов располагался в непригодных помещениях, например в землянках. Планы стро-

ительства ФАПов не выполнялись (Лиманский, Каспийский и ряд других районов). Главный специалист по акушерству и гинекологии в этой области свои обязанности практически не выполнял⁴. Тяжелое положение наблюдалось в Калмыкии. В столице республики городе Элисте в год преобразования автономной области в республику (1958 г.) имелось лишь 15 родильных коек, а в начале 1959 г. числилось только три колхозных родильных дома⁵. В то же время некоторые роддома выглядели весьма помпезно. Так, например, в Сталинграде в 1954 г. один из роддомов имел 28 колонн и напоминал греческий храм или помещицью усадьбу⁶. Однако внешняя парадность нередко скрывала внутреннюю необустроенность этих учреждений. Показатели стационарной помощи роженицам были невысокими, а процент внебольничных абортов значительным. Так, в ряде районов Астраханской области в медучреждениях принималось лишь от 28,6 до 44,7 % родов; внебольничные аборты возросли с 2431 в 1952 г. до 3180 в 1953 г.⁷ В Саратовской области за первую половину 1950-х гг. число абортов выросло в 2,2 раза, из них только 19 % были сделаны официально⁸.

На протяжении второй половины 1950 – первой половины 1960-х гг. на партийных съездах неоднократно поднимались вопросы развития здравоохранения⁹, однако проблемы обеспечения женского населения страны акушерско-гинекологической помощью оказались в сфере внимания советского руководства лишь в начале 1960-х гг. В принятых в то время документах содержался ряд указаний по улучшению лечебно-профилактического обслуживания женщин и детей, по снижению детской смертности, расширению сети роддомов, особенно колхозных, женских консультаций и фельдшерско-акушерских пунктов¹⁰.

Некоторое улучшение финансирования системы советского здравоохранения позволило расширить сеть роддомов и ФАПов, в том числе в Нижнем Поволжье. Так, в Сталинградской области только за 1953 г. было открыто 42 фельдшерско-акушерских пункта, к началу 1956 г. еще 16 ФАПов. В 1961 г. их численность по области составила уже 836 единиц, превысив показатели середины 1950-х гг. на 102 единицы¹¹. Население Астраханской области к 1 июля 1954 г. получило 53 ФАПа, что позволило довести общее их количество к этому времени до 260¹². К концу 1955 г. прирост этих пунктов в области составил 33 единицы¹³, а к середине 1956 г. еще 15. В начале 1960-х гг. в области было построено 16 колхозных роддомов и 18 фельдшерских пунктов¹⁴. В Саратовской области к октябрю 1962 г. функционировало 1021 фельдшерско-акушерский пункт, число работающих роддомов с 1961 г. по 1965 г. выросло с 21 до 39¹⁵. В Калмыцкой АССР за 1959–1965 гг. было построено 150 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, в Элисте появился

родильный дом на 60 коек, число родильных коек в лечебных учреждениях города достигло 115 единиц¹⁶. Однако по числу фельдшерских, акушерских и других пунктов Калмыкия находилась на последнем месте на Нижней Волге: на 1 января 1965 г. в республике насчитывалось всего 135 пунктов. Лидирующие позиции занимала Саратовская область, где к этому времени имелось 1058 таких пунктов¹⁷.

Количественный рост акушерских учреждений и работавшего в них медицинского персонала в рассматриваемом регионе способствовал и качественным изменениям показателей родовспоможения. Так, в Астраханской области в 1954 г. охват стационарной медицинской помощью при родах составлял 75,3 %, в том числе по городам и рабочим поселкам 96,4%, по сельской местности – 61,6 %. В 1953 г. было зафиксировано лишь 14 случаев родов вне стационара, в то время как в 1952 г. таких случаев было зафиксировано 152. Одновременно поднялся до 100-процентного уровня патронаж новорожденных; с 85,1 % в 1952 г. до 92,6 % в 1953 г. возрос уровень врачебного контроля детей до одного года жизни¹⁸.

В Саратовской области охват стационарным родовспоможением был выше: только в городской местности он колебался от 92,2 до 100 %¹⁹. Улучшилось медицинское обслуживание новорожденных. В 1954 г. в первые три дня после выписки из родильного дома врачи посетили 82,6 % детей против 73 % в 1952 г.; сестринским патронажем было охвачено 99 % родившихся²⁰. Уже в первый год после возрождения (1957 г.) наметились некоторые положительные изменения в патронаже новорожденных в Сарпинском и Каспийском районах Калмыцкой автономной области²¹. Важным показателем таких перемен выступают демографические показатели. В 1953–1964 гг. в Нижнем Поволжье отмечалась тенденция сокращения детской, младенческой и материнской смертности²². Наиболее заметным это снижение было в Астраханской и Саратовской областях. Так, детская смертность в Астраханской области за 1952–1953 гг. снизилась с 6,8 до 4,2 %, а в 1962 г. по сравнению с 1960 г. с 614,4 до 542 случаев²³. В Саратовской области смертность новорожденных детей в 1959 г. по сравнению с 1949 г. снизилась более чем в 2 раза. За 1959–1965 гг. детская смертность в этой области уменьшилась на 16 %, материнская – на 40–50 %²⁴.

В то же время давала о себе знать и непосредственность реформаторского курса Н. С. Хрущева. В стране наблюдался дефицит родильных домов²⁵, а существующие учреждения родовспоможения плохо обеспечивались необходимым оборудованием и кадрами. Ситуация, сложившаяся в данной сфере в Нижнем Поволжье, была типичной. Например, в Элисте вступивший в строй 5 ноября 1963 г. родильный дом был буквально сразу же закрыт на ремонт, поскольку

выяснилось, что в здании не функционировала канализация²⁶. С недоделками вводились в эксплуатацию роддома и в Астраханской области, а в поселках Свободном и Янго-Ауле этой области они вообще отсутствовали. Чтобы получить необходимую помощь акушера-гинеколога, населению приходилось преодолевать значительные расстояния, причем на достаточно экстремальном виде транспорта. Так, председатель колхоза им. Кирова Черноярского района Астраханской области предоставил для перевозки беременной женщины в село Капустин Яр волов, хотя машина в хозяйстве имелась²⁷.

Дефицит роддомов наблюдался также в Саратовской области, а имеющиеся родильные дома Саратове, Энгельсе, Красном Куте, Ершове, Вольске, Балакове, Аткарске располагались в зданиях, не отвечающих элементарным санитарным нормам²⁸. Из-за недостатка средних медицинских работников к 1 января 1963 г. в сельской местности этой области было закрыто 26 ФАПов. В Калмыцкой АССР к 1 января 1964 г. число таких пунктов сократилось по сравнению с началом 1961 г. на 60 единиц. За это время в республике произошло и незначительное уменьшение числа врачебных и акушерских мест для беременных и рожениц с 333 до 326²⁹. О нарастании кризисных явлений говорит и рост детской, младенческой и материнской смертности. Так, в Астраханской области детская смертность возросла с 42,1 в 1958 г. до 45,6 промилле в 1959 г., что значительно превышало соответствующие показатели по РСФСР в целом³⁰. В Саратовской области в 1964 г. 83% детей в возрасте до одного года умирало в родильных домах, высокий уровень детской смертности отмечался в Балаково, Балашове, Ртищево, Аткарске. Положение в этой сфере не изменилось и в 1959–1965 гг.³¹

Преимущество социального курса Н. С. Хрущева была сохранена и после его отставки. Программа реформирования здравоохранения, в частности родовспоможения, принятая новым руководством страны во главе с Л. И. Брежневым, базировалась главным образом на трех постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР (от 5 июля 1968 г., от 22 сентября 1977 г. и от 19 августа 1982 г.), в которых воспроизводился набор мер по «дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охране здоровья населения». В первом из перечисленных документов положения по развитию родовспоможения не отличались особой новизной, повторяя соответствующие пункты программы ЦК КПСС 1961 г. Два последних постановления содержали ряд новых моментов относительно рассматриваемой сферы здравоохранения. Так, в постановлении 1977 г. охрана здоровья женщин и детей признавалась важной государственной задачей. Аналогичный документ 1982 г. разрешал для расширения сети и реконструкции роддомов и женских консультаций использовать капитал-

ные вложения, выделяемые на строительство объектов производственного назначения³². Таким образом, повседневные практики учреждений родовспоможения в 1965–1977 гг. так и не наполнились существенной новизной по сравнению с предшествующим десятилетием. Внимание государственных органов власти к ним стало усиливаться к концу 1970-х гг. Одной из причин этого являлось нарастание демографических проблем в стране и необходимость поиска путей их разрешения.

После мартовского 1965 г. Пленума ЦК КПСС различные направления социальной сферы получили новые финансовые вливания, что в значительной степени повлияло на количественные показатели их развития. Этот процесс не обошел стороной и учреждения родовспоможения. Уже к концу 1964 г. новый роддом вступил в строй в Астрахани. В 1966 г. из девяти районов Калмыцкой ССР только в Приозерном и Ики-Бурульском не было родильных отделений, но места для рожениц в указанных районах имелись в составе общих отделений больниц³³. В Саратовской области за счет строительства и реконструкции родильных отделений в городах Саратове, Энгельсе, Пугачеве, Б. Карабулаке, Петровске, рабочем поселке Красный Кут число акушерско-гинекологических коек в 1967 г. достигло 3636.

К 1970 г. около тысячи фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов функционировало в Волгоградской области³⁴. В целом за VIII пятилетку общий прирост акушерских в сумме с фельдшерскими и иными пунктами составил 92 единицы, женских консультаций (в сумме с детскими поликлиниками и амбулаториями) – 67³⁵. Это были самые высокие показатели количественного прироста учреждений родовспоможения за все 20 лет, предшествующих периоду перестройки. Действительно, в 1971–1985 гг. количество женских консультаций (в сумме с детскими поликлиниками и амбулаториями) в регионе возросло до 87 единиц, большая часть которых была введена в эксплуатацию в 1971–1975 гг. Это пятилетие было отмечено и значительным ростом акушерских (в сумме с фельдшерскими и иными) пунктов, численность которых в регионе выросла на 49 единиц³⁶. Прирост сети ФАПов, роддомов, в том числе колхозных, наблюдался и в последующем. Так, только в сельской местности Волгоградской области в конце 1970-х гг. числилось 30 колхозных роддомов и 900 фельдшерско-акушерских пунктов. В Калмыцкой АССР в начале 1980-х гг. таких пунктов насчитывалось 198, в 1981 г. был расширен роддом в г. Элисте³⁷. Таким образом, специализированная высококвалифицированная акушерская и гинекологическая помощь становилась более доступной каждой советской женщине, особенно в сельской местности.

Количественный прирост акушерско-гинекологических учреждений сопровождался

и улучшением качественных показателей в их работе. Так, выступая на VII Саратовском областном съезде медицинских работников (15–18 ноября 1966 г.), заведующий Энгельским горздравотделом отметил факт улучшения качества обслуживания беременных женщин в стационарах города, где для родоразрешения широко стал практиковаться весь спектр методов обезболивания³⁸. Особенно большие перемены наблюдались в сельской местности. В частности, в Хвалынском районе Саратовской области в 1976 г., по словам врача акушерско-гинекологического отделения, были практически ликвидированы криминальные аборты. В Петровском районе в 1979 г. охват стационарным родовспоможением составлял 99,9%, а в Аркадакском – 100 %. По уровню оказания населению акушерско-гинекологической помощи, по мнению ректора Саратовского медицинского института, данная область с конца 1960-х гг. занимала видное место в СССР. Уровень обеспеченности акушерами-гинекологами населения к середине 1980-х гг. в этой области был выше среднереспубликанского уровня: 2,3 и 2,2 на 10 тыс. человек соответственно³⁹. В Калмыцкой АССР в середине 1970-х гг. охват стационарным родовспоможением составлял 99,5 %. К концу этого десятилетия улучшилось большинство качественных показателей родовспомогательных учреждений в Волгоградской области. Важным показателем этих изменений выступает уровень материнской, младенческой или детской смертности. Действительно, в 1978–1979 гг. в Серафимовичском, Среднеахтубинском и в целом по Волгоградской области было зафиксировано снижение детской и материнской смертности⁴⁰. В Саратовской области показатель материнской смертности уже в 1967 г. был ниже среднереспубликанского. Так, по городам и рабочим поселкам он составлял 4,7 на 10 тыс. родов (по РСФСР – 6,4), в сельской местности он был равен 2,9 (РСФСР – 6,3). Снижение материнской смертности отмечалось и в последующем, в частности в Аркадакском и Хвалынском районах. Смертность детей до одного года в области только 1976 г. по 1978 г. снизилась в расчете на 1000 родившихся с 22,3 до 21,4⁴¹. Позитивные тенденции указанных демографических процессов наблюдались и в Калмыцкой АССР⁴².

Однако отмеченные качественные перемены в повседневной практике органов родовспоможения Нижнего Поволжья наблюдались не повсеместно, а преимущественно в областных и республиканском центрах, отдельных райцентрах, рабочих поселках и селах. Главная причина этого коренилась в уменьшении со второй половины 1970-х гг. размеров финансирования всей социальной сферы, в том числе и здравоохранения, на которую выделялось всего 4% национального дохода (в развитых странах – около 12%)⁴³. Именно поэтому число женских консультаций (в сумме с

детскими поликлиниками и амбулаториями) на Нижней Волге в 1976–1985 гг. выросло всего на 47 единиц. Этот рост стал возможным только за счет Астраханской области, где в 1976–1980 гг. сеть указанных медико-профилактических учреждений возросла на 23, а в 1981–1985 гг. – на 24 единицы. В Саратовской, Волгоградской областях и Калмыкии наблюдалось сокращение численности этих учреждений. Наиболее значительные потери наблюдались в Саратовской области (на 39 единиц), а наименьшие – в Калмыцкой АССР (5 единиц). Промежуточную позицию занимала Волгоградская область с 15 закрытыми консультациями в 1981–1985 гг.⁴⁴

Если рассмотреть динамику акушерских (в сумме с фельдшерскими и иными) пунктов, то картина получится несколько иной. Практически на всей территории Нижнего Поволжья наблюдался прирост ФАП, за исключением Астраханской области. В данном субъекте РСФСР только за 1966–1975 гг. их численность уменьшилась на 9 учреждений. В остальных административно-территориальных образованиях Нижнего Поволжья наблюдался прирост ФАП (в общей сложности на 141 единицу)⁴⁵. В то же время в роддомах городов Саратова, Маркса, Петровска, Аткарска ощущался дефицит необходимых помещений, в них было тесно и скученно, а реконструкция затягивалась. Новые роддома возводились с опозданием и многими недоделками (города Элиста и Дубовка Волгоградской области), на фельдшерско-акушерских пунктах Калмыцкой АССР не хватало транспортных средств для обслуживания животноводов. В Юстицком, Черноземельном, Приютненском районах республики не было ни одного ФАПа, построенного по типовому проекту, планы их строительства не выполнялись, как, например, в Саратовской области. Обратной стороной этого процесса стал рост материнской смертности. Например, в Саратовской области в 1984 г. на 10 тыс. родов она составляла 3,9, что было выше среднереспубликанского уровня (3,0 на 10 тыс. родов). Причиной негативных тенденций в повседневных практиках учреждений родовспоможения являлся дефицит акушеров-гинекологов. В той же Саратовской области в 1984–1985 гг. обеспеченность этими врачами на 10 тыс. человек составляла 2,1, а в районах еще меньше – 1,7, что было ниже, чем в среднем по РСФСР (2,2 на 10 тыс. населения)⁴⁶.

По сравнению с первой половиной 1950-х гг. в середине 1980-х гг. высококвалифицированная специализированная акушерско-гинекологическая помощь все же стала более доступной населению, особенно сельскому. Веским доказательством такого утверждения выступает динамика аборт, в частности в Саратовской области. Так, за 1958 г. в отчетах Саратовского облсовпрофа было зафиксировано 12174 первич-

ных случаев абортов, а в 1983 г. – лишь 1384⁴⁷. Их снижение говорит о том, что в области произошли качественные изменения с обеспечением трудящихся родовспомогательными учреждениями. Населению остальных административно-территориальных образований Нижнего Поволжья к середине 1980-х гг. высококвалифицированная специализированная акушерско-гинекологическая помощь также стала доступнее, что явствует, в частности, из количественного прироста за 1959 г. – 1985 гг. женских консультаций (в сумме с детскими поликлиниками и амбулаториями). Так, в Астраханской области этот прирост составил 113, в Волгоградской – 48, в Калмыцкой АССР – 11 единиц⁴⁸.

Существующие различия доступности акушерско-гинекологической помощи трудящимся в каждой из областей Нижней Волги объясняются статусом конкретного субъекта региона и вытекающим отсюда объемом финансирования, а также умением местного руководства отстаивать интересы населения данной области или республики перед союзным или республиканским правительством. В относительно привилегированном положении в этом отношении находились жители города-героя Волгограда и закрытого для посещения иностранцев Саратова. Население же Астрахани и Элисты, за исключением партийной номенклатуры, было лишено каких-либо преимуществ. Тем не менее к концу рассматриваемого периода специализированная акушерско-гинекологическая помощь стала неотъемлемой частью повседневной жизни советских женщин, что способствовало значительному улучшению показателей здоровья женского населения.

Примечания

- 1 См.: *Филитова С. В.* Демографическая катастрофа в Российской Федерации // Гуманитарные методы исследований в медицине : состояние и перспективы : сб. науч. статей. Саратов, 2007. С. 54, 55.
- 2 См.: *Васильева Л. Ф.* Роль женщины в социально-экономической и политической сферах советского общества в 1945–1965 гг. (на материалах Саратовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 63 ; ГАНИСО. Ф. 42. Оп. 28. Д. 50 об. – 60 ; Ф. 74. Оп. 30. Д. 46. Л. 77 ; Ф. 81. Оп. 31. Д. 47. Л. 200 ; Ф. 129. Оп. 31. Д. 29. Л. 6 ; Ф. 1183. Оп. 16. Д. 140. Л. 41 ; Ф. 1432. Оп. 1. Д. 274. Л. 106–107 ; Ф. 196. Оп. 26. Д. 32. Л. 37 об. ; Ф. 1554. Оп. 22. Д. 1. Л. 80 ; Ф. 1778. Оп. 29. Д. 28. Л. 4 ; Ф. 2654. Оп. 17. Д. 78. Л. 104 ; Ф. 4816. Оп. 17. Д. 1. Л. 16 ; Ф. 5031. Оп. 17. Д. 1. Л. 55.
- 3 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 896. Л. 38.
- 4 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 25. Д. 190. Л. 31, 145, 158, 170 ; Оп. 27. Д. 7. Л. 281. Д. 117. Л. 22, 24.
- 5 См.: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 1959. Л. 34 ; *Сусев П. Н.* Народное здравоохранение // Элиста. 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее : сб. статей. Элиста,

1965. С. 59 ; Советская Калмыкия. 1959. 25 февраля. Л. 3.
- 6 См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 17. Л. 150.
- 7 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 25. Д. 190. Л. 158, 170.
- 8 См.: *Васильева Л. Ф.* Указ. соч. С. 72.
- 9 Там же. С. 368, 528 ; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 486–487 ; Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. М., 1956. С. 85–86 ; Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 239 ; Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 76.
- 10 Речь идет о постановлении Совета Министров СССР от 14 января 1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» и принятой 3 октября 1961 г. на XXII съезде КПСС III программе партии, содержащей раздел об охране здоровья матери и ребенка (См.: СП СССР. 1960. № 3. Ст. 14 ; Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 96).
- 11 См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 336. Л. 45 ; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 52. Д. 1. Л. 67 ; Народное хозяйство Волгоградской области : стат. сб. Саратов, 1962. С. 267.
- 12 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 25. Д. 6. Л. 34. Д. 190. Л. 144.
- 13 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 3. Д. 40. Л. 27. По другим данным, за 1954 г. и 11 месяцев 1955 г. этот прирост составил 38 ФАПов (См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 26. Д. 132. Л. 104).
- 14 Там же. Оп. 27. Д. 117. Л. 14 ; ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4. Д. 148. Л. 91. Д. 198. Л. 110. Оп. 5. Д. 26. Л. 86.
- 15 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1126-а. Л. 3 ; *Васильева Л. Ф.* Указ. соч. С. 62.
- 16 См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970. С. 391 ; Советская Калмыкия. 1961. 22 декабря. Л. 3 ; 1963. 26 ноября. Л. 3 ; *Сусеев П. Н.* Народное здравоохранение. С. 59.
- 17 См.: Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 477.
- 18 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 25. Д. 190. Л. 157, 158.
- 19 См.: *Гуменюк А. А.* Развитие службы родовспоможения в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) // Музей в региональном пространстве : презентации исторического наследия, культурная и общественная миссия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию СОМК. Саратов, 2011. С. 345.
- 20 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3334. Л. 262.
- 21 См.: Советская Калмыкия. 1957. 22 сентября. Л. 3.
- 22 См.: например: *Сусеев П. Н.* Народное здравоохранение. С. 61 ; *Дойникова Е. А., Сысоев П. Н.* На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября : сб. статей. Элиста, 1967. С. 185 ; *Григоренко П. Н., Хейфец Н. С.* Современное состояние и перспективный план развития здравоохранения Сталинградской области за 1959–1965 гг. // Здравоохранение Сталинградской области. Сталинград, 1959. С. 14.
- 23 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4. Д. 148. Л. 91. Д. 198. Л. 110–111.
- 24 См.: *Васильева Л. Ф.* Указ. соч. С. 76 ; *Моррисон З. Н.* О мерах по улучшению медицинского обслуживания населения области в свете решений XXIII съезда КПСС // Труды седьмого областного съезда медицинских работников. Саратов, 1968. С. 14.
- 25 См.: Пленум ЦК КПСС. 10–18 января 1961 г. Стенографический отчет. М., 1961. С. 601.
- 26 См.: Советская Калмыкия. 1963. 1 декабря. Л. 4.
- 27 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4. Д. 60. Л. 82 ; Д. 198. Л. 113–114 ; Волга. 1964. 29 декабря. Л. 2 ; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 40. Д. 48. Л. 13.
- 28 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4665. Л. 90 ; Д. 4914. Л. 58 ; Ф. 958. Оп. 1. Д. 19. Л. 88 ; Ф. 972. Оп. 29. Д. 15. Л. 133 ; Д. 42. Л. 118–119 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1068. Л. 104 ; Оп. 3. Д. 150. Л. 2 ; Д. 932. Л. 4 ; Д. 1814. Л. 10 об. ; Д. 1945. Л. 5 ; Оп. 4. Д. 199. Л. 5 ; Д. 205. Л. 38 об.
- 29 См.: ГАНИСО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 136. Л. 46 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962. Статистический ежегодник. М., 1963. С. 548 ; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С. 477.
- 30 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 38. Д. 97. Л. 13 ; ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 6028. Л. 30.
- 31 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 199. Л. 9, 34 об. – 35 ; *Иишутин Е. Ф.* Пути улучшения медицинского обслуживания женщин и детей в Саратовской области // Труды седьмого областного съезда медицинских работников. Саратов, 1968. С. 39.
- 32 См.: СП РСФСР. 1968. № 15. Ст. 76 ; КПСС в резолюциях ... Т. 13. 1976–1980. М., 1987. С. 210 ; Т. 14. 1981–1984. М., 1987. С. 368.
- 33 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 26. Л. 86 ; *Дойникова Е. А., Сысоев П. Н.* На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября : сб. статей. Элиста, 1967. С. 184.
- 34 См.: *Иишутин Е. Ф.* Указ. соч. С. 38 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1318. Л. 149.
- 35 Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1971 году. Статистический ежегодник. М., 1972. С. 369, 371.
- 36 Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 418, 420 ; Народное хозяйство РСФСР в 1981 году. Статистический ежегодник. М., 1982. С. 278–279 ; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году. Статистический ежегодник. М., 1986. С. 365–367.
- 37 См.: Волгоградская правда. 1979. 17 апреля. Л. 4 ; Советская Калмыкия. 1981. 5 ноября. Л. 2 ; 1983. 29 октября. Л. 3.
- 38 См.: Труды седьмого областного съезда медицинских работников. С. 131.
- 39 См.: ГАНИСО. Ф. 6188. Оп. 1. Д. 222-в. Л. 268 ; Д. 284. Л. 91 ; Ф. 5. Оп. 48. Д. 22. Л. 34 ; Ф. 1327. Оп. 62. Д. 37. Л. 113 ; Ф. 138. Оп. 42. Д. 30. Л. 58.
- 40 См.: *Сусеев П. Я.* Достижения здравоохранения Калмыкии в годы советской власти // Здравоохранение Российской Федерации. 1978. № 11. С. 9 ; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 96. Л. 76, 92, 99, 168.
- 41 См.: *Иишутин Е. Ф.* Указ. соч. С. 39 ; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 38. Д. 1. Л. 108. Оп. 42. Д. 1. Л. 89 ; Оп. 48. Д. 22. Л. 34 ; Ф. 6188. Оп. 1. Д. 222-а. Л. 172 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8-пр. Д. 1429-а. Л. 11.

⁴² См.: Дойникова Е. А., Сысоев П. Н. Указ. соч. С. 185; Советская Калмыкия. 1983. 29 октября. Л. 3.

⁴³ См.: Ванюков Д. А. Эпоха застоя. М., 2008. С. 101.

⁴⁴ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1981 году. С. 278–279; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году. С. 365, 366, 367.

⁴⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1971 году. Статистический ежегодник. М., 1972. С. 369; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. С. 418.

⁴⁶ См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1318. Л. 151; ГАНИСО, Ф. 138. Оп. 44. Д. 35. Л. 20, 21, 28; Советская Калмыкия. 1981. 5 ноября. Л. 2; 17 декабря. Л. 4; 1983. 26 октября. Л. 3.

⁴⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об.; Оп. 8-пр. Д. 1288. Л. 2 об., 48 об.; Д. 1289. Л. 1 об., 47 об.

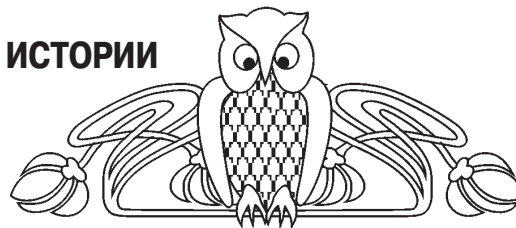
⁴⁸ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. М., 1960. С. 557; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году. С. 365, 366.

УДК 94(470)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

П. С. Кабытов

Самарский государственный университет
E-mail kabpetr@samsu.ru

В статье показано, как в трудах самарского историка Л. М. Артамоновой раскрывается воздействие преобразований в области народного просвещения на культуру провинциальной России XVIII–XX вв. на примере учебных заведений в городах и селах Средней Волге. «Взгляд из провинции» позволяет увидеть заново или в новом свете результаты образовательных реформ в плане общероссийской модернизации. Учителя сыграли важную роль в формировании местной интеллигенции, в становлении не только образования, но и научного изучения родного края. Школы разного уровня активно реагировали на новые веяния и общественно-политические события, происходившие в России. При создании и функционировании образовательных учреждений проявлялись механизмы взаимодействия власти и общества, характерные для различных периодов.

Ключевые слова: история русской культуры, образование, реформы, модернизация, общественная мысль, история Поволжья, региональные исследования, самарская школа в исторической науке.

Regional Refraction of Modern Approaches to the Study of the History of Public Education in Russia

P. S. Kabytov

The article shows how the works of the historian L. M. Artamonova from Samara reveals the impact changes in the field of public education and culture of provincial Russia in the XVIII–XXth centuries on the example of educational institutions in the cities and villages at Central Volga. «The look from the province» allows to see in a new light results of educational reforms in respect of the all-Russian modernization. Teachers played an important role in formation of the local intellectuals, not only in education, but also in scientific studying of the native land. Schools of different level actively reacted to the new trends and political events in Russia. The mechanisms of interaction of the power and society, characteristic for various periods, were shown at creation and functioning of educational institutions

Key words: history of the Russian culture, education, reforms, modernization, social thought, history of the Volga region, regional researches, Samara school in historical science.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-109-113

История народного образования в российской провинции и ее регионах долгое время рассматривалась исследователями как упрощенный и отстающий по времени вариант столичных веяний в этой области. Отдельные достижения в изучении примечательных учебных заведений и видных деятелей просвещения, работавших на периферии, не меняли создававшуюся картину в целом. Вместе с тем к осознанию того, что великая русская культура по своим корням является одной «из самых провинциальных в Европе», еще в 1920-е гг. призывал выдающийся ученый Н. К. Пиксанов – уроженец Саратовской губернии и профессор Саратовского университета¹. Среди самарских историков близкое к этому понимание Поволжья как одного из сосредоточий «провинциальных культурных гнезд» показывают труды Л. М. Артамоновой, особенно ее публикации по истории просвещения, вышедшие за последнее двадцатилетие. В данной статье остановимся на этой стороне ее научной деятельности особо, поскольку анализ ее работ позволяет выявить достаточно точно и наглядно определенные тенденции в отечественной историографии. Также ее труды показывают пример сочетания устоявшихся приемов изучения и анализа традиционных письменных источников с современными методиками использования «истории повседневности», «локальной истории», «устной истории», других современных методов исследования.

Основной круг публикаций Л. М. Артамоновой затрагивает тему народного образования в русской провинции XVIII – первой половины XIX в., недостаточно изученную для России в целом, а в истории отдельных территорий оставшуюся практически неизвестной и слабо отраженной в регионоведческой литературе. Благодаря ее трудам, появились достоверные и

подробные сведения о народных училищах конца XVIII в. в Симбирском, Самарском и Саратовском Поволжье. В них также содержатся сведения о калмыцкой школе в Ставрополе, развитии просвещения на территориях современной Оренбургской области, Башкирии, Чувашии и других регионов. В монографии «Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв.» было раскрыто взаимодействие социальных, политико-административных и культурных явлений, которые проявились в школьном деле России и ее юго-восточных окраин². Затем была защищена докторская диссертация на эту тему, научным консультантом по которой выступил П. С. Кабытов³.

Наблюдения и выводы, полученные в ходе исследования истории народного образования, также были изложены в отдельных публикациях автора. Наряду со статьями в научных сборниках и журналах это были разделы, посвященные культуре и образованию, в обобщающих трудах по истории регионов Поволжья в целом⁴ или его отдельных частей⁵, а также в публикациях документов⁶. Эти издания выполнялись в рамках общих проектов школы историков, сложившейся на кафедре российской истории Самарского государственного университета.

Статьи Л. М. Артамоновой, посвященные XVIII в., продолжали выходить и в последующие годы. Они развивали ранее сформулированные положения и дополняли их новыми фактами по Поволжскому региону⁷. Например, были обобщены сведения о неопубликованных источниках по ранней истории народного образования, отложившиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Казани⁸.

В ряде журнальных публикаций были уточнены оценки школьной реформы Екатерины II в целом по стране. На первый план выдвигались те наиболее принципиальные результаты, к которым пришел автор в ходе исследования⁹. Прежде всего, было подчеркнуто значение этой реформы как одной из самых последовательных в истории русского «просвещенного абсолютизма»¹⁰. Она имела, как было показано, прямую связь с аболиционистскими настроениями императрицы и прогрессивной части общества в крестьянском вопросе¹¹.

Автором был сделан вывод о том, что проведение школьной реформы на местах послужило катализатором складывания нового слоя провинциальной интеллигенции. В губернских и уездных городах появилась первая массовая профессия людей, занятых интеллектуальным трудом и имеющих систематическое образование¹². Вокруг ее представителей складывался круг молодых чиновников, стремившихся к знаниям и культуре¹³.

Вместе с тем, как показала исследовательница, важную роль в XVIII в. продолжали играть традиционные образовательные практики домашнего и частного обучения. Они легли в основу духовного и культурного становления многих

русских военных и государственных деятелей, писателей и ученых¹⁴.

Отечественный культурный потенциал пополнялся также теми иностранцами, которые вносили не только личный вклад в науку и просвещение. Многие из них включались в трудную организационную работу по созданию и развитию русской школы различного, в том числе общеобразовательного, уровня. Наглядным примером тому стал выдающийся физик и математик, уроженец Германии Ф.-У. Эпинус¹⁵. Находка автором в архиве русского текста «плана Эпинуса», положенного в основу школьной реформы Екатерины II, заметно обогатила анализ этого правительственного мероприятия, расширила понимание целей и задач реформ «просвещенного абсолютизма» в области образования.

Вместе с тем многие публикации Л. М. Артамоновой по сюжетам и хронологии заметно выходили за рамки, обозначенные в докторской диссертации. Новая школьная реформа Александра I была пристально рассмотрена в плане постепенного изменения отношения провинциального общества к народному образованию и открытия при его участии новых учебных заведений¹⁶. Были также показаны возрастающая роль духовенства в работе общеобразовательных школ и усиление внимания к религиозно-нравственным аспектам в обучении школьников на различных уровнях подготовки¹⁷.

Тенденции, намечившиеся в начале XIX в., были прослежены в годы правления Николая I после перехода с 1828 г. к осуществлению новой образовательной реформы. Особенно это касалось истории создания сельских школ в крепостной, удельной и государственной деревне дореформенной России, включая Самарско-Саратовское Поволжье¹⁸. Как показал автор, данный процесс сопровождался более активным участием¹⁹ и благотворительностью²⁰ священников и церковнослужителей в школьном деле. Дополнительной иллюстрацией этому также служат выявленные автором судьбы ярких поборников народного просвещения из среды духовенства, их не только собственно образовательные, но и организационные усилия в устройстве школ²¹.

Анализ этих и подобных сюжетов позволил по-новому взглянуть на политику Николая I в области образования и отметить ее в целом прогрессивную роль в процессе модернизации страны и ее культуры. В результате исследовательница выстроила концепцию последовательной линии государственной власти на развитие народного просвещения на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в.²² О ней свидетельствуют и материалы по губерниям Поволжья²³. Еще одним показателем успехов в деле просвещения был выявленный автором рост интереса провинциального общества к книге и периодике²⁴.

Л. М. Артамонова смогла представить данную концепцию научному сообществу и широко-

му кругу читателей на более полной источниковой и фактологической основе в коллективной монографии о социальных процессах, протекавших в XVI–XX вв. в Поволжье. В это обобщающее издание, подготовленное самарскими историками, ею была написана обширная глава «Власть и общество в деле народного просвещения на землях Поволжья в XVIII – первой половине XIX вв.»²⁵.

Признание за государственной властью в рассматриваемый период решающей роли, которую она играла в деле народного просвещения, не привело автора к идеализации характера культурно-образовательных процессов, которые происходили в стране и Поволжье. Л. М. Артамонова показала, как вместо высокой, хотя малореальной мечты с помощью просвещения и бессословной школы переустроить на разумных началах все общество, постепенно возобладали мысль приспособить народное образование к существующим социальным порядкам, определив границы и возможности его получения для разных общественных слоев. В целом русское общество оказалось не готовым поддержать устремления «просвещенного абсолютизма» к предоставлению массового и равного доступа к образованию для всех. Сословное образование привилегированных сословий также затронуто в работах Л. М. Артамоновой на примере частных пансионатов в малых провинциальных городах²⁶. Интересными представляются и ее наблюдения увеличения числа учителей-иностранцев в Поволжье в результате событий 1812 года²⁷.

Училища предреформенной российской провинции анализируются автором с еще одной интересной и малоизученной стороны. Развивая свою мысль о школах как основных источниках провинциальной интеллигенции, она показывает, что учителями в поволжских городах работали и незаурядные деятели культуры общероссийского значения. Л. М. Артамонова в своих работах обратила внимание на двух самарских учителей и руководителей образовательных учреждений, уездного училища и гимназии. Г. Н. Потанин был замечательным исследователем-краеведом и писателем – сотрудником Н. А. Некрасова²⁸, а В. Г. Варенцов – известным филологом-фольклористом и журналистом²⁹.

Переходная эпоха от николаевской России к времени Великих реформ была затронуто исследовательницей, прежде всего, в плане изучения процесса роста интереса к женскому образованию. Создание системы женских общеобразовательных школ в России рассматривается Л. М. Артамоновой как первое в ряду преобразований правления Александра II³⁰. Оно имело корни в предшествующем времени³¹.

Автор подчеркивает, что создание женских публичных учебных заведений имело особое значение именно для провинциальных городов, как это было в свое время при возникновении народных училищ конца XVIII века. Причины тому

лежали в ограниченности получения образования в губернском или уездном городе по сравнению со столицами. В последних уже имелись, кроме общедоступных, иные (частные, закрытые, сословные, специализированные, профессиональные и ведомственные) учебные заведения, удовлетворявшие потребности заметной части родителей в воспитании и социализации их детей.

В проведении реформы женского образования в Самарской губернии, как установил автор, были достигнуты заметные успехи. Тому были две причины. Первая состояла в личном активном участии губернатора К. К. Грога, будущего видного деятеля Великих реформ. Вторая заключалась в согласованных усилиях губернской администрации и местного общества в лице его органов самоуправления. Кроме решения конкретной образовательной задачи, были отработаны механизмы взаимодействия власти и общественности, которые положительно сказались при реализации других реформ эпохи преобразований 1860–70-х гг., когда Самара в ряде случаев показывала пример для других территорий России³².

В истории народного образования второй половины XIX–XX вв., несмотря на то что к изучению этого времени привлечено несравнимо больше научных кадров и сил, Л. М. Артамонова актуализировала и разработала несколько сюжетов. Так, развитие сети образовательных учреждений пореформенной Самары, наряду с более ранними периодами, было раскрыто ею в коллективном обобщающем труде по истории города³³.

Интересным сюжетом социальной истории и истории повседневности стала общественная активность учащихся накануне Первой мировой войны. Автор показала, что в провинции именно школы и школьники были основными участниками в проведении государственных и общественных торжеств, посвященных знаменательным историческим юбилеям. Столетие Отечественной войны 1812 года было ознаменовано не только торжествами в стенах самих местных учебных заведений³⁴. Городские, губернские и даже всероссийские мероприятия не обходились без участия провинциальных школьников³⁵. Сделан вывод и о том, что верховная власть при проведении этих празднований рассчитывала воздействовать в политических и воспитательных целях на значительную часть российской молодежи, составлявшую контингент учебных заведений. Те же черты проявились в торжествах по случаю 300-летия Дома Романовых³⁶. Заметным было участие воспитанников различных учебных заведений в других общественно значимых мероприятиях, в том числе проводившихся в связи с войной 1912–1913 гг. на Балканах³⁷.

Другой сюжет, имеющий источниковедческий и методологический интерес, – возможности использования документов учебных заведений для реконструкции повседневности Первой

мировой войны и положения беженцев. Он был исследован и получил продуктивное решение на материалах средних учебных заведений³⁸ и начальных школ Самары³⁹.

Еще один сюжет уже из советской эпохи, который был рассмотрен Л. М. Артамоновой монографически, касался истории высшей школы, а конкретно – института культуры в Самаре. Вопрос был изучен как традиционными приемами анализа общественно-культурных явлений с опорой на письменные источники, так и методами «истории повседневности» и «устной истории»⁴⁰. Обоснование применения новых методик потребовало от автора специального объяснения в отдельной публикации⁴¹.

В целом подходы, продемонстрированные в работах Л. М. Артамоновой, показывают важные изменения в современной историографической ситуации. Когда в местных университетских и академических центрах появились собственные высокопрофессиональные специалисты и целые научные направления по изучению социальных и культурных особенностей отдельных регионов, пришло время пересмотреть отношение к истории русской провинции как второстепенной задаче, в том числе в плане исследований по истории народного просвещения. Использование различных современных приемов, обычно объединяемых под общим названием «новой социальной истории», расширяет круг тем и вопросов в изучении не только прошлого российского образования, но и взаимодействия власти и общества на примере школьного дела. Подходы с позиций «локальной истории», «микроистории», «региональной истории» позволяют решать не только свои собственные задачи, но и делать новые обобщения уже на уровне «большой истории» целой страны.

Примечания

- 1 См.: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. М. ; Л., 1928. 148 с.
- 2 См.: Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. 391 с.
- 3 См.: Артамонова Л. М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России) : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2002. 484 с.
- 4 См.: Самарская летопись. Кн. 1: Самарский край с древнейших времен до середины XIX века / под общ. ред. П. С. Кабытова и Л. В. Храмова. Самара, 1993. 219 с.
- 5 См.: Смирнов Ю. Н., Дубман Э. Л., Барашков В. Ф., Артамонова Л. М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. : учеб. пособие. Самара, 1995. 200 с.
- 6 См.: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. : сб. документов и материалов / гл. ред. П. С. Кабытов. Самара, 2001. 512 с.
- 7 См.: Артамонова Л. М. Реализация школьной реформы Екатерины II в поволжских губерниях // Поволжский край. Вып. 12. Саратов, 2005. С. 65–73.
- 8 См.: Артамонова Л. М. Источники по истории школьной реформы конца XVIII века в российских архивах // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2007. № 5–3 (55). С. 167–174.
- 9 См.: Артамонова Л. М. Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2009. № 7 (73). С. 12–19.
- 10 См.: Артамонова Л. М. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2. С. 45–49.
- 11 См.: Артамонова Л. М. Взаимосвязь крестьянского вопроса и школьной реформы в правление Екатерины II // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 205–209.
- 12 См.: Артамонова Л. М. Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И. А. Второва (1791–1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 437–443.
- 13 См.: Артамонова Л. М. Приобщение к культуре и просвещению как источник счастья молодого провинциала конца XVIII века // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей : материалы Междунар. науч. конф. Тула, 2009. С. 11–19.
- 14 См.: Артамонова Л. М. «Учили меня еще во младенчестве». Принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13–15.
- 15 См.: Артамонова Л. М. Учёный и императрица : академик Эпинус и Екатерина Великая // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14, № 3–1. С. 7–15.
- 16 См.: Артамонова Л. М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 86–88.
- 17 См.: Артамонова Л. М. Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2013. № 8–2 (109). С. 55–64.
- 18 См.: Артамонова Л. М. Становление сельских школ Самарско-Саратовского Заволжья в царствование Николая I // Российская провинция : опыт комплексного исследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Сарат. ун-та. Саратов, 2009. С. 296–299.
- 19 См.: Артамонова Л. М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2012. № 8–2 (99). С. 110–117.
- 20 См.: Артамонова Л. М. «Заведение собственным иждивением училища...» Роль священников в создании и поддержке школ Казанского учебного округа первых десятилетий его существования // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 76–81.
- 21 См.: Артамонова Л. М. Бугурусланский священник Иоанн Милордов и становление народного образования в русской провинции первой половины 19-го столетия // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 8–11.
- 22 См.: Артамонова Л. М. Школьные реформы XVIII – первой половины XIX веков в процессе российской модернизации // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2012. № 2–2 (93). С. 57–64.

- ²³ См.: Артамонова Л. М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113.
- ²⁴ См.: Артамонова Л. М. Распространение книги и периодической печати в уездном городе в XVIII – первой половине XIX вв. (на примере Самары) // Культура, наука, образование : проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Нижневартовск, 2015. Ч. I. С. 223–227.
- ²⁵ См.: Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Смирнов Ю. Н., Артамонова Л. М., Кабытова Н. Н., Тагирова Н. Ф. Поволжье – «внутренняя окраина» России : государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э. Л. Дубмана и П. С. Кабытова. Самара, 2007. 328 с.
- ²⁶ См.: Артамонова Л. М. Пансион господина де Маке в Самаре // Самарский земский сборник. 2011. № 1. С. 66–76.
- ²⁷ См.: Артамонова Л. М. Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество : проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 1 (14). С. 159–164.
- ²⁸ См.: Артамонова Л. М. Рукописи Г. Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229–237.
- ²⁹ См.: Артамонова Л. М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры : идеи и парадигмы культурных изменений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара, 2014. С. 152–161.
- ³⁰ См.: Артамонова Л. М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20–24.
- ³¹ См.: Артамонова Л. М. Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России) // Проблемы российской и социальной истории : сб. науч. статей. Самара, 2011. С. 131–141.
- ³² См.: Артамонова Л. М. Просветительская деятельность самарского губернатора К. К. Грота : столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156–161.
- ³³ См.: История Самары : От воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая / науч. ред. П. С. Кабытов, Э. Л. Дубман. Самара, 2011. 236 с.
- ³⁴ См.: Артамонова Л. М. «Придать предстоящему юбилею характер общенародного торжества» : столетие Отечественной войны 1812 года в Самарском учительском институте // Самарский земский сборник. 2012. № 1 (21). С. 96–104.
- ³⁵ Артамонова Л. М. «Общенародное торжество» 1912 года и провинциальная школа (по материалам Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2013. С. 69–72.
- ³⁶ Артамонова Л. М. Романовский юбилей 1913 года в Самаре // Русь – Россия : судьба страны – судьба человека : материалы межрегион. студ. форума. Самара, 2014. С. 221–228.
- ³⁷ Артамонова Л. М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12–15.
- ³⁸ Артамонова Л. М. Бедствия Первой мировой войны как причины перевода в самарскую гимназию // Культура, наука, образование : проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2014. С. 109–111.
- ³⁹ Артамонова Л. М. Переводы школьников в учебные заведения Самары вследствие событий Первой мировой войны // XX век и Россия : общество, реформы, революции. 2014. № 2. С. 307–314.
- ⁴⁰ Артамонова Л. М. Самарская государственная академия культуры и искусств : год первый. Самара, 2006. 135 с.
- ⁴¹ Артамонова Л. М. Использование методов «истории повседневности» и «устной истории» в реконструкции прошлого вузов культуры (на примере СГАКИ) // Культура и образование. 2008. № 1 (1). С. 31–34.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

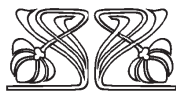
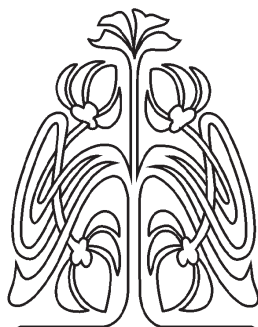
Рецензия на книгу: Мезин С. А. Пётр I во Франции. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2015. – 312 с. ; ил.

Рецензируемая книга – первое монографическое описание поездки Петра I во Францию 10/21 апреля – 13/24 июня 1717 г. Основанное как на русских, так и на французских источниках, учитывающее трёхсотлетнюю традицию интерпретации и изучения, исследование С. А. Мезина даёт многогранное освещение данного события.

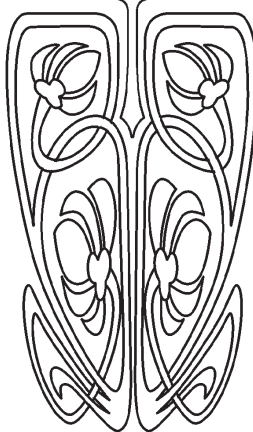
Каждая часть книги имеет самостоятельную научную ценность, начиная с подробного анализа историографии и источников, в ряде которых автор обнаруживает вторичность, убедительно раскрывает причины имеющихся ошибок и искажений, обращает внимание на природу текста (например, литературный элемент в жанре «подлинных анекдотов», позднейшую обработку в «записках» и даже «Походном журнале»); далее идёт сопровождающаяся ссылками на оригинальные документы подневная роспись пребывания русского царя во Франции, а затем – главы, посвящённые разным аспектам этого, едва ли не первого, опыта диалога двух культур. В тематических главах представлены дорожные впечатления русских путешественников и то, что открылось их глазам в Париже, резиденциях французских королей и аристократии; описана повседневная жизнь русского посольства и передано отношение французов к необычным гостям; целостно рассмотрены официальные встречи, дипломатические переговоры, знакомство русского императора с европейскими искусствами и наукой. В приложениях опубликованы выполненные автором точные переводы «Похвального слова царю Петру I» Б. де Фонтенеля и биографии Петра I, напечатанной во французской официальной газете сразу после его смерти.

Главным достоинством книги С. А. Мезина является не просто представление большого по объёму материала, а его корректная подача, доказательность каждого положения. В суждениях и выводах автора нет ни искажающего факты «энтузиазма», ни высокомерия «многомудрого исследователя», в чём он позволяет себе упрекнуть своих предшественников. Впрочем, приведёнными фразами оценочные суждения в адрес коллег и ограничиваются, ещё одной привлекательной стороной рецензируемой работы является уважительный, сдержанный тон научной полемики.

С. А. Мезин очень хорошо демонстрирует вписанность тех или иных интерпретаций поступков и суждений представителей обеих сторон этой исторической встречи сначала – в «мифологический» контекст, а затем – в определённые научные традиции, на которые оказывали влияние и та же «мифология», и идеология, и другие факторы. Так, расхожим представлениям о «варварах», лейтмотивами проходящим во французских мемуарах свидетельствам о пьянстве, грубости, разврате свиты русского царя и нецарском поведении его самого (особенно о недостойной правителя скупости), автор монографии противопоставляет данные русской стороны, в частности – документальные сведения об оплате услуг и подарках хозяевам. Кроме того, он напоминает, что формально Пётр посетил Францию инкогнито, и поэтому «нецарское» поведение вплоть до самого конца поездки (когда и щедрость проявилась в полной мере) можно объяснить сохранением этого инкогнито. С другой стороны, раскрывается тенденциозность сначала русских, а затем советских историков, очень желавших, например, доказать, что Пётр был принят в члены Парижской академии наук ещё во время пребывания в столице Франции. Подробно прослеживая пути формирования данного мифа (от Фонтенеля и Вольтера, через Н. А. Полевого и далее), С. А. Мезин обращает внимание на то, что при таком подходе ускользают из вида реальные «трудности в отношениях русского царя

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

с парижскими академиками» (с. 210), возможно, являющиеся трудностями не только «учёного», но и политического порядка.

Примеров тщательной и непредвзятой работы с источниками можно было бы привести много. Обратимся ещё только к завершающим книгу приложениям. Необходимость собственного перевода «Похвального слова» Фонтенеля С. А. Мезин объясняет отсутствием до настоящего времени перевода точного, в частности, «то, что было в Париже панегириком, отнюдь не казалось таковым в Петербурге. Поэтому все переводы сочинений Фонтенеля на русский язык вплоть до середины XIX века подвергались редактированию и сокращению» (с. 256). А статья, сопровождающая посмертную публикацию биографии Петра I во французской газете, представляет собой блестящий образец «монографического» анализа документа. Оспаривая заявление исследователя середины XX в. о том, что «для того, чтобы находить интересной эту статью, содержащую лишь банальности, надо быть полным невеждой в данной теме», С. А. Мезин обращает внимание на то, что французы в 1725 г. были именно такими «невеждами» и сведения, предложенные газетой, не являлись для них «повторением избитых истин» (с. 279). Он вписывает интересующую его статью в ряд других французских газетных публикаций 1725 г., прослеживает динамику отражённых в них фактов. Допущенные же французским журналистом ошибки в датах он не просто отмечает и исправляет в примечаниях, а пытается интерпретировать как, в ряде случаев, сознательную подтасовку, обусловленную неоднозначностью для французской дипломатии вопросов законности российской власти и российского престолонаследования. Таким образом, приложения, своеобразно замыкая композицию книги, ещё раз акцентируют поставленную во введении и проходящую через всю работу проблему критики источников.

Однако стремление автора к объективности не делает книгу, что называется, «сухой». Из неё вырисовывается цельный образ первого российского императора – человека, не имеющего (особенно с точки зрения французов) утончённого вкуса и культурных привычек, но в полной мере отдающего себе отчёт в происходящем, осознающего своё положение, кроме того – человека умного, любознательного, со своеобразным чувством юмора. Созданию такого, в основном привлекательного, образа Петра I способствует сквозное на протяжении всей книги цитирование его личных писем к близким людям, в первую очередь к жене Екатерине Алексеевне («Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешней каралища <...> дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет» (с. 105); «... а что пишете, что я скоряя даму сыщу, и то моей старости не прилично» (с. 155)).

С. А. Мезин, очевидно, принципиально избегает реконструкции психологической мотивации

поступков исторических лиц. Но тем примечательнее единственное исключение – трактовка впечатления, произведенного на Петра I картиной П. П. Рубенса «Рождение Людовика XIII в Фонтенбло»: «Что же поразило царя в этой картине: факт изображения родов королевы или искусство Рубенса? – с иронией спрашивает современный исследователь. Скорее всего, и то и другое. Глядя на картину, царь вполне мог вспомнить не только своего новорожденного сына Павла, родившегося в январе 1717 года и умершего на следующий день, но и “проклятого <...> большого сына”, бежавшего накануне от отца, опозорив его на всю Европу. В условиях, когда единственный сын от Екатерины малолетний Пётр отличался крайней болезненностью, было о чём задуматься, глядя на королевского наследника в руках “гения Здоровья”» (с. 174–175). Даже если это и «приписывание» историческому лицу чувств, скорее свойственных в подобной ситуации исследователю позднейшего времени (а С. А. Мезин здесь весьма осторожно и с оговорками выдвигает гипотезу, приводя вполне убедительные аргументы), то это «приписывание» лучших чувств.

В отличие от своего героя (и, к сожалению, авторов многих популярных книг), С. А. Мезин не стремится собрать коллекцию «монстров», все участники событий в его описании выглядят очень человечно. Не только представленные автором русские, с их непонятными парижанам привычками, способны вызвать сочувствие читателя (чуть ироническое, а, может быть, и не без примеси национальной гордости), но и хозяева, пытающиеся быть на высоте с гостями, которые постоянно нарушают ход заранее продуманных и тщательно подготовленных мероприятий, и содержание которых то и дело выходит за рамки запланированного бюджета. Гиперболизированно негативные отклики принимающей стороны, замечание «французского наблюдателя» о том, что, например, генерал-адъютант П. И. Ягужинский «никогда не ложится спать трезвым» (с. 96), просьбы Петра в письмах к жене о присылке «крепиша» (анисовой водки) и тому подобные факты не смакуются как пикантные, а облекаются отстранённо-научным или иногда по-доброму ироническим отношением исследователя, который понимает и любит свой предмет.

Нельзя не отметить, что С. А. Мезин прекрасно чувствует неповторимый язык Петровской эпохи, с большим вкусом цитирует. Цитаты из писем Петра I включены в названия глав: «Визитовал меня здешней каралища...», «Был в арсеналах и в королевских домах, и где льют медная всякия штатуи...», «В Версалии и Марли сколь великий плезир имел!...». Словно в ответ в названиях других глав звучат голоса хозяев: «Этот маленький двор весьма переменчив...», «Царь проявил просвещённость и знания...», «Все здесь без ума от него...». То есть эпоха в полном смысле слова «говорит» на страницах книги.

Монография адресована «всем интересующимся отечественной историей и русско-французскими культурными связями» (с. 4). Примечательно, что здесь особо не выделены, как полагается в таких случаях, «специалисты». Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, научный руководитель Института Петра Великого Е. В. Анисимов в предисловии пишет, что С. А. Мезин, «кажется <...> унаследовал духовную сущность лучших представителей русской профессуры позапрошлого века» (с. 8). Думается, что выше оценки быть не может. Поэтому действительно любой интересующийся

отечественной историей человек, взявший в руки книгу С. А. Мезина, получит наслаждение не просто от узнавания новых фактов, изложенных последовательно и доказательно, но и от соприкосновения с подлинной, несуетной наукой, а также от текста, сочетающего аромат языка «осемнадцатого столетия» и строгую красоту современного научного стиля.

В. В. Биткинова,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы
Саратовского университета

НОВЫЕ ГРАНИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИСТОРИИ

Рецензия на книгу: Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе конца IX – середины XI веков : социальный статус и художественный образ. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2015. – 212 с.

Монография И. И. Болдыревой посвящена одной из важных проблем истории Англии позднего англосаксонского периода, которая до настоящего времени практически не изучалась в отечественной медиевистике, а зарубежные исследователи затрагивали лишь отдельные её аспекты. Между тем выявление социального статуса женщины, особенностей её репрезентации в письменных и визуальных источниках позволяет дать более панорамную, глубокую и системную характеристику англосаксонского общества конца IX – середины XI столетия в целом, полнее и исторически реалистичнее осознать его специфику в период, который для английской истории по праву считается одним из поворотных, совпадая с завершением раннесредневековой эпохи.

Актуальность обращения к заявленной теме и одновременно сложность исследования обусловлены тем, что в историографии статус женщины в раннесредневековой Англии до сих пор остается объектом дискуссий, вызванных различиями в методологии, а также трудностями, возникающими при работе с раннесредневековыми текстами.

Автор монографии проделала большую и кропотливую работу по подбору, переводу и анализу источников, освещающих положение женщины в позднем англосаксонском обществе. Специфика изученных источников (именно в рассматриваемое время появляются завещания женщин и записи судебных тяжб с их участием) придает особый интерес исследованию. Документы сгруппированы автором в три объемных блока: повествовательные (нарративные), законодательно-нормативные и документальные. Важно подчеркнуть, что в процессе работы над книгой И. И. Болдырева привлекла раннесредневековые памятники, малоизвестные российской научной общественности.

Основываясь на свидетельствах разнообразных источников и некоторых имеющихся историографических наработках, автор монографии тщательно и разносторонне анализирует правовой и имущественный статус англосаксонской женщи-

ны, сложившийся к концу раннего Средневековья; выявляет представления о роли и месте женщины в религиозной и светской культуре поздних англосаксов; на примере статуса королевских жен и степени их участия в политической жизни изучает особенности отношений женщины к власти в позднем англосаксонском обществе.

Структура книги представляется вполне логичной, и построена по проблемно-источниковому принципу. Автор монографии начинает анализ с общих проблем положения женщин в X–XI вв. по законодательным источникам и литературе и переходит к рассмотрению конкретных вопросов статуса познеанглосаксонских королей.

В первой главе «Гендерные стереотипы в памятниках англосаксонской поэзии» автор обращается к анализу англосаксонской аллитерационной поэзии, дошедшей до нас в рукописях X–XI вв., и убедительно показывает, что к концу раннего Средневековья в англосаксонской культуре существовала сложная система гендерных представлений. Общественно значимые качества и социальные роли, атрибутируемые мужчине и женщине, не были одинаковы и определялись бытовыми нуждами и суровыми политическими реалиями раннесредневековой повседневности. Автором установлено, что важнейшие социальные представления раннего английского общества были связаны с образами воина и «пряхи мира». Отводя женщине роль верной жены и любящей матери, к женским качествам англосаксы относили физическую слабость и трусость. Использование аристократкой мужских моделей поведения не одобрялось обществом и считалось асоциальным. Лишь героиня религиозного эпоса могла действовать «по-мужски». Интересно, что в светской литературе женщина принимается в качестве мудрой и авторитетной советчицы, в то время как в церковных сочинениях она воспринимается как источник зла и греха.

Яркий материал, представленный во второй главе «Женщина в зеркале англосаксонского

законодательства и брачного права конца IX – середины XI веков», позволил автору сделать интересные наблюдения. Они касаются того, что в англосаксонском праве женщины присутствуют в небольшом числе статей, которые И. И. Болдырева подразделяет на две группы. В первой идет речь о порядке заключения брака, имущественном положении вдовы или будущей супруги. Во второй – о преступлениях против норм морали и женской чести. Важно, что представительница прекрасного пола здесь часто именуется женой, вдовой, монахиней или девой. Следовательно, в общественном восприятии статус был тесно связан с семейным положением женщины.

Заслуживает внимания проведенный автором анализ правового статуса женщины. И. И. Болдырева приходит к выводу, что на протяжении всей жизни ее вергельд оставался неизменным и зависел от принадлежности к определенному сословию. С другой стороны, штрафы за преступления, совершенные в отношении женщины, нередко взимались в пользу ее опекуна, супруга или ближайшего родственника мужского пола, а их размеры зависели от общественного положения именно мужчины.

Справедливо подчеркивается, что характерной чертой позднего англосаксонского законодательства является повышенное внимание к таким категориям населения, как монахини, девы и вдовы. Важным представляется замечание о том, что законодательные источники показывают большое влияние обычного права, поэтому многие факты оказывались за пределами внимания кодификаторов. Кроме того, реальная практика не всегда совпадала с законодательными нормами.

Интересный материал содержит третья глава «Англосаксонская аристократка в завещательной практике и земельных спорах». Автор последовательно доказывает, что прецеденты, зафиксированные завещаниями, иллюстрируют довольно существенную правовую активность представительниц нобилитета в раннесредневековой Англии: в грамотах они фигурируют как участницы судебного процесса и деловых соглашений, наследницы и дарительницы земли и движимого имущества. Однако, как выявляет автор, возможности этих женщин, как и их правовой статус, были половинчаты, о чем свидетельствует специфика репрезентации женщины в документах, а также практика наследования ею земельной собственности. Безусловно, отсутствие женских подписей в англосаксонских свидетельских списках и материальная культура завещаний отражают особенности положения представительницы «слабого» пола в традиционном обществе, где женское социокультурное пространство было в большей степени связано с семьей и домашним хозяйством, а не с публичной сферой.

Большой интерес представляет четвертая глава «Женщина в англосаксонской агиографии и бенедиктинская реформа в Англии второй половины X века», в которой автор обращается к

репрезентации женщины в религиозных памятниках позднего англосаксонского периода, отмечая их обилие благодаря церковной реформе второй половины X века.

Интересна мысль И. И. Болдыревой о том, что образы святых дев часто заимствованы из латинских источников; они идеальны, стереотипны, но одновременно служат иллюстрацией ключевых пунктов идеологии бенедиктинской реформы – апологии целомудрия, мученичества, аскезы, приоритета киновийного общежития.

Автор убедительно показывает, что героиня поздней англосаксонской агиографии, как правило, не просто дева, но мученица – деталь, отразившая влияние скандинавского фактора на древнеанглийскую духовную культуру, в том числе гендерные стереотипы поведения.

Сложность исследования определяется тем, что в понимании феномена женской святости в культуре монашеского Возрождения не было полного единообразия. Не случайно, как справедливо отмечает автор, у поздних англосаксов присутствовали и другие модели женской святости: пустынная отшельница, целомудренные и волевые королевы прошлого.

В главе пятой «Наследницы Эадбурги Мерсийской: статус жены правителя в Англии IX – середины X веков» И. И. Болдырева обращается к анализу вопроса о влиянии женщин на государственные дела, политической активности средневековых королей. В центре исследования – эпические королевы, жены монархов (Этельфледа, Эдгифу и пр.).

Проведя тщательный анализ источников, автор монографии доказывает, что в целом положение жены англосаксонского правителя в конце IX – середине X в. было двойственным. Подобно женщинам «Беовульфа», она скрепляла альянс между кланами, но официально оставалась безвластна. И все же, хотя политическая активность средневековых королей являлась в целом незначительной, некоторые из них добивались могущества.

В последней главе «Королевы в период церковной реформы в англосаксонском обществе и его письменной культуре» автор ставит проблему ритуальной практики возведения на престол, выявляет её политический и символический смысл. Рассмотрение указанных вопросов несомненно актуально, поскольку, как указывает автор, о ритуалах возведения королей на престол в рассматриваемый период известно мало, но еще меньше известно об обрядах венчания на царство королей.

Совершенно справедливо отмечается, что традиция миропомазания королей-консротов, наделившего жену правителя особым статусом и харизмой, а ее детей – приоритетом в качестве претендентов на престол, впервые засвидетельствована историческими источниками во второй половине IX в., в Англии она утверждается при короле Эдгаре, в 973 г. устроившем для себя и своей супруги Эльфтриды пышную коронацию. Благодаря этой церемонии Эльфтрида была при-

ближена к сакральной фигуре короля и принимала на себя часть этой сакральности.

Можно полностью согласиться с выводом автора, что в возвышении королевы в Англии конца X в. большую роль сыграла не только континентальная традиция, хорошо известная англосаксам, но также церковная реформа, начатая в правление Эдгара: в частности, подчеркивалась роль королевы как официальной покровительницы монахинь; реформаторы наделяют жену монарха важными общественными функциями и в рамках теологии царства приближают ее к его сакральной фигуре.

Интересно наблюдение автора, касающееся активного распространения почитания Девы Марии, что было индикатором и одновременно инструментом роста влияния англосаксонских королей. И. И. Болдырева справедливо указывает на то, что в поздней англосаксонской иконографии Богородица предстает в образе Небесной Царицы, и, что важно, первые такие изображения приблизительно совпадают с коронацией Эльфтриды. Автор выделяет еще один аспект, оказавшийся в центре внимания англосаксонских реформаторов. Это материнство Девы Марии. Подчеркивается, что три из четырех королей, оказавших значимое влияние на политическую жизнь Англии второй половины X – середины XI в., были матерями: Эмма Нормандская, Эдгифу, Эльфтрида.

Опираясь на богатый источниковый материал, автор выявляет, что, в отличие от франкской житийной традиции X в. и древнеанглийского эпоса, женские агиографические модели монашеского Возрождения предусматривают более четкую оппозицию духовное – земное. В моделях женской святости X в. концепт «пряха мира», распространенный в англосаксонской книжности, нередко нарушался, что выражалось и в топосе переодевания, и в личных качествах святой, которые светским обществом, как правило, атрибутировались мужчине.

В заключительной части монографии И. И. Болдырева приводит основные выводы и рассуждения, концептуально оформляющие её исследование, а также намечающие возможные перспективы в изучении данной проблемы.

Не вызывает возражений завершающий вывод автора, что содержание женских образов, запечатленных в памятниках позднеанглосаксонской культуры, зачастую определялось исторической реальностью периода и культурно-историческим наследием; при этом литературные образы и общественная практика не обязательно совпадали. Отображение женщин в светских и религиозных памятниках поздней англосаксонской эпохи не было одинаковым в силу различий представлений и затронутых ракурсов; присутствие же элементов сходства было обусловлено единой исторической средой, а также возможностью контактов и взаимовлияний.

И. И. Болдырева обращает внимание на то, что и в светской, и в церковной литературе положение женщин воспринималось чаще всего через воспри-

ятие мужчин. В позднеанглосаксонских памятниках женщина предстает скорее как литературный персонаж, нежели реальная современница. Такую специфику нарративных источников отчасти компенсируют правовые памятники. Их содержание показывает, что отношение к женщине в Англии конца IX – середины XI в. характеризовалось большой сложностью и определялось целым рядом факторов – происхождением, семейным положением, общественным положением супруга. Документальные свидетельства дают основания говорить о появлении новых черт в социально-правовом и имущественном статусе женщины – возможность наследовать и завещать земельную собственность, отстаивать свои интересы в суде. Хотя в глазах общества и в юридических документах женщины редко уравнивались с мужчинами.

Исследование отличается комплексным характером и завершает многолетние изыскания автора по истории позднего англосаксонского общества в гендерном ракурсе. Одной из привлекательных особенностей монографии является ее междисциплинарный характер. Автор обращается к опыту целого ряда гуманитарных дисциплин, особенно – литературоведения.

Сама постановка проблемы, современные методологические подходы, использование комплекса разнообразных и «свежих» источников позволили автору сделать целый ряд наблюдений и выводов, принципиально новых не только для исторической науки, но и гуманитарного знания в целом.

Монография И. И. Болдыревой вносит несомненный вклад в современное гуманитарное знание. Она важна для изучения положения женщины в позднем англосаксонском обществе (конец IX – середина XI в.) и в его письменной культуре, в особенности для исследования проблем формирования и функционирования гендерных стереотипов, нашедших отражение в памятниках англосаксонской литературы, а также вопросов, связанных со спецификой имущественного, правового и семейно-бытового статуса английских женщин, в том числе – королей, на рубеже раннего и высокого Средневековья. В работе органично связаны проблемы гендерной, социальной и политической истории, истории менталитета и культуры.

Несомненно, книга будет интересна не только специалистам, но и всем интересующимся социальной и культурной историей западноевропейского Средневековья.

Т. В. Мосолкина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Института истории и международных отношений
Саратовского университета

Л. Н. Чернова,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Института истории и международных отношений
Саратовского университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антимонов Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: wolf-25@yandex.ru

Ахиев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: responsu@list.ru

Биткинова Валерия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: bitkinova@mail.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: a.a.german@mail.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории и археологии, заместитель директора по научной работе Института истории и культуры Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина. E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Ивашенко Михаил Вениаминович, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: m.ivashchenko@list.ru

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета. E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

Кирюшкина Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. E-mail: cy72@mail.ru

Корнев Евгений Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: korenev.es@mail.ru

Костина Александра Константиновна, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: sandrine.kostina@gmail.com

Кочуков Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: lapenkomv@mail.ru

Лукоянова Мария Александровна, аспирант кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: sakhalynka@bk.ru

Макеева Екатерина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры физики и методики обучения Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара. E-mail: katrin0509@mail.ru

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научной работе Института дополнительного профессионального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Редченко Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: engelsvolga@yandex.ru

Сабитова Лилия Равильевна, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Sabitovailiya90@mail.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: larisachernova@mail.ru

Шуваев Денис Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

Яковлева Жанна Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: jgv1972@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akhiev Sergey Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of Ancient History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: responsum@list.ru

Antimonov Mikhail Yuryevich, PhD in History, Associate Professor of Public and Municipal Administration Chair, Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: wolf-25@yandex.ru

Bitkina Valeriya Viktorovna, PhD in Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Chair of Saratov State University. E-mail: bitkina@mail.ru

Chernova Larisa Nikolaevna, Dr. Sc. (Hist), Professor of General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: larisachernova@mail.ru

German Arkady Adol'fovich, Dr. Sc. (Hist), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: a.a.german@mail.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, PhD in History, Assistant Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Ivashchenko Mikhail Veniaminovich, Postgraduate student of Ancient History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: m.ivashchenko@list.ru

Jakovleva Zhanna Vladimirovna, Postgraduate student of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: jgv1972@yandex.ru

Kabytov Petr Serafimovich, Dr. Sc. (Hist), Professor, Head of Russian History Chair, Samara State University. E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

Kiryushkina Victoria Victorovna, PhD in History, Associate Professor of History of Russia and Culture Chair, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: cyr72@mail.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, Dr. Sc. (Hist), Professor of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Korenev Eugeny Sergeevich, Postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: korenev.es@mail.ru

Kostina Alexandra Konstantinovna, Postgraduate student of General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Sandrine.kostina@gmail.com

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lapenkovm@mail.ru

Lukoyanova Maria Alexandrovna, Postgraduate student of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: sakhalynka@bk.ru

Makeeva Ekaterina Dmitrievna, PhD in History, Associate Professor of Physics and Methodology of Teaching Chair, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. E-mail: katrin0509@mail.ru

Mosolkina Tatyana Valentinovna, Dr. Sc. (Hist), Professor of General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mosolkina@mail.ru

Pozdnyakov Alexander Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Associate Professor, Deputy Director for Academic Affairs and Research, Institute of Additional Professional Education of Saratov State University. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Redchenko Dmitry Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: engels-volga@yandex.ru

Sabitova Liliya Ravilievna, Postgraduate student of General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Sabitovaliliya90@mail.ru

Shuvaev Denis Andreevich, PhD in History, Associate Professor of Public and Municipal Administration Chair, Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

Zhirov Nikolay Anatolievich, PhD in History, Deputy Director on Scientific Work of Institute of History and Culture, Assistant of Russian History and Archaeology Chair, Bunin Yelets State University. E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Подписка на II полугодие 2016 года

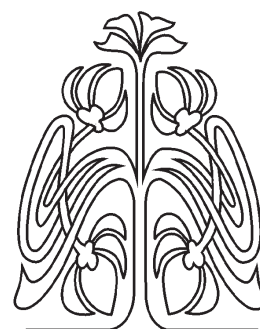
Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36018.

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

